

ISSN 2782-2966

**САМАРСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SEMIOTIC STUDIES

Научный журнал

Том 1 • № 4 • 2021

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. SEMIOTIC STUDIES
SEMIOTICHESKIE ISSLEDOVANIIA. SEMIOTIC STUDIES

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ ЖУРНАЛА

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА» (Самарский университет)

Тематика журнала:

- философия (09.00.00, специальности: 09.00.01, 09.00.08, 09.00.11, 09.00.13),
- социология (22.00.00, специальности: 22.00.03, 22.00.04, 22.00.08),
- литературоведение (10.01.00, специальности: 10.01.01, 10.01.08).

Журнал «Семиотические исследования. Semiotic studies» является периодическим научным изданием, освещающим вопросы общей семиотики и смежных дисциплин. Знак, знаковый процесс и его векторы, семантика, синтактика и прагматика как измерения семиозиса, материальное воплощение знака – это тематическое пространство публикуемых работ. Журнал ориентирован на междисциплинарный синтез теоретического и практического знания, осуществляемый в рамках философии, литературоведения и социологии.

Цель журнала – изучение, осуществление и популяризация семиотического подхода к исследованию реальности.

Задачи журнала – создание международного, междисциплинарного исследовательского пространства в терминах и моделях общей семиотики, актуализация классического наследия и апробация новых идей семиотической мысли, создание и применение семиотических схем анализа и интерпретации в философском, литературоведческом и социологическом знании.

Все статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и двойное слепое рецензирование ведущими учеными в соответствии с тематикой и специализацией журнала.

Главный редактор

А.Ю. Нестеров, д-р филос. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Заместитель главного редактора

Л.Г. Тютелова, д-р филос. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Ответственный секретарь

Т.Ю. Денцова, канд. пед. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Адрес редакции:

443011, Российская Федерация, Самарская область, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

Тел. +7 (846) 3345406, e-mail: semiotic@ssau.ru

www: <https://journals.ssau.ru/semiotic>

Издатель и учредитель: Самарский университет

Адрес издателя: Центр периодических изданий Самарского университета, 443086, Российская Федерация, Самарская область, г. Самара, Московское шоссе, 34, корп. 22 а, 312 б.

Корректура – *И.В. Ахматова*

Компьютерная верстка, дизайн – *И.В. Ахматова*

Информация на английском языке – *А.В. Комаров*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации **ПИ № ФС77-79678** от 27.11.2020 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN 2782-2966

Бизнес-модель: финансирование журнала осуществляется учредителем, все статьи публикуются на бесплатной основе.

0+, Цена свободная

Авторские статьи не обязательно отражают мнение издателя.

В оформлении обложки использованы художественные работы Карла Аймермахера.

Подписано в печать 28.12.2021. Формат 60x84/8.

Бумага офсетная. Печать оперативная. Печ. л. 15,75.

Тираж 200 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ООО «Прайм»

Адрес типографии: 443079, Российская Федерация, Самарская область, г. Самара, Байкальский переулок, 12.

Тел. (846) 922-62-90, e-mail: prime.163@mail.ru

Редакционная коллегия

К. Аймермахер, д-р филос. наук, почётный проф. (Рурский университет, Бохум, Германия)

В.И. Аршинов, д-р филос. наук, проф. (Институт философии РАН, Москва, РФ)

П.Н. Барышников, д-р филос. наук, доц. (Пятигорский государственный университет, Пятигорск, РФ)

Т.В. Бернюкевич, д-р филос. наук, проф. (Московский государственный строительный университет, Москва, РФ)

В.Ю. Бочаров, канд. социол. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Н. Вербер, д-р филос. наук, проф. (Зигенский университет, Зиген, Германия)

М.Н. Вольф, д-р филос. наук, доц. (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, РФ)

Н.В. Головкин, д-р филос. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Новосибирск, РФ)

И.В. Дёмин, д-р филос. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Д.И. Дубровский, д-р филос. наук, проф. (Институт философии РАН, Москва, РФ)

В.Е. Лепский, д-р психол. наук, проф. (Институт философии РАН, Москва, РФ)

М.Н. Липовецкий, д-р филос. наук, проф. (Колумбийский университет, Нью-Йорк, США)

В. Лопичич, д-р филос. наук, проф. (Нишский университет, Ниш, Сербия)

Н.П. Малютина, д-р филос. наук, проф. (Университет Белостока, Белосток, Польша)

А.И. Мантарова, д-р социол. наук, проф. (Институт философии и социологии Болгарской Академии наук, София, Болгария)

И. Пёртген, д-р филос. наук, проф. (Бременский университет, Бремен, Германия)

П. Ристхаус, д-р филос. наук, проф. (Хагенский заочный университет, Хаген, Германия)

С. Томашчикова, д-р филос. наук, доц. (Университет им. Павла Йозефа Шафарика, Кошице, Словакия)

И.А. Христов, д-р по социологии, проф. (Университет Паисия Хилendarского, Пловдив, Болгария)

Г. Шольц, д-р филос. наук, почётный проф. (Рурский университет, Бохум, Германия)

Н.А. Ястреб, д-р филос. наук, доц. (Вологодский государственный университет, Вологда, РФ)

© Самарский университет, 2021

Это контент открытого доступа, распространяемый по лицензии Creative Commons Attribution License, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе при условии правильного цитирования оригинальной работы. (CC BY 4.0)

ISSN 2782-2966

SAMARA
UNIVERSITY

Samara National
Research University

SEMIOTICHESKIE ISSLEDOVANIIJA

SEMIOTIC STUDIES

Scientific journal

Vol. 1 • no. 4 • 2021

JOURNAL FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
SAMARA NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY

Remit of the journal:

- **philosophy** (09.00.00, specialties: 09.00.01, 09.00.08, 09.00.11, 09.00.13),
- **sociology** (22.00.00, specialties: 22.00.03, 22.00.04, 22.00.08),
- **literature studies** (10.01.00, specialties: 10.01.01, 10.01.08).

The journal "Semiotic Studies" is a scientific periodical highlighting the issues of general semiotics and adjacent disciplines. The sign, sign process and its agenda, signification (semantics), syntactics and pragmatics as the measurements of semiosis, material realization of a sign – the research areas of the published papers. The journal is focused on the interdisciplinary synthesis of theoretical and practical knowledge implemented within the framework of philosophy, literature studies and sociology.

The aim of the journal is studying, implementing and promoting the semiotic approach to researching into the reality.

The objectives of the journal – developing the international, interdisciplinary research space in terms and models of general semiotics, maintaining the current state of the classical heritage and new ideas' testing of semiotic thought, developing and application of semiotic analysis and interpretation patterns in philosophical, literature and sociological knowledge.

All the articles undergo reviewing by the Antiplagiat program and double-blind peer-reviewing by the leading scientists in line with the remit and specialties of the journal.

Chief Editor

A.Yu. Nesterov, Dr. phil. habil., Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

Deputy Chief Editor

L.G. Tyutelova, Dr. philol. habil., Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

Executive Editor

T.Yu. Deptsova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

Editorial office address:

1, Academician Pavlov Street, Samara, 443011, Samara region, Russian Federation.

Tel. +7 (846) 3345406, **e-mail:** semiotic@ssau.ru

www: <https://journals.ssau.ru/semiotic>

Publisher and Founder: Samara National Research University

Address of Publisher: Center of Periodical Publications of Samara National Research University, room 312B(Б), building 22A, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Samara region, Russian Federation.

Proofreading – *I.V. Akhmatova*

Computer layout, design – *I.V. Akhmatova*

Information in English – *A.V. Komarov*

The mass media registration certificate **ПН No. ФС77-79678** as of 27.11.2010 is issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media.

ISSN 2782-2966

Business model: financing of the journal is carried out by the founder, all articles are published free of charge.

0+, free price.

The Authors' articles do not necessarily reflect the views of the publisher.

The art works by Karl Eimermacher have been used while creating the cover design.

Passed for printing on 28.12.2021. Format 60x84/8.

Litho paper. Instant print. Print. sheet. 15,75.

Circulation 200 copies. Order No.

Printed using the ready layout original at OOO (LLC) Pryme Printing house.

Printing house address: 12, Baikalskij pereulok, Samara, 443079, Samara region, Russian Federation.

Tel. +7 (846) 922-62-90, e-mail: prime.163@mail.ru

Editorial board

K. Eimermacher, Dr. philol. habil., Professor Emeritus (Ruhr University, Bochum, Germany)

V.I. Arshinov, Dr. phil. habil., Professor (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

P.N. Baryshnikov, Dr. phil. habil., Associate Professor (Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russian Federation)

T.V. Bernyukevich, Dr. phil. habil., Professor (Moscow State University of Civil Engineering, Moscow, Russian Federation)

V.Yu. Bocharov, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

N. Werber, Dr. philol. habil., Professor (University of Siegen, Siegen, Germany)

M.N. Volf, Dr. phil. habil., Associate Professor (Institute for Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

N.V. Golovko, Dr. phil. habil., Associate Professor (Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation)

I.V. Demin, Dr. phil. habil., Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

D.I. Dubrovsky, Dr. phil. habil., Professor (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

V.E. Lepskiy, Dr. psych. habil., Professor (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

M.N. Lipovetsky, Dr. philol. habil., Professor (Columbia University, New York, USA)

V. Lopichich, Dr. philol. habil., Professor (University of Nis, Nis, Serbia)

N.P. Maliutina, Dr. philol. habil., Professor (University of Białystok, Białystok, Poland)

A.I. Mantarova, Dr. soc. habil., Professor (Institute of Philosophy and Sociology at Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria)

Y. Pörzgen, Dr. philol. habil., Professor (University of Bremen, Bremen, Germany)

P. Risthaus, Dr. philol. habil., Professor (Open University of Hagen, Hagen, Germany)

S. Tomashchikova, Dr. phil. habil., Associate Professor (University named after Pavel Yosef Shafaric, Koshits, Slovakia)

I.A. Hristov, Dr. soc. habil., Professor (Plovdiv University "Paisii Hilendarski", Plovdiv, Bulgaria)

G. Scholtz, Dr. phil. habil., Professor Emeritus (Ruhr University, Bochum, Germany)

N.A. Yastreb, Dr. phil. habil., Associate Professor (Vologda State University, Vologda, Russian Federation)

© Samara National Research University, 2021

This is an open access content distributed in accordance with the Creative Commons Attribution License which permits unrestricted use, distribution, and reproduction via any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

СОДЕРЖАНИЕ

Философия

- Цлаф В.М.** О концепте социально-гуманитарной кибернетики 6
Бернюкевич Т.В. Человеческое измерение техники в философии и литературе: П. Флоренский, Ф. Дессаур, А. Платонов 22
Нордманн А. Языковое мышление и мышление языка у Георга Кристофа Лихтенберга 29

Литературоведение

- Филиппов Г.А., Разухина К.Э.** Герой и реципиент в монодраме «Смерть Фирса» В. Леванова . . . 39
Кабилова Е.С. Перформатив в пьесе Сергея Давыдова «Коля против всех» 46
Сизова М.И. Цифровая драматургия первой четверти XXI века. Опыт перформативной проекции нового времени в театре 52
Юхневич А. Нарративизация драматургического высказывания в пьесах Олега Богаева 58

Социология

- Вульфович Р.М.** Совершенствование персонала муниципальной службы в XXI веке (с ЭО и ДОТ). .66
Швая А.Ю. Политико-культурное значение конфликтов по поводу православной символизации публичного городского пространства в контексте деполитизации 74
Баймурзина Г.Р. Качество занятости в оценках участников регионального рынка труда 82
Малыхина Т.А., Бочаров В.Ю. Методология и методы социологического мониторинга сообществ рабочей молодежи в социальных сетях 95

Рецензии

- Тютелова Л.Г.** Поэтика балагана как основа целостности художественного мира М.А. Булгакова (рецензия на монографию Головчинер В.Е., Веснина Т.Л. «Комическое в пьесах М. Булгакова 1920-х годов») 114
Лавлинский С.П. В поисках современного (рецензия на коллективную монографию Журчевой Т.В., Саморуковой И.В., Сундуковой К.А., Тютеловой Л.Г. «Современное как проблема в истории литературы и культуры: слова и границы понятий “модерн”, “модернизм”, “постмодерн”, “постмодернизм”») 117
Требования к оформлению статей 120

CONTENTS

Philosophy

- Tslaf V.M.** Regarding the concept of social and humanitarian cybernetics 6
Bernyukevich T.V. The human dimension of technology in philosophy and literature: P. Florensky, F. Dessauer, A. Platonov 22
Nordmann A. Georg Christoph Lichtenberg's aphoristic thinking 29

Literature studies

- Filippov G.A., Razukhina K.E.** The hero / protagonist and the recipient in the monodrama “The Death of Firs” by V. Levanov 39
Kabilova E.S. Performative in Sergei Davydov's play «Kolya against everyone» 46
Sizova M.I. Digital drama of the first quarter of the XXI century. Experience of performative projection of modern times 52
Jukhnievich A. Narrativization of dramatic statements in the plays of Oleg Bogayev 58

Sociology

- Vulfovich R.M.** Improvement of municipal service personnel in the 21st century (via E-education and distant educational technologies) 66
Shvaya A.Yu. Political and cultural significance of conflicts over the orthodox symbolization of public urban space in the context of depoliticization 74
Baimurzina G.R. The quality of employment in the assessments the regional labor market participants . . 82
Malykhina T.A., Bocharov V.Yu. The methodology and methods of sociological monitoring of communities of working youth in social networks 95

Reviews

- Tyutelova L.G.** The Poetics of the farce as the basis of the integrity of the artistic world of M.A. Bulgakov (review of the monograph Golovchinер V.E., Vesnina T.L. “The comic in M. Bulgakov's plays of the 1920s.”) 114
Lavlinsky S.P. In search of “the modern” (review of the collective monograph Zhurcheva T.V., Samorukova I.V., Sundukova K.A., Tyutelova L.G. «Modern as a problem in the history of literature and culture: words and boundaries of the concepts “modern”, “modernism”, “postmodern”, “postmodernism”») 117
Requirements to the design and layout of articles 120

DOI: 10.18287/2782-2966-2021-1-4-6-21

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 007:(009+316)Дата: поступления статьи: 15.10.2021
после рецензирования: 29.11.2021
принятия статьи: 17.12.2021**В.М. Цлаф**Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: victor.tslaf@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2499-5252>

О концепте социально-гуманитарной кибернетики

Аннотация: в статье описаны основные атрибуты естественных, гуманитарных, социальных и технических наук. Особенность кибернетики состоит в ее двойственности: с одной стороны, это естественная наука, изучающая информационные процессы, статику и динамику систем управления; с другой стороны, это техническая наука, задача которой – эпистемическое обеспечение разработки алгоритмов и технических средств для анализа, прогнозирования и управления процессами в технических и социально-деятельностных системах. Синтез кибернетики как естественной науки с гуманитарными и социальными науками необходим в случаях, когда необходимо сформировать механизм эффективного управления социально-деятельностными системами на основе данных, получаемых методами социально-гуманитарных наук, с учетом требований кибернетики к системам управления, для оптимизации управления, придания социально-деятельностным системам свойств самоорганизации и обучаемости. В теоретическом плане такой синтез необходим для разработки общей теории управления социально-деятельностными системами и теоретических основ управления социокультурной модернизацией общества, что является одной из наиболее актуальных задач современности. Социально-гуманитарная кибернетика на данном этапе ее развития формируется как совокупность конкретных примеров синтеза кибернетики с гуманитарными и социальными науками. Выделение социально-гуманитарной кибернетики в отдельную науку со всеми ее атрибутами: специфической онтологической и методологической базой, библиотекой разработанных моделей, архивом фактографических данных, специфическим языком описания всех элементов науки, уникальным проблемным полем, библиотеками типовых методик решения задач, логически завершенной теорией и совокупностью гипотез, подготовленных для дальнейшего развития теории, – является делом будущего.

Ключевые слова: естественные науки; гуманитарные науки; социальные науки; технические науки; кибернетика; синтез; управление; социально-деятельностная система.

Цитирование: Цлаф В.М. О концепте социально-гуманитарной кибернетики // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2021. Т. 1, № 4. С. 6–21. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-4-6-21>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© **Цлаф В.М., 2021** – кандидат технических наук, доцент, научный руководитель научно-образовательного и консалтингового центра системных и стратегических решений в области экономики и управления Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

V.M. TslafSamara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: victor.tslaf@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2499-5252>

Regarding the concept of social and humanitarian cybernetics

Abstract: the main attributes of natural, humanitarian, social and technical sciences are described in the article. The peculiarity of cybernetics is its duality: on the one hand, it is a natural science that studies information processes, statics and dynamics of control systems; on the other hand, it is a technical science, the task of which is to epistemically ensure the development of algorithms and technical means for analyzing,

forecasting and managing processes in technical and socio-activity systems. The synthesis of cybernetics as a natural science with the humanities and social sciences is necessary in cases where it is necessary to form a mechanism for effective management of socio-activity systems based on data obtained by methods of socio-humanities, taking into account the requirements of cybernetics for management systems, to optimize management, to provide socio-activity systems with the properties of self-organization and learning. Theoretically, such a synthesis is necessary for the development of a general management theory of socio-activity systems and the theoretical management foundations of socio-cultural society modernization, which is considered to be one of the most actual tasks of our time. Socio-humanitarian cybernetics at this stage of its development is formed as a set of concrete examples of the cybernetics' synthesis with the humanities and social sciences. The formation of socio-humanitarian cybernetics as a separate science with all its attributes: specific ontological and methodological base, library of developed models, archive of factual data, specific language for describing all scientific elements, unique problematic area, standard methods' libraries for solving problems, logically completed theory and a set of hypotheses for the purpose of the theory further development in the future.

Key words: natural sciences; humanities; social sciences; technical sciences; cybernetics; synthesis; management; socio-activity system.

Citation: Tslaf, V.M. (2021), Regarding the concept of social and humanitarian cybernetics, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 1, no. 4, pp. 6–21, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-4-6-21>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Tslaf V.M., 2021 – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, head of the Samara National Research University Scientific, Educational and Consulting Centre of System and Strategic Solutions in Economic and Management Sphere, 34, Moskovskoe Shosse (st.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение. Постановка задачи исследования

В рамках сложившейся традиции объем понятия «социально-гуманитарная кибернетика» включает применение информационных технологий и средств вычислительной техники как для выполнения отдельных задач, так и для комплексной цифровизации целых областей деятельности в социально-гуманитарной сфере: образовании, здравоохранении, социальных и социально-политических исследованиях и др. Представляется, что указанная традиция сужает область применения кибернетики для целей социально-гуманитарного профиля.

С позиций семиотики, любому объекту именованию можно присвоить произвольное имя (Чёрч 1960, с. 17) с единственным условием: соответствие имен и их денотатов должно быть неизменно и известно всем участникам коммуникаций, в которых будет употребляться это имя. Таким образом, значение термина «социально-гуманитарная кибернетика» формируется конвенционально, а не в результате действия неких естественных причин. Поэтому было бы бессмысленно на вопрос: «Что такое социально-гуманитарная кибернетика?» – искать «единственно верный» ответ, опираясь на цитаты (как принято в вузовской образовательной практике при составлении глоссариев) или рассуждения. Это словосочетание может означать все, что угодно, – «как договоримся» – и единственное разумное отношение к этому термину заключается в ответе на вопрос: зачем нам нужен предмет, им обозначаемый, – после чего станет ясно, что это за предмет (возможно, в нескольких вариантах).

Из сказанного следует, что введение в научный оборот любого понятия (но не термина, выбор которого для обозначения понятия может быть даже случаен) связано с некоторыми научными или практическими потребностями некоторого субъекта и, следовательно, *ценностно детерминировано*. Поэтому ответ на поставленный вопрос мы формулируем следующим образом: мы хотим выявить и описать те случаи, когда осуществленный тем или иным способом синтез кибернетики и социально-гуманитарных наук в исследовательской или созидательной практике *приносит в каком-то смысле благо* конкретному человеку, обществу или человечеству.

Очевидно, что эта задача не может быть решена перечислением конкретных случаев, где выполняется указанное условие, а требует разработки средств их общего описания. Попытка решения такой задачи делается в настоящей статье.

О типологии наук

Для дальнейшего рассуждения необходимо зафиксировать нашу позицию по вопросу, *что* мы понимаем под естественными, техническими, гуманитарными и социальными науками, какие атрибуты этих наук мы выбираем для дальнейшего использования в настоящем исследовании и к какому из перечисленных типов наук мы относим кибернетику. Мы употребляем здесь термин «атрибуты науки», потому что в данном исследовании мы говорим о физике, химии или социологии, не рассматривая содержание физических законов или социологических концепций. Для нас «физика», «химия», «социология» и т.п. – понятия, позволя-

ющие понимать назначение, онтологические и методологические особенности этих наук, различать их по этим характеристикам и относить к одному из указанных типов.

При этом мы учитываем, что природа научного знания, критерии отнесения знания к научному, его виды, методы получения являются предметом исследований и дискуссий многих философских, эпистемологических и методологических школ, которыми за несколько столетий единая позиция по этим вопросам не выработана. Следовательно, попытка обоснования нашей позиции аргументами одной из школ, как и попытка формирования собственной школы, встретят критику со стороны других школ, которая с каких-то позиций будет признана обоснованной. Учитывая это, мы формулируем нашу позицию в форме постулатов, не обосновывая их и понимая, что критика их неизбежна.

Мы рассматриваем научное знание как продукт целенаправленной человеческой деятельности – научного исследования, – цели которой определяются ценностями акторов.

Естественнонаучное знание определяет, дополняет или детализирует картину мира, так или иначе показывая – *так устроен мир*. Компонент любой естественной науки – онтологическая составляющая. *Объектом* естественной науки может быть любой объект, созданный природой или человеком («вторая природа»), в том числе и сам человек как объект биологии, но *предмет* естественной науки охватывает только те устойчивые связи между явлениями (закономерности), которые не созданы сознательной человеческой деятельностью. Результат естественной науки включает только знание *общего*. Понятие «общее» в данном случае означает, что при многократном повторении одного и того же явления будут проявляться одни и те же зафиксированные наукой закономерности, применимые ко *всем* реализациям этого явления, т.е. в реализациях этого явления не проявляются их индивидуальные особенности, или эти особенности признаются не значимыми для результатов исследования, либо различия признаются случайными и оцениваются опять-таки общими статистическими показателями. В силу этого естественнонаучное знание относится не только к прошлому и настоящему, *объясняя* их (отвечая на вопросы, *почему* так происходит), но и к будущему, создавая возможность его *прогнозирования* (отвечая на вопросы, *что* будет происходить в будущем и *почему* это будет происходить).

Однако понятия «общее» и «частное» имеют и другой смысл. В этом смысле *общее* охватывает широкий круг *разных* явлений, в число которых входит и данное *частное* явление. Особенность естественных наук – использование *дедуктивного метода* объяснения мира. Как писал выдающийся советский физик А.И. Китайгородский,

«...физическая схема объяснения явления заключается в сведении частного к общему, в логическом показе, что данное явление есть частный случай общего закона природы. А *общий закон* природы – это сегодняшний потолок объяснения. ... потолок объяснения по мере развития науки имеет тенденцию к повышению. То, что сегодня выглядит общим законом природы, через несколько лет может оказаться следствием открытого еще более общего закона природы, для которого старый закон – лишь частный случай» (Китайгородский 1965, с. 83).

Источники естественнонаучного знания – результаты наблюдения и эксперимента. Наблюдение предполагает получение информации от объекта исследования без воздействия наблюдателя на объект, эксперимент предполагает изучение реакции объекта исследования на действия экспериментатора. Эти источники обеспечивают получение знания о *единичном* и *частном*, которые затем обобщаются применением *индукции*. Эта часть любой естественной науки образует *экспериментальную* науку. После индуктивного формирования общего знания появляется возможность дедуктивного объяснения частного и единичного, о котором говорилось выше – построенная таким образом структура знания образует *теоретическую* науку. Наличие двух структур научного знания: экспериментальной, построенной на данных опыта и индуктивных умозаключениях, и теоретической, использующей установленные экспериментальной наукой общие законы и дедуктивную логику для объяснения частного и единичного, является структурной характеристикой естественных наук.

Объяснения явлений, содержащиеся в естественнонаучном знании, однозначны. Рождение новой закономерности или ее объяснения уничтожает и заменяет старую, если старая не может быть интерпретирована как частный случай новой.

Создание и развитие естественнонаучного знания обусловлено *ценностью истины* и ценностью знания как такового (*самоценностью знания*). Знаменитому полярному исследователю Фритюфу Нансену приписывают следующее высказывание: «История человечества – это непрерывное стремление от темноты к ясности. Поэтому не имеет смысла обсуждать цели познания – человек желает знать, и когда у него прекратится это желание, он перестанет быть человеком».

Тем не менее, истинность и объективность естественнонаучного знания составляют один из проблемных вопросов в этой области. *Априорные знания* исследователя и его *интенциональность* определяют методику исследования, что порождает субъективное влияние на результат исследования. Т. Кун в известной работе «Структура научных революций» (Кун 1977) показал, какое

значение в признании или непризнании тех или иных результатов истинными имеет *парадигма*, выраженная *мнением* определенного научного сообщества. «Нормальная наука, на развитие которой вынуждено тратить почти все свое время большинство ученых, основывается на допущении, что научное сообщество знает, каков окружающий нас мир. Многие успехи науки рождаются из стремления сообщества защитить это допущение, и если это необходимо – то и весьма дорогой ценой. Нормальная наука, например, часто подавляет фундаментальные новшества, потому что они неизбежно разрушают ее основные установки» (Кун 1977, с. 22). Кун ввел понятие научной революции, заменяющей действующую парадигму новой, однако субъективное влияние на признание научных результатов истинными как таковое сохраняется.

Сказанное в большей степени относится к *фундаментальному* естественнонаучному знанию. Помимо него существует *прикладное* знание, предназначенное для использования естественнонаучного знания в практической деятельности человека – производстве материальных и духовных ценностей. От рассмотренного ниже технического знания оно отличается тем, что содержит онтологическую составляющую (объяснение, как устроен мир), но его формирование обуславливается не только ценностью истины и самооценностью знания, но и ценностями, определяющими генезис технического знания.

Объект *гуманитарного* научного знания – человек и его деятельность в духовной сфере. Субъект исследования сам входит в число объектов, что обуславливает включение рефлексии в методический аппарат исследования. Гуманитарное знание направлено на описание не столько общего, сколько *особенного* (индивидуального) (Бахтин 2000, с. 227). В силу этого, во-первых, исключается построение *законов* как вида знания; попытки сформулировать «законы истории» или «законы творчества» представляются нам неудачными попытками внедрения естественнонаучной методологии в гуманитарную сферу, хотя такое внедрение составляло предмет деятельности ряда научных школ. Общее в гуманитарной сфере проявляется в виде культурных стереотипов, а не естественных закономерностей. По отношению к сознательной деятельности человека законы в гуманитарной сфере заменяются *принципами* осуществления человеком каких-либо действий (процедур) для получения желаемых результатов – эти принципы выбираются субъектом, исходя из своих ценностей и культурных стереотипов, при необходимости утверждаются конвенционально в социальном окружении и реализуются в условиях объективных ограничений, описываемых естественными и социальными науками (ограничения

на действия субъекта накладывают природа и/или общество).

Во-вторых, замена знания общим знанием особенно приводит к замене научного прогнозирования *предвидением*. В осуществлении последнего роль научного знания существенно дополняется ролью интуиции, художественного (образного) мышления, обыденного опыта, здравого смысла и особого таланта актора. Предвидение, таким образом, детерминировано субъективными факторами, дает картину будущего, вероятность реализации которой далека от единицы и совершенно не учитывает влияние таких факторов, маловероятных, как конкретные единичные события, но весьма значимых в определении будущего, как техногенные катастрофы, эпидемии и другие чрезвычайные события.

Основной источник гуманитарного знания – текст. По выражению М.М. Бахтина, «предмет гуманитарных наук – *выразительное и говорящее бытие*» (Бахтин 2000, с. 228). Гуманитарному знанию не свойственны четкие, точные формулировки. В цитируемой работе М.М. Бахтин говорит: «Критерий здесь не точность познания, а глубина проникновения» (Бахтин 2000, с. 227). «Точность предполагает совпадение вещи с самой собой. Точность нужна для практического овладения. Самораскрывающееся бытие не может быть вынуждено и связано. Оно свободно и поэтому не предоставляет никаких гарантий» (Бахтин 2000, с. 228).

Ценность, реализуемая развитием гуманитарного знания, – понимание человека, человеческого поведения, его мотивов и регуляторов, степени ответственности человека и общества за результаты его действий.

Значение гуманитарного знания для формирования деятельности человека состоит в том, что результаты понимания особенного формируют *образцы* жизни и деятельности, следование которым или отрицание которых (в любом случае – оценивание которых) создает или изменяет нормы культуры. Будучи признаны (ассимилированы) обществом, последние выступают как *социокультурные нормы* – основной регулятор деятельности. Изучение социокультурных норм, их генезиса и регулирующего действия – область пересечения гуманитарного и социального знания.

Нормативная теория деятельности – одна из важнейших составляющих *социального знания* – предполагает, что деятельность человека детерминирована двумя видами норм: институциональными, задаваемыми внешними механизмами власти и выполняемыми принудительно, под угрозой санкций, и социокультурными – обусловленными внутренними факторами: полученным образованием, воспитанием человека и его инкультурацией в определенной среде, в том числе и влиянием усвоенного гуманитарного знания. Принципиаль-

ное значение имеет следующее положение: *институциональные и социокультурные нормы могут быть согласованы друг с другом или вступать в противоречие. В случае противоречия приоритет принадлежит социокультурной норме* – выполнение институциональной нормы потребует дополнительных затрат ресурсов (транзакционных издержек) для преодоления противоречия с использованием механизмов принуждения, авторитета, стимулирования или убеждения. При отсутствии достаточных ресурсов для преодоления транзакционных издержек выполнение институциональных норм, противоречащих социокультурным нормам, невозможно (Цлаф 2012).

Разумеется, генезис культуры не сводится к трансформации гуманитарного знания в нормы культуры, но из всех видов научного знания непосредственное влияние на формирование культуры оказывает только гуманитарное. Естественнонаучное знание в генезис культуры непосредственно не включено, техническое знание в результате его освоения в образовательных процессах формирует только нормы производственной деятельности в узкопрофессиональной области. Этим определяется исключительная возможность использования гуманитарного знания для развития когнитивной, созидательной и других видов деятельности посредством изменения культуры.

Социальное знание в методологическом отношении частично близко естественнонаучному, частично – гуманитарному. Его объект – общество, предметом являются структурные элементы социума (социальные группы, сообщества, классы, семьи и др.), социальные отношения (межличностные, личностно-групповые, межгрупповые, включая власть – подчинение), социальные роли и статусы, другие атрибуты социума, коммуникация и культура. В числе источников социального знания, как и естественнонаучного, – наблюдение и эксперимент, но к ним добавляются тексты – характерный источник гуманитарного знания. Социальное знание претендует на знание общего («законы общественного развития»). Но, во-первых, общее в социальном знании определяется культурными стереотипами и, следовательно, в конечном счете, ценностно детерминировано. Как и гуманитарное знание, социальное знание не может содержать естественных законов. Во-вторых, это знание вырабатывается по отношению к одним и тем же предметам одновременно в рамках разных школ и направлений, в результате чего объяснения любых явлений множественны. В частности, помимо упомянутой выше нормативной теории деятельности, существует ряд других теорий, также опирающихся на гуманитарное знание, но имеющих принципиально иное содержание. Новые концепции в основном не заменяют старые, а сосуществуют с ними. Как и

гуманитарному знанию, социальному знанию не свойственна точность формулировок. Если, как установлено Т. Куном (Кун 1977), в естественных науках истинность положений утверждается конвенционально на основании действующей в данный момент парадигмы, то в социальных науках в каждый момент времени действует несколько взаимоисключающих парадигм, каждой из которых соответствует свое содержание социального знания. Зависимость результатов социального исследования от априорного знания и интенциональности исследователя проявляется в еще большей мере, чем в естественнонаучной сфере.

Множественность социальных концепций, в том числе учет разных факторов разными концепциями (моделями), не позволяет выполнить достоверное прогнозирование будущего. Социальное знание, как и гуманитарное, ограничивается предвидением будущего. Более того, в рамках социальных технологий существуют формы *предсказания* будущего, опирающиеся на предположение, что человеческий опыт в определенных сферах деятельности, знание естественнонаучных прогнозов и интуиция «экспертов» позволят предсказать будущее в достаточной степени достоверно. На этом основаны коллективные формы предсказания будущего: форсайт-сессии, стратегические сессии, тематические «круглые столы» и другие. Однако их использование чаще служит политическим, а не управленческим и тем более не научным целям: достоверность таких предсказаний крайне низка, основана фактически на уже проявившихся трендах и не может учесть неожиданные, но важные события – так, никто ни в каких «сессиях» не смог предсказать пандемию COVID-19.

Специфической формой социального знания являются *институциональные нормы*. По определению лауреата Нобелевской премии Д. Норта, «институты – это “правила игры” в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми» (Норт 1997, с. 17). Институциональные нормы, принятые и охраняемые органами государственной власти, образуют систему права. К институтам обычно относят также принятые обществом условности и нормы поведения, если их нарушение влечет наложение обществом санкций: публичного осуждения, отторжения и др. В любом случае риск наложения санкций требует от любого субъекта знания институциональных норм.

Основные ценности, реализуемые развитием социального знания, – гармония человека и природы, сосуществование и совместная деятельность людей, в том числе обладающих разной культурой и подчиняющихся разным институтам, т.е. это *цивилизационные* ценности. Наряду с

ними, могут действовать ценности, обеспечивающие выживание индивида в обществе, не признающем цивилизационных норм, также находящие отражение в культуре и социальном знании.

Техническое знание вторично по отношению к естественнонаучному и социальному. Объект технического знания – *осуществляемые человеком* или при участии человека *целенаправленные процессы* создания, сохранения, изменения или уничтожения материальных и/или социальных объектов, результатов деятельности в духовной сфере, а также цели, задачи, средства, методы и процедуры (действия) реализации этих процессов. Выбор объектов технического знания ограничен только нормами права и культуры – существуют предметы, материальные и социальные, создание, изменение, сохранение или уничтожение которых нелегально или/и нелегитимно. Ценности, реализуемые развитием и использованием технического знания, многообразны и соответствуют ценностям, реализуемым с помощью перечисленных процессов. Они могут включать ценность прекрасного при создании материальных объектов, ценность добра или справедливости при преобразовании социальных объектов, ценность здоровья при уничтожении вредоносных веществ и др., но в любом случае в процессе использования технического знания реализуется *ценность увеличения ценности*. Любой из перечисленных процессов имеет свой объект, который в результате выполнения процесса должен стать более ценным. Это не предполагает исчисления ценности объекта в деньгах, но реализация любого *искусственного* (создаваемого или регулируемого человеком) процесса должна принести некоторое дополнительное благо.

Техническое знание не содержит онтологической составляющей, ссылаясь на соответствующие разделы естественнонаучного и/или социального знания. Опираясь на общие законы и принципы, выработанные естественнонаучным и социальным знанием, технические науки используют дедуктивные умозаключения. Техническое знание обеспечивает *проектирование* будущего, наделяя его желательными (ценностно детерминированными) характеристиками (для этого проектирование использует, помимо дедуктивных, *традуктивные* умозаключения, а также акты творчества, результаты которого не выводятся логически из известных положений), тем самым увеличивая ценность того, чем будет располагать общество в будущем, *конструирование* его, обеспечивая реализуемость проекта, в том числе согласование проекта с социокультурными нормами планируемых исполнителей и пользователей (вследствие непонимания роли социокультурных норм сегодняшняя практика отнюдь не всегда предусматривает такое согласование, что

в дальнейшем приводит к невыполнению сроков, удорожанию работ вследствие возникновения транзакционных издержек, и другим негативным последствиям), и *реализацию* проекта. Проектирование и конструирование используют техническое знание, но являются видами *инженерной* деятельности и не относятся к научной деятельности. Реализация проекта также не является научной деятельностью, если это не проект выполнения научного исследования или его элементов.

Определяя деятельность человека на основе естественнонаучных законов и норм культуры, техническое знание не содержит положений в форме законов, но определяет *принципы* и *правила* (институциональные нормы) осуществления регулируемой этим знанием деятельности.

Таким образом, технические науки выполняют функцию посредников между исследовательской деятельностью в сферах естественных, гуманитарных и социальных наук, с одной стороны, и практической деятельностью по увеличению ценности того, чем располагает общество и будет располагать в будущем, с другой стороны.

Кибернетика и ее место в системе научного знания

Как известно, рождение кибернетики связано с выходом в США в 1948 году книги Норберта Винера «Кибернетика или управление и связь в животном и машине» (Винер 1968). Включение в систему научного знания новой науки имело ряд особенностей, во многом определивших ее судьбу.

Кибернетика не внесла в систему научного знания нового объекта. Управление являлось объектом человеческого знания с древних времен, в том числе в ту эпоху, когда научное знание еще не выделялось из общей системы знания. К середине 1940-х гг. управление всевозможными объектами успешно изучалось различными техническими, естественными (биологическими) и социальными науками. Однако нельзя сказать, что все эти отрасли знания изучали один и тот же объект: государство, военные действия, предприятия, процессы в живых организмах и технических системах рассматривались как разные объекты управления, и знания об управлении ими не содержали общих положений. Кибернетика впервые показала, что процессы управления всеми этими объектами представляют собой частные случаи управления как процесса восприятия, хранения, переработки и использования информации (формулировка А.Н. Колмогорова (Колмогоров 1958, с. 149)).

Кибернетика открыла не новый объект исследования, а новый предмет – новый ракурс изучения давно известных объектов. Новая исследовательская позиция позволила объединить разрозненные виды управления в единый объект. «Кибернетика предлагает единую терминологию и единый ком-

плекс понятий для представления систем самых разных типов» (Эшби 1959, с. 17). Один из отечественных пионеров кибернетики А.Я. Лернер писал в 1967 году: «В настоящее время кибернетика представляет собой общую теорию управления, применимую к любой системе вообще (Лернер 1967, с. 10). ...В основе кибернетики лежит идея возможности развить общий подход к рассмотрению процессов управления в системах различной природы. Сила этой идеи заключается в том, что оказалось возможным, кроме общих рассуждений методологического характера, предложить также мощный аппарат для количественного описания процессов, для решения сложных задач, основанный на методах теории информации, теории динамических систем, теории алгоритмов и теории вероятностей» (Лернер 1967, с. 11).

Но при этом науки, изучавшие управление различными объектами, не потеряли своей самостоятельности и, несмотря на включение слова «кибернетика» в заголовки некоторых работ, не превратились в разделы кибернетики. Кибернетические аспекты управления вошли в эти науки в качестве дополнительных разделов, не затрагивая основного содержания ни в онтологическом, ни в методологическом аспектах, в том числе в работах ряда ведущих ученых. Из отечественных работ раннего периода кибернетики это видно на примере монографии А.А. Красовского и Г.С. Пospelова (Красовский, Пospelов 1962). В этой работе из 21 главы первые 17 глав содержат традиционное изложение теории автоматического регулирования, глава 18 посвящена понятиям энтропии, информации и алгоритма в системах автоматического управления (22 страницы на все указанные понятия), главы 19–21 – системам экстремального регулирования, системам с самонастраивающимися корректирующими устройствами и игровым системам, причем в последней главе, наряду с теорией игр, рассматриваются динамическое и линейное программирование (в одном параграфе).

Оценивая сложившуюся ситуацию, А.Я. Лернер писал: «Не умаляя заслуг Норберта Винера и его коллег, необходимо, однако, отметить, что по существу ряд научных направлений, составляющих сейчас основные положения кибернетики, разрабатывался уже на протяжении многих лет, а некоторые даже в течение столетий. Уже около 100 лет (начиная с работ Максвелла и Вышнеградского) разрабатывается теория регулирования, теория систем с обратной связью. Более 30 лет прошло с начала работ по применению алгебры логики для исследования переключаемых схем (работы советских ученых Шестакова, Гаврилова, японского ученого Накаси́ма). Идея создания цифровых вычислительных машин разрабатывалась еще Паскалем и Лейбницем в XVII

в. и в более развитом виде Бабэ́жем в XIX в. Тем не менее, только после работы Винера началась цепная реакция формирования общей теории управления» (Лернер 1967, с. 12). Эта реакция распространилась на биологию, экономику и другие научные направления, где создавались новые научные дисциплины: нейрокибернетика (Эшби 1962; Джордж 1963; Брайнес, Напалков, Свечинский 1962), экономическая кибернетика (Ланге 1968; Кобринский 1969) и другие. Первые работы по применению методов кибернетики (теории информации и моделирования) выполнялись в искусствоведении (Бензе 1972; фон Кубе 1972; Зарипов 1971).

Принесла ли работа Н. Винера новую онтологическую картину, новое знание о том, как устроен мир? – Да, и эти новации были весьма существенными.

До Н. Винера естественнонаучная картина мира основывалась на двух субстанциях: материи и энергии. Можно, очень упрощая, сказать, что энергия – это количественная характеристика реального и потенциального движения материи. При этом качественные характеристики движения: направленность изменений, аperiodичность или колебательность и многие другие – входят как параметры в описания конкретных явлений и присущи этим явлениям. Кибернетика в онтологическом плане показала, что эти характеристики составляют особую субстанцию – информацию, которая может создаваться, измеряться количественно, перемещаться по особым каналам в пространстве, сохраняться во времени или изменяться, уничтожаться, формируя тем самым *информационные процессы*. Для их реализации нужны особые средства и методы, получившие в дальнейшем название «информационные технологии». Основы построения таких средств (цифровых автоматов и каналов связи) и методов (алгоритмов) были предложены кибернетикой одновременно с новой «трехэлементной» (материя, энергия, информация) онтологией – и это оказалось решающим для определения судьбы кибернетики.

Второй принципиальной новацией, уже не онтологического, а методологического плана, стал *функциональный подход*. Как писал У. Эшби, «кибернетика... говорит не о вещах, а о способах поведения. Она спрашивает не "что это такое?", а "что оно делает?"» (Эшби 1959, с. 13). Возможность обсуждения движения, функции в отрыве от того, *что* движется, движения как такового со всеми его качественными и количественными характеристиками стала буквально шокирующей новацией для сторонников примитивного материализма, обрушивших свой гнев за «неверное решение основного вопроса философии» на новую науку.

Следствием указанных новаций стало введение ряда новых категорий. Одной из них стало понятие *измеримого разнообразия*. Это понятие, с одной стороны, позволило найти подход к оценке сложности и работы со сложными системами («...достоинство кибернетики состоит в том, что она предлагает метод научного исследования систем, сложность которых слишком велика и существенна, чтобы ее можно было игнорировать» (Эшби 1959, с. 18)), с другой стороны, позволило придать точный смысл понятию управления.

Множество определений управления, которые мы рассматривать не будем, игнорирует очевидную ситуацию: управление возможно, если мы различаем начальное и конечное (целевое) состояния управляемого объекта в процессе управления. Если возможно единственное конечное состояние, управление невозможно и не нужно, так как система независимо от воздействий на нее будет приходить в одно и то же состояние. Управление необходимо и возможно вследствие *разнообразия* возможных конечных состояний. «Одной из характерных особенностей управляемой системы является способность изменять свое движение, переходить в различные состояния под влиянием управляющих воздействий... Всегда существует некоторое множество движений, из которых производится выбор предпочтительного движения, если речь идет об управляемой системе. *Где нет выбора, там нет и не может быть управления*» (Лернер 1967, с. 18).

Важным достижением кибернетики стало понимание того, что осуществление выбора эквивалентно уничтожению неопределенности, т.е. отрицательной энтропии, что отмечал редактор книги Винера Г.Н. Поваров (Винер 1968, с. 17).

С понятием разнообразия связан *единственный* фундаментальный закон кибернетики как *естественнонаучной* дисциплины – фундаментальный в том смысле, что он относится ко всем актам управления, реализуемым в любых системах любыми средствами, и опирается на анализ сущности этих актов – *закон необходимого разнообразия*, открытый У. Росс Эшби (Эшби 1959, с. 287–310) и рассмотренный применительно к управлению производством Ст. Биром (Бир 1963, с. 66–72).

Смысл закона заключается в том, что получение конкретного целевого результата в процессе управления в условиях разнообразия возможных конечных состояний требует уменьшения (уничтожения) этого разнообразия. Как показал У. Росс Эшби, для этого необходимо разнообразие действий той системы, которая действует против разнообразия исходов процесса, то есть системы управления. Рассматривая действия «игрока» R, который «играет» против разнообразия исходов, У. Эшби формулирует закон: «разнообразие исхо-

дов, если оно минимально, может быть еще более уменьшено лишь за счет увеличения разнообразия, которым располагает R. *Только разнообразие может уничтожить разнообразие*» (Эшби 1959, с. 294).

Так как разнообразие исходов процесса управления, с одной стороны, и разнообразие действий управляющей системы, с другой стороны, определяются сложностью управляемой и управляющей систем, рассматриваемый закон устанавливает, что *сложной управляемой системой может управлять только не менее сложная управляющая система*.

Этот важнейший закон остался непонятым, более того – неизвестным большинству практиков-управленцев и систематически не выполняется в системах государственного и муниципального управления и в сфере управления бизнесом, что является одной из основных причин низкой результативности управления. Консалтинговые компании и бизнес-тренеры, кандидаты на выборах в органах власти уверяют, что можно *просто* устранить все известные проблемы. В СМИ и социальных сетях публикуется огромное число объявлений, предлагающих «готовые стратегии» и другие «простые» управленческие решения, разработанные даже без предварительного ознакомления с теми объектами, на которых их предлагается внедрять (нарушение принципа принятия управленческих решений на основе информации от объекта управления). Лица, управляющие сложнейшими производственными и политическими системами, ищут простые решения, не понимая, что они принципиально не могут быть результативными. На этом незнании спекулирует множество лиц, выдающих себя за «гуру управления» и продающих «простые универсальные советы». В курсы менеджмента, включая вузовские программы, MBA и другие, изучение закона необходимого разнообразия, как правило, не входит.

Онтологически важно, что управление, по Н. Винеру, разворачивается во времени, более точно, в необратимом времени (Винер 1968, с. 80–97). Это позволяет в теории управления рассматривать управление как *процесс*, а не воздействие, точечное во времени (что встречается в различных толкованиях управления), и различать исходное и целевое состояния объекта управления.

Нужна ли была человечеству новая онтология мира и методология функционального подхода? Нуждалось ли человечество в 1950–1970-х гг. в новом объяснении мира? О чем говорят факты? – *Да*, если рассматривать возникновение новых наук или новых разделов науки на «стыке» кибернетики с физиологией, искусствоведением и другими естественными и гуманитарными науками – именно там стали разрабатываться вопросы использования теории информации, алгоритмов,

системного подхода для выработки *нового понимания традиционных для этих наук вопросов* и, соответственно, постановки новых вопросов. В качестве примера можно привести работу Ф. фон Кубе (фон Кубе 1972), в которой изменения энтропии используются для анализа динамики развертывания и разрешения конфликтов в драме. *Нет*, с некоторой осторожностью приходится констатировать, рассматривая работы в области теории автоматического регулирования (о чем говорилось выше), менеджмента и многие другие. Массовое незнание закона необходимого разнообразия при том, что поиск упрощенных решений в настоящее время приобрел характер проблемы цивилизационного уровня, также подтверждает это «нет». Прогресс кибернетики и как науки, и как области практики определяется сегодня, главным образом, не ее естественнонаучным содержанием, а теми перспективами, которые она открыла в развитии техники.

Особенность кибернетики состоит в ее двойственности, в том, что, кроме естественнонаучного содержания, она принесла обществу принципиально новое техническое знание. Создание кибернетики Винером и его коллегами было обусловлено решением практических задач управления. Соответственно, первоначальная потребность была именно в техническом знании, в способах решения практических задач, над которыми работали многие специалисты. И только колоссальная, многогранная эрудиция математика Н. Винера, его совместные работы с физиологами (А. Розенблют, У. Мак-Каллох), физиками (М.С. Вальярта), инженерами (Дж. Бигелоу) и специалистами других отраслей позволили вывести искомое техническое знание за пределы технической науки, придав определенным положениям онтологический и методологический статус.

Основой кибернетики как технической науки является *принцип обратной связи*. Так как этот принцип не объясняет закономерностей природы, а регулирует действия человека, мы не относим его к числу естественнонаучных законов. Управлять можно без обратной связи, что подтверждается наличием разомкнутых управляющих систем, реализующих программное управление, однако в условиях случайных воздействий на систему управления получить целевой результат с помощью разомкнутой системы весьма проблематично (системой управления в кибернетике называется совокупность управляемой и управляющей систем). Невозможно, не используя обратную связь, построить систему стабилизации (в более общем случае – систему обеспечения гомеостаза) или следящую систему, а также системы более высоких уровней – самонастраивающиеся, самоорганизующиеся, обучающиеся и другие. И тем не менее, *человек выбирает, что он строит и как*

он строит, и любой принцип реализуется только через деятельность человека, если для него ценно получение результата, требующего применения этого принципа.

Как уже отмечалось, и в основополагающей работе Н. Винера, и в других работах того же периода были заложены основы построения технических средств управления, реализующих принципы кибернетики: введены понятия памяти, обучения систем управления, показана целесообразность двоичного кодирования информации и другие.

Как отмечал академик А.Н. Колмогоров, материальной основой возникновения кибернетики и возрастающего к ней интереса является создание и распространение машин и всевозможных технических устройств, специально предназначенных для переработки или хранения и передачи информации (Колмогоров 1958, с. 151). Практическая полезность таких машин была столь велика, что развитие кибернетики именно как технической науки характеризует основные тенденции последовавших за ее созданием десятилетий развития. Работы в области самонастраивающихся, самоорганизующихся, обучающихся систем, распознавания образов, нейронных сетей, в дальнейшем – искусственного интеллекта произвели революцию во многих областях науки и практики. Но большинство этих направлений выделилось в самостоятельные научные направления. Д.А. Новиков следующим образом характеризует прошедший этап развития кибернетики: «...в середине 40-х годов XX века кибернетика зародилась как наука об «управлении и связи в животном и машине», можно даже сказать – как наука об ОБЩИХ законах управления... Триумфальные успехи кибернетики в 50-60-е годы XX века – появление технической, экономической, биологической и других кибернетик, их тесные связи с исследованием операций, математической теорией управления, а также интенсивное внедрение результатов при создании новых и модернизации существующих технических и информационных систем – все это создавало иллюзию универсальности кибернетики и неизбежности дальнейшего столь же быстрого ее прогресса. Но в начале 70-х годов развитие затормозилось, целостный поток разветвился на множество частных и, наконец, «потерялся в деталях»: число научных направлений росло, каждое из них продолжало развиваться, а общих закономерностей почти не выявлялось и не систематизировалось. Другими словами, кибернетика бурно развивалась за счет своих компонент, а Кибернетика – почти нет (Новиков 2016, с. 25–26). Кибернетикой с заглавной буквы Д.А. Новиков обозначает теоретическую кибернетику – науку об общих законах управления – то, что мы выше рассматривали как естественнонаучную компоненту кибернетики.

Этот процесс привел к тому, что сегодня теоретические результаты, относящиеся к информационным процессам, расплылись по многим научным направлениям, а кибернетикой, применяемой в каких-либо областях науки и практики, называют использование в этих областях технических средств, от универсальных ЭВМ до специализированных роботов, в том числе алгоритмов искусственного интеллекта. Однако мы считаем, что признавать кибернетикой использование машин или алгоритмов, созданных на основе кибернетики, столь же нелогично, как признавать посевную или уборочную кампанию в сельском хозяйстве процедурами машиностроения на том основании, что в этих кампаниях используются тракторы и комбайны. Это не означает, что мы не признаем полезность и даже необходимость такого использования, однако «оставим Богу – Богово, а кесарю – кесарево» – такое использование кибернетики в других науках является задачей этих наук, а не кибернетики. Научившись использовать электрический чайник, некибернетики должны научиться использовать устройства и алгоритмы искусственного интеллекта, а кибернетики должны такие устройства и алгоритмы создать и обучить некибернетиков их применению.

Однако некибернетики должны выполнять еще одну функцию – выступать *заказчиками* новых «кибернетических машин», в том числе для формирования и решения принципиально новых задач своей науки. Понятно, что они не смогут это сделать без кибернетиков, знающих возможности и перспективы своей отрасли. Понятно, что кибернетики не смогут это сделать без некибернетиков, знающих проблемы своих отраслей. На этом поле и выращиваются науки, синтезирующие кибернетику и другие научные дисциплины, в числе которых прорастает и социально-гуманитарная кибернетика.

Социально-гуманитарная кибернетика

Если мы не признаем социально-гуманитарной кибернетикой использование для целей гуманитарных или социальных дисциплин алгоритмов и технических средств, созданных на основе кибернетики, то какой синтез кибернетики *как науки* с социальными и гуманитарными науками будет полезен человечеству, какое благо от такого синтеза получают люди?

Мы попытаемся построить наше рассуждение на следующем основании: в каждой области деятельности существуют задачи, которые акторы, действующие в этой области, *хотели бы, но не могут* решить вследствие тех ограничений, которые накладывают на них атрибуты этой области. При этом мы будем учитывать, что любые границы имеют две стороны, и если по одну сторону

границы какое-либо действие запрещается, то по другую сторону оно же разрешается или даже предписывается – в этом смысл любой границы. Будем также учитывать, что по отношению к ряду таких границ гуманитарные и социальные науки находятся с одной стороны, а кибернетика как естественная и как техническая наука – с противоположной. Соединять науки, находящиеся по одну сторону границы, бессмысленно: все задачи, которые не может решить одна наука, не может решить и другая. Синтез не принесет новых возможностей и новых результатов. В каждой науке есть актуальные задачи, которые *еще не решены*, но принципиально могут быть решены в рамках данной науки. Решению таких задач надо помогать, в том числе применением новейших технических средств и методов их использования. Но *синтез разных наук* необходим, если решение задачи в рамках данной науки *принципиально невозможно*.

В настоящей статье, поскольку она написана кибернетиком, мы не будем гадать, какие задачи *хотели бы* решить некибернетики. Мы будем исходить из нашего понимания того, решение каких задач было бы полезно обществу. Для этого мы используем сформированное в разделе 2 понимание того, какие ценности обеспечиваются развитием наук того или иного вида.

Результатами синтеза, описываемого в настоящем разделе, будут не новые науки или научные направления, а отдельные темы или тематические направления, за всей совокупностью которых мы пока оставляем единое название «социально-гуманитарная кибернетика». В дальнейшем из этих тематических направлений может сформироваться новая наука, но этот этап выходит за пределы рассмотрения в настоящей статье.

Мы не ставим задачу сформулировать все темы, которые составят социально-гуманитарную кибернетику. Как сказано во введении, наша задача – найти средства общего описания содержания этой науки. Таким средством, представленным в настоящем разделе, будет механизм синтеза гуманитарных, социальных наук и кибернетики на основе анализа тех атрибутов, которые были описаны в разделах 2 и 3 данной статьи.

Что может внести кибернетика в гуманитарные и социальные науки? Сопоставим описанные в разделе 2 атрибуты гуманитарных и социальных наук с атрибутами кибернетики, описанными в разделе 3. Для сравнения выбраны следующие атрибуты: объекты науки; источники знания; направленность исследований на изучение общего или особенного; особенности содержания, важные для синтеза; способы работы с будущим; ценности, реализуемые развитием науки. Сопоставление значений указанных атрибутов отражено в таблице 1.

Таблица 1

Сопоставление атрибутов гуманитарных и социальных наук с атрибутами кибернетики

Table 1

Comparison of the humanitarian and social sciences' attributes with the cybernetics' attributes

№	Атрибуты	Гуманитарные науки	Социальные науки	Кибернетика как естественная наука	Кибернетика как техническая наука
1	Объекты науки	Человек и его деятельность в духовной сфере	Общество, коммуникация, культура	Процессы создания, восприятия, передачи, переработки, хранения, использования и уничтожения информации (информационные процессы). Процесс выбора управленческих решений в условиях многообразия возможных исходов управляемого процесса	Процессы создания алгоритмов и технических средств реализации информационных процессов
2	Источники знания	Тексты	Наблюдения, эксперименты, тексты	Данные теоретической кибернетики. Данные естественных наук, интегрированные и ассимилированные кибернетикой. Наблюдения, эксперименты	Естественнонаучные данные кибернетики. Математика, электроника, фотоника и другие науки – знания, необходимые для разработки алгоритмов, проектирования, конструирования и реализации кибернетических устройств
3	Направленность исследований	На изучение особенного	На изучение общего (в том числе социокультурных и институциональных норм)	На изучение общего, относящегося к информационным процессам и процессам выбора решений, статике и динамики систем	На создание как общего – принципов и методов разработки алгоритмов и «кибернетической техники», так и особенного – конкретных алгоритмов и устройств восприятия, передачи, переработки, хранения, использования и уничтожения информации
4	Особенности содержания	– описание образцов поведения, потенциально являющихся источниками новых норм культуры; – на основе текстов можно рефлексивно выделить принципы и мотивы поведения людей в тех или иных конкретных ситуациях	– формирование концепций, объясняющих возникновение и регулируемую роль социокультурных и институциональных норм; – множественность выдвигаемых гипотез, отсутствие единого подхода к их формированию	– выделение информационных процессов в функционирующих системах, их количественная оценка, – определение необходимого уровня разнообразия для управляющей системы; – анализ статике и динамики систем управления	– разработка алгоритмов и технических средств для анализа, прогнозирования и управления процессами в технических и социально-деятельностных системах
5	Способы работы с будущим	Предвидение	Предсказание, в том числе на основании коллективных процедур	Прогнозирование	Проектирование и конструирование будущего

Продолжение таблицы 1
Continuation of table 1

№	Атрибуты	Гуманитарные науки	Социальные науки	Кибернетика как естественная наука	Кибернетика как техническая наука
6	Ценности, реализуемые развитием науки	Понимание человека, человеческого поведения, его мотивов и регуляторов, степени ответственности человека и общества за результаты его действий	Цивилизационные – гармонии человека и природы, сосуществования и совместной деятельности людей, в том числе обладающих разной культурой и подчиняющихся разным институтам. Обеспечивающие выживание индивида в обществе, не признающем цивилизационных норм	На первом этапе синтеза кибернетики как науки (а не совокупности разработанных для иных целей алгоритмов и технических средств) с дисциплинами социально-гуманитарного комплекса акцент будет сделан на исследовании области приложения кибернетических методов к задачам социально-гуманитарного плана. Кибернетические исследования не будут претендовать на статус фундаментальных. Как прикладная наука кибернетика будет развиваться под влиянием ценностей, реализуемых предполагаемым использованием полученного знания. Самоценность знания также будет иметь значение	

Несовпадения значений атрибутов гуманитарных и социальных наук и атрибутов кибернетики можно интерпретировать как непротиворечивые различия или как противоречия. В первом случае синтез наук можно осуществлять по принципу взаимного дополнения, во втором случае – на основе разрешения противоречия посредством выработки *новой* научной дисциплины. Число вариантов синтеза, в особенности при генерации новых наук, непредсказуемо и определяется творческим потенциалом ученых, взявших на себя обязательство создания синтетической науки. В любом случае результат синтеза может быть включен как отдельный элемент в *научное направление «социально-гуманитарная кибернетика»*.

Иллюстрируя использование таблицы, мы ограничимся следующим примером, используя строку 4 таблицы.

Очевидно, что применение кибернетики для решения задач социально-гуманитарного плана, прежде всего, должно коснуться процессов управления – традиционного объекта кибернетики – в части управления социально-деятельностными системами: менеджмента организаций и государственного и муниципального управления.

Одной из основных проблем менеджмента организаций, и особенно государственного и муниципального управления, с нашей точки зрения, сегодня является несоответствие уровней разнообразия ситуаций, требующих принятия управленческих решений, и разнообразия принимаемых решений – нарушение закона необходимого разнообразия.

Разнообразие ситуаций в управлении порождается как объективными причинами, так и

субъективными, в том числе субъективными характеристиками самих управленцев. Объективно разнообразие ситуаций формируется большим числом действующих факторов: внешнеполитическими и внешнеэкономическими, внутривнутриполитическими (федеральными, региональными, местными) и экономическими факторами, правовым окружением и его динамикой, географическими, климатическими, демографическими, социальными, социокультурными, технологическими, инфраструктурными факторами, уровнем природных и техногенных рисков и другими, в числе которых большое количество случайных факторов. Эти факторы анализируются социальными науками: политологией, социологией, демографией, экономикой и другими. Для описания природных и технологических факторов привлекаются данные естественных и технических наук.

К числу субъективных особенностей управленцев, принимающих решения, и обслуживающих их акторов относятся:

- на этапе получения информации об объекте управления особенности априорного знания и интенциональности конкретных субъектов разработки методик получения информации, определяющих результаты исследования объекта управления; источники преднамеренных и непреднамеренных искажений информации и нарушений сроков ее получения; субъективные особенности интерпретации полученной информации конкретными управленцами;

- на этапе проектирования и конструирования управленческих решений, целеполагания – субъективные особенности использования «интеллектуального треугольника» управленца: «знание – мышление – интуиция» (Цлаф 2011);

– на этапе реализации управленческих решений – субъективные особенности использования управленцами инструментов власти: принуждения, убеждения, авторитета, стимулирования.

Эти особенности могут быть исследованы методами социально-гуманитарных наук: анализом текстов управленческих документов, беседами с управленцами, их анкетированием и др.

Этот перечень далеко не полон, но он дает представление о разнообразии тех ситуаций, которые требуют адекватного управленческого реагирования.

При этом перечень возможных управленческих решений, принимаемых в этих ситуациях, крайне ограничен.

Например, органы государственной власти могут реагировать на любые возникающие решения только правовыми и финансовыми инструментами. Их разнообразие существенно беднее разнообразия ситуаций. Более того, процедуры принятия решений ограничены жесткой регламентацией.

К жесткой регламентации деятельности, в том числе управленческой, стремятся и организации. Считающийся прогрессивным метод бережливого производства, исключаящий непроизводительные потери и являющийся основным инструментом реализации национального проекта «Производительность труда», в целом основан на жесткой регламентации бизнес-процессов и, соответственно, ограничении свободы управленческих решений относительно этих процессов. Такая регламентация в настоящее время необходима. Как было отмечено в разделе 2, основу регламентации деятельности составляют социокультурные регуляторы. Недостаточность этих регуляторов, проистекающая из недостатков образования и воспитания людей, неизбежно восполняется жесткостью институционального регулирования. Необходимое число степеней свободы регулятора может быть определено только на основе закона необходимого разнообразия, что требует применения методов и средств кибернетики на основе данных, получаемых социально-гуманитарными методами.

Например, можно поставить вопрос, достаточно ли разнообразие институциональных средств регулирования, обеспечиваемое законодательством и подзаконными актами, для точного дифференцированного реагирования управленцев на ситуации, возникающие в какой-либо области вследствие дефицита социокультурного регулирования, и в каких областях институциональное регулирование избыточно, что приводит к бюрократизму.

В настоящее время вопрос о достаточности / избыточности нормативного регулирования решается без научного обоснования по мере возникновения проблем практического использования нормативной базы, что вызывает ее непрерывные

изменения, порождающие транзакционные издержки и, следовательно, отрицательно сказывающиеся на эффективности управления.

Корректировка соотношения разнообразия управляемой и управляющей систем на основе закона необходимого разнообразия и данных, получаемых методами социально-гуманитарных наук, – актуальная задача совершенствования управления социально-деятельностными системами, перспективное поле применения методов кибернетики, в первую очередь – теории информации.

Важный вопрос управления социально-деятельностными системами – обеспечение полноты, достоверности, оперативности и минимальной избыточности информации, на основе которой принимаются управленческие решения. Выше перечислены субъективные особенности управленцев, проявляющиеся на этапе получения информации об объекте управления. Методы кибернетики, в том числе искусственного интеллекта, позволяют построить семантические фильтры, отсекающие искаженную информацию, а также выбрать маршруты информационных потоков, минуя наиболее опасные источники искажений, рассчитать и обеспечить необходимую пропускную способность каналов для исключения потери и задержек информации. Все перечисленные задачи могут быть решены как с помощью технических средств информатики, так и структурных решений.

Синтез кибернетики с дисциплинами социально-гуманитарного комплекса необходим также для решения задач выбора управляющих воздействий в условиях сложного взаимодействия социально-деятельностной системы управления с внешней средой, противодействующей функционированию и развитию системы, для оптимизации управления, придания социально-деятельностным системам свойств саморегулирования, самоорганизации и обучаемости и использования других методов кибернетики, в настоящее время применяемых преимущественно для управления техническими системами. Перенос этих методов в социально-деятельностную сферу откроет новые возможности для определения оптимального распределения полномочий по уровням иерархических систем управления, предоставления определенным элементам социально-деятельностных систем полномочий самоконтроля, саморегулирования и самонастройки.

Использование семантической теории информации позволит обеспечить понимание семиотических особенностей управления социально-деятельностными системами, в частности, нестабильности значений (денотатов и смыслов) применяемых терминов, в первую очередь, в политике.

Актуально использование раздела технической кибернетики – теории автоматического

управления – для формирования совокупности обратных связей в целях развития социально-деятельностных систем. Сопротивлению развитию, имеющему социокультурную природу, можно противопоставить специально выстроенную систему стимулирования, реализующую положительную обратную связь в процессе развития: чем больше результаты развития, тем больше активность акторов по осуществлению этого процесса. Однако системы с положительной главной обратной связью структурно неустойчивы. Для обеспечения устойчивости необходимо вводить корректирующие отрицательные обратные связи в виде механизмов «торможения» развития, если оно приобретает нежелательный характер. Методы теории автоматического регулирования необходимы также для обеспечения устойчивости социально-деятельностных систем, допустимой длительности и колебательности переходных процессов при внедрении инноваций с учетом неизбежного социокультурного противостояния нововведениям и социально-психологическим особенностям этих процессов.

Среди других возможных применений социально-гуманитарной кибернетики можно назвать такие масштабные проекты, как разработка общей теории управления социально-деятельностными системами (Цлаф 2012) и управление социокультурной модернизацией общества (Цлаф 2016).

Выводы

Особенность кибернетики состоит в ее двойственности. С одной стороны, это естественная наука, изучающая качественными и количественными методами процессы создания, восприятия, передачи, переработки, хранения, использования и уничтожения информации (информационные процессы) и процессы выбора управленческих решений в условиях многообразия возможных исходов управляемого процесса и сложного взаимодействия системы управления с внешней средой, а также статику и динамику систем управления. С другой стороны, это техническая наука, задача которой – эпистемическое обеспечение разработки алгоритмов и технических средств для анализа, прогнозирования и управления процессами в технических и социально-деятельностных системах. Как естественная наука кибернетика направлена на формирование общего знания (единого для любой реализации исследуемого объекта). Как техническая наука кибернетика направлена на создание как общего – принципов и методов разработки алгоритмов и «кибернетической техники», так и особенного – конкретных алгоритмов и устройств восприятия, передачи, переработки, хранения, использования и уничтожения информации.

Синтез кибернетики как естественной науки с гуманитарными и социальными науками необхо-

дим в случаях, когда требуется сформировать механизм эффективного управления социально-деятельностными системами на основе данных, получаемых методами социально-гуманитарных наук, с учетом требований закона необходимого разнообразия, устойчивости систем управления, других характеристик статики и динамики этих систем, в том числе обеспечения качества переходных процессов при внедрении инноваций и осуществлении других изменений.

Синтез кибернетики как естественной науки с гуманитарными и социальными науками в прикладном плане необходим также для оптимизации управления, придания социально-деятельностным системам свойств самоорганизации и обучаемости. В теоретическом плане такой синтез необходим для разработки общей теории управления социально-деятельностными системами и теоретических основ управления социокультурной модернизацией общества, что, с учетом негативных мировых трендов социокультурных изменений, является одной из наиболее актуальных задач современности.

Социально-гуманитарная кибернетика на данном этапе ее развития формируется как совокупность конкретных примеров синтеза кибернетики с гуманитарными и социальными науками. Выделение социально-гуманитарной кибернетики в отдельную науку со всеми ее атрибутами: специфической онтологической и методологической базой, библиотекой разработанных моделей, архивом фактографических данных, специфическим языком описания всех элементов науки, уникальным проблемным полем, библиотеками типовых методик решения задач, логически завершенной теорией и совокупностью гипотез, подготовленных для дальнейшего развития теории, – представляется нам делом будущего. Но разработку этих элементов будущей науки, учитывая актуальность задач рассматриваемого синтеза, нужно начинать сегодня.

Библиографический список

Бахтин М.М. К философским основам гуманитарных наук // М.М. Бахтин. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. Санкт-Петербург: Азбука, 2000. С. 227–231.

Бензе М. Введение в информационную эстетику // Семиотика и искусствометрия: сб. переводов. Под ред. Ю.М. Лотмана и В.М. Петрова. Москва: Мир, 1972. С. 198–215.

Бир Ст. Кибернетика и управление производством. Москва: Гос. изд. физико-математической литературы, 1963. 276 с.

Брайнес С.Н., Напалков А.В., Свечинский В.Б. Нейрокибернетика. Москва: Гос. изд. медицинской литературы, 1962. 172 с.

Винер Н. Кибернетика или управление и связь в животном и машине. 2-е изд. Москва: Советское радио, 1968. 328 с.

Джордж Ф. Мозг как вычислительная машина. Москва: Изд. иностранной литературы, 1963. 528 с.

Зарипов Р.Х. Кибернетика и музыка. Москва: Наука, 1971. 235 с.

Китайгородский А.И. Физика – моя профессия. Москва: Молодая гвардия, 1965. 176 с.

Кобринский Н.Е. Основы экономической кибернетики. Москва: Экономика, 1969. 255 с.

Колмогоров А.Н. Кибернетика // БСЭ, 2-е изд. Т. 51. Москва: Большая советская энциклопедия, 1958. С. 149–151.

Красовский А.А., Поспелов Г.С. Основы автоматики и технической кибернетики. Москва–Ленинград: Госэнергоиздат, 1962. 600 с.

Фон Кубе Ф. Драма как объект исследования кибернетики // Семиотика и искусствометрия: сб. переводов. Под ред. Ю.М. Лотмана и В.М. Петрова. Москва: Мир, 1972. С. 216–231.

Кун Т. Структура научных революций. С вводной статьей и дополнениями 1969 г. Москва: Прогресс, 1977. 300 с.

Ланге О. Введение в экономическую кибернетику. Москва: Прогресс, 1968. 208 с.

Лернер А.Я. Начала кибернетики. Москва: Наука, 1967. 400 с.

Новиков Д.А. Кибернетика: Навигатор. История кибернетики, современное состояние, перспективы развития. Москва: ЛЕНАНД, 2016. 160 с.

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. Москва: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 190 с.

Цлаф В.М. Профессионализм управленца: мышление и творчество vs технологии // Консультант по управлению. 2011. № 3.

Цлаф В.М. Итоги разработки теории управления на основе синтеза кибернетического и теоретико-деятельностного подходов (1979–2012) и ее приложение к проблемам государственного и муниципального управления // Развитие системы государственного и муниципального управления: сб. тезисов докладов и статей. Москва: РЭУ им. Плеханова, 2012. С. 143–150.

Цлаф В.М. Модернизация как процесс: онтологическое и методологическое обоснование проектного подхода // Проблемы социокультурных исследований и проектирования модернизации в регионах и муниципальных образованиях России: материалы XII Всероссийской научно-практической конференции по программе «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов», 26–29 сентября 2016 г. Самара–Тольятти. Самара: Самарский университет, 2016. С. 58–64.

Чёрч А. Введение в математическую логику. Т. 1. Москва: Изд. иностранной литературы, 1960. 486 с.

Эшби У. Росс. Введение в кибернетику. Москва: Изд. иностранной литературы, 1959. 432 с.

Эшби У. Росс. Конструкция мозга. Москва: Изд. иностранной литературы, 1962. 400 с.

References

Bahtin, M.M. (2000), To the philosophical foundations of the Humanities, *Author and hero. To the philosophical foundations of the Humanities*, Azbuka, St.Petersburg, Russia, pp. 227–231.

Bense, M. (1968), Einführung in die Informationsästhetik, *Kunst und Kybernetik*, Köln, Bundesrepublik Deutschland, pp. 28–41.

Beer, S. (1959), *Cybernetics and management*, The English Universities Press Ltd., London, UK.

Brajnes, S.N., Napalkov, A.V. and Svechinskij, V.B. (1962), *Neurocybernetics*, Gosudarstvennoe izdatel'stvo medicinskoj literatury, Moscow, Russia.

Viener, N. (1961), *Cybernetics or control and communication in the animal and the machine, 2-nd edition*, The Massachusetts Institute of Technology Press, Cambridge, USA.

George, F.H. (1961), *The brain as a computer*, Pergamon Press, Oxford, UK.

Zaripov, R.H. (1971), *Cybernetics and music*, Nauka, Moscow, Russia.

Kitajgorodskij, A.I. (1965), *Physics is my profession*, Molodaja gvardija, Moscow, Russia.

Kobriniskij, N.E. (1969), *Fundamentals of Economic Cybernetics*, Ekonomika, Moscow, Russia.

Kolmogorov, A.N. (1958), *Cybernetics, The Great Soviet Encyclopedia, 2-nd edition, vol.51, Bol'shaja sovetskaja enciklopedija*, pp. 149–151.

Krasovskij, A.A. and Pospelov, G.S. (1962), *Fundamentals of automation and technical cybernetics*, Gosenergoizdat, Moscow – St.Petersburg, Russia.

Cube, F. von (1965), *Das Drama als Forschungsobjekt der Kybernetik, Mathematik und Dichtung*, München, Bundesrepublik Deutschland, pp. 333–345.

Kuhn, T.S. (1962), *The Structure of Scientific Revolutions*, The University of Chicago Press, Chicago, USA.

Lange, O. (1965), *Wstep do cybernetyki ekonomicznej*, Panstwowe wydawnictwo naukowe, Warszawa, Polska.

Lerner, A.Ja. (1967), *Basic cybernetics*, Nauka, Moscow, Russia.

Novikov, D.A. (2016), *Cybernetics: Navigator. History of cybernetics, current state, development prospects*, LENAND, Moscow, Russia.

North, D. (1990), *Institutions, institutional change and economic performance*, Cambridge university press, Cambridge, UK.

Tslaf, V.M. (2011), Managerial professionalism: thinking and creativity vs technology, *Konsul'tant po upravleniju*, no. 3.

Tslaf, V.M. (2012), Results of the development of management theory based on the synthesis of cy-bernetic and activity-theoretic approaches (1979–2012) and its application to the problems of state and municipal management, *Development of the system of state and municipal administration*, Russian Economic University named after Plehanov, Moscow, Russia, pp. 143–150.

Tslaf, V.M. (2016), Modernization as a process: ontological and methodological foundation of the project approach, *Problems of socio-cultural research and modernization design in the regions and municipalities of Russia*, Samara University, Samara, Russia, pp. 58–64.

Church, A. (1959), *Introduction to mathematical logic*, vol. 1, Princeton university press, Princeton, USA.

Ashby, W. Ross (1956), *An introduction to cybernetics*, Chapman & Hall LTD, London, UK.

Ashby, W. Ross (1960), *Design for a brain*, Chapman & Hall LTD, London, UK.

Submitted: 15.10.2021

Revised: 29.11.2021

Accepted: 17.12.2021

DOI: 10.18287/2782-2966-2021-1-4-22-28

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 130.2

Дата: поступления статьи: 20.10.2021
после рецензирования: 07.12.2021
принятия статьи: 20.12.2021

Т.В. Бернюкевич
Национальный исследовательский
Московский государственный строительный
университет, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: bernyukevich@inbox.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4471-0381>

Человеческое измерение техники в философии и литературе: П. Флоренский, Ф. Дессауэр, А. Платонов

Аннотация: целью исследования является определение особенностей связи технического и антропологического в философских концепциях П. Флоренского и Ф. Дессауэра, литературном творчестве А. Платонова. Вопрос о человеческом измерении техники актуален и в настоящее время, он связан с дискуссией о генезисе техники, её ролью в обществе, перспективах развития человеческой цивилизации и необходимости регулирования технического прогресса.

Использование сравнительного метода позволяет акцентировать внимание на специфике понимания вопроса об отношениях человека и техники в произведениях П. Флоренского и Ф. Дессауэра, А. Платонова, а также рассмотреть различия отражения темы «техника и человек» в философии и литературе. Понимание сущности техники русский религиозный философ П. Флоренский расширил до пространства культуры и достижения заданной Богом и потерянной человеком гармонии. Связь генезиса техники со способностью Бытия к становлению определяется в трудах немецкого философа и теолога Ф. Дессауэра. В научно-фантастических рассказах и повестях А. Платонова и в целом в его ранних произведениях – очарование человеческим разумом и порожденным им научным изобретением. Но тут уже и сомнения в возможности осуществления проектов, созданных «тесным сознанием» человека: одиночество героев-преобразователей, трагедия при осуществлении проектов, открытие «сокровенных» областей человеческого бытия.

Для понимания природы техники, её места в культуре, функций в обществе необходимо обращение к фундаментальной проблеме отношений антропологического и технического в системе культуры.

Ключевые слова: техника и человек; техника и природа; техника и культура; сущность техники; П. Флоренский; Ф. Дессауэр; А. Платонов.

Цитирование: Бернюкевич Т.В. Человеческое измерение техники в философии и литературе: П. Флоренский, Ф. Дессауэр, А. Платонов // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2021. Т. 1, № 4. С. 22–28. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-4-22-28>.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00462 А «Философия техники Фридриха Дессауэра: эпистемология и антропология реалистской теории творчества».

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Бернюкевич Т.В., 2021 – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и философии, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет, 129337, Российская Федерация, г. Москва, Ярославское шоссе, 26.

SCIENTIFIC ARTICLE

T.V. Bernyukevich
Moscow State University of Civil Engineering,
Moscow, Russian Federation
E-mail: bernyukevich@inbox.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4471-0381>

The human dimension of technology in philosophy and literature: P. Florensky, F. Dessauer, A. Platonov

Abstract: the aim of the research is to determine the characteristics of the connection between the technical and the anthropological in the philosophical concepts of P. Florensky, F. Dessauer and in the literary activity of

A. Platonov. The question of the human dimension of technology is essential today, it is associated with the discussion about the genesis of technology, its role in society, the prospects for the human civilization development and the need to regulate technological progress.

The use of the comparative method allows to focus on the specifics of understanding the issue of the relationship between human being and technology in the works of P. Florensky, F. Dessauer and A. Platonov, as well as to consider the differences between the repercussions of the topic “technology and human being” in philosophy and literature. The Russian religious philosopher P. Florensky expanded the understanding of the “technology” essence up to the space of culture and the achievement of harmony set by God and lost by man. The connection between the genesis of technology and the capacity of Being to coming into being is determined by the works of the German philosopher and theologian F. Dessauer. In science fiction stories and short novels by A. Platonov and, in general, in his early works there may be viewed the fascination with the human mind and the scientific invention generated by it. However, there are also doubts concerning the possibility of the projects’ implementation created by the “narrowed consciousness” of a human being: the loneliness of characters-transformers (creators), the tragedy during the projects’ implementation, the discovery of the “innermost” areas of human existence.

It is necessary to address the fundamental problem of relations between the anthropological and the technical in the culture’s system in order to understand the nature of technology, its place in the sphere of culture, and its functions in the sphere of society.

Key words: technology and man; technology and nature; technology and culture; the essence of technology; P. Florensky; F. Dessauer; A. Platonov.

Citation: Bernyukevich, T.V. (2021), The human dimension of technology in philosophy and literature: P. Florensky, F. Dessauer, A. Platonov, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 1, no. 4, pp. 22–28, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-4-22-28>.

Acknowledgments: the present research is carried out with financial support from Russian Foundation for Basic Research as part of the scientific project № 20-011-00462 A “Friedrich Dessauer’s philosophy of technology: epistemology and anthropology of the realistic art theory”.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© **Bernyukevich T.V., 2021** – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the History and Philosophy Department, Moscow State University of Civil Engineering, 26, Yaroslavskoye Shosse (St.), Moscow, 129337, Russian Federation.

Введение

Вопрос об отношениях человека и техники стал центральным вопросом дискуссий о генезисе техники, её роли, перспективах развития и необходимости регулирования технического прогресса с того времени, как техника стала предметом философской рефлексии (Чешев 2017). В настоящее время актуализируются задачи определения онтологического статуса техники, рассмотрения вопросов влияния современных технологий на жизнь человека и общества, определения форм и механизмов гуманитарной экспертизы технических инноваций. Целью исследования является определение особенностей связи технического и антропологического в философских концепциях П. Флоренского и Ф. Дессауэра, литературном творчестве А. Платонова.

Техническое, культурное, антропологическое в философских концепциях П. Флоренского и Ф. Дессауэра

Возникновение проблемы взаимодействия технического и антропологического связано с интересом к определению места технического в жизни человека со стороны философов. Как известно, антропологический ракурс этой проблемы был представлен в исследованиях Э. Каппа, который обосновывал идею о том, что техника – это про-

екция органов человека. Благодаря этому человек не только создаёт средства, с помощью которых он может экономить свои физические силы, приумножать усилия по решению вопросов, связанных с удовлетворением потребностей, но и познавать мир и самого себя. Он писал: «Система потребностей, вещество, просветлённое органической проекцией до орудия и утвари и пропитанное интеллектуальностью, обусловленные им изменения в земной коре, – это тот внешний мир, которой, в отличие от естественного, окружающего и зверя и остающегося чуждым ему, имеет, перед ним то преимущество, что человек, находя в нём и научаясь знать и понимать самого себя, достигает самосознания» (Капп 1925, с. 118). Это понимание и самосознание русский религиозный философ П. Флоренский расширил до пространства культуры и достижения заданной Богом и потерянной человеком гармонии. При этом не упускается из виду и природное в соотношении с миром культуры: «Ведь культура никогда не дается нам без стихийной подосновы своей, служащей ей средою и материей: в основе всякого явления культуры лежит некоторое природное явление, культурою возделываемое. Человек, как носитель культуры, не творит ничего, но лишь образует и преобразует стихийное» (Флоренский 2000, с. 375–376).

Один из известных исследователей творчества Флоренского С. М. Половинкин пишет, что, согласно идеям философа, «природа является совокупностью вещей, культура – совокупностью деятельностей-энергий человека» (Половинкин 2015, с. 258). По Флоренскому, «историческая задача техники – сознательно продолжить свое органопроецирование, исходя из решений, даваемых бессознательным телостроительством души» (Флоренский 2000, с. 417). Именно это «телостроительство души» в пространстве и позволяет вернуться к целостности и единству и самого человека, и природы, и культуры (Флоренский 2000, с. 438).

Связь генезиса техники со способностью Бытия к становлению определяется в трудах немецкого философа и теолога Ф. Дессауэра (Nesterov 2022). Это становление и реализация форм Бытия происходит в процессе технической деятельности человека. Бог, по Дессауэру, наделил Бытие «способностью и законом развёртывания» в разных формах (Нестеров 2016). Это «продолжение творения природы» человек осуществляет благодаря технике, меняющей облик Земли. (Дессауэр 2017, с. 162). Дессауэр акцентирует внимание на наличии границы и связи между «каузальным царством природы» и «финалистским царством техники» (Дессауэр 2017, с. 163). Прогресс в познании Дессауэр связывает с изобретениями техники, с помощью которых меняется картина мира – «облик Земли» (Дессауэр 2017, с. 161). Создание техники и её совершенствование выступают как воплощение способности мира к становлению – способности, заданной Творцом и реализуемой через творчески-техническую деятельность человека (Бернюкевич 2020).

Для Дессауэра, так же как и для Флоренского, техническое – это одновременно культурное и, более того, культурное – это одновременно техническое: «Не бывает объективного культурного достояния, даже самого высокого ранга, который не был бы построен техникой, не был бы выражен технически. Все объекты культуры – это одновременно технические объекты. Это верно для каждой виолончели, для каждой газеты, для каждого изваяния, для купели и могильного креста, для лекарства и собора» (Дессауэр 2017, с. 174). И техническое-культурное – это возможность раскрытия человека и способ его соучастия в Бытие. Но это достижимо при условии, если сам человек чувствует себя ответственным за техническую деятельность. Дессауэр пишет, что техника освободила человека от тысячи угроз, «с её помощью человек берёт судьбу в свои руки», но если человек забывает, что «... сила техники – это не человеческая сила, что эта сила только дана человеку, если он слеп к основаниям и погружен в повседневность бытового осуществления и деятельно-

сти, если он избегает ответственности, накладываемой силой техники, тогда обвинители техники оказываются правы, утверждая о технике, что она лишь безответственный функционализм...» (Дессауэр 2017, с. 219).

Человек и техника в раннем творчестве А. Платонова

Как известно, проблеме определения особенностей философии и литературы, их единства и различий, способов «философской критики», философского осмысления литературы или рассмотрения философских текстов как текстов литературных посвящен сегодня целый ряд исследований и публикаций. По мнению В.А. Лекторского, «жизненные смыслы может предлагать литература. Она обладает перед философией тем преимуществом, что является уникальным способом приобщения к чужому опыту на основе воображения и вчувствования, эмпатии. Создаваемые литературой миры и воплощенные в них смыслы легко “интериоризируются”, становятся как бы частью личного опыта» (Философия и литература: проблемы взаимных отношений (материалы «круглого стола») 2021). Это, отмеченное Лекторским, свойство литературы и позволяет ей не только воспроизводить ценности культуры, но и делать их личными ценностями человека, основой его деятельности.

Как отражаются вопросы об антропологической роли техники в творчестве одного из самых ярких писателей XX в., писателя, который сам был не только литератором, журналистом, военным корреспондентом, но и инженером, изобретателем, – Андрея Платонова? Не претендуя на полноту анализа данной проблемы, рассмотрим некоторые аспекты этой темы.

В творчестве Платонова проблема отношений человека и техники нашла выражение в двух типах образов героев произведений.

Первый тип – это гений-изобретатель, инженер. К таким героям можно отнести Бертрана Перри («Елифанские шлюзы»), Фаддея Попова, Михаила Кирпичникова и Егора Кирпичникова («Эфирный тракт»), Петера Крейцкопфа («Лунная бомба»).

Второй тип – это механики, машинисты и пр. – «мастера». Эти герои у Платонова связаны с образом «сокровенного человека». Такой сокровенный человек – механик Фома Пухов – главный герой рассказа «Сокровенный человек».

Научные и технические поиски героев Платонова часто кажутся фатальными и обреченными на некое вечное томление духа, это какая-то особая тоска по раскрытию тайн природы и изобретению способов использования её сил. Такая тоска является стимулом для научно-технических изысканий героев повести «Эфирный тракт», ко-

торая была написана в 1926–1927 гг. Герои этой повести ищут возможности, изучив электроны, «разводить железо, золото и уголь, как скотоводы разводят свиней» (Платонов 1983с, с. 488). Они убеждены в том, что «электрон есть не только физическая категория, но также и биологическая – электрон суть микроб, то есть живое тело» (Платонов 1983с, с. 487). Кажущиеся различия в понимании способов жизнедеятельности электрона и живых существ связаны с тем, что «физиологические процессы» в электроне протекают чрезвычайно медленно. Это различие «времен жизни» делает «природу в глазах человека мертвой» (Платонов 1983с, с. 492).

Уменьшение разницы во времени жизни человека и электрона приведёт к росту электрона и увеличению его силы, которую сможет использовать человек. Но для этого нужно обеспечить «свободный и усиленный приток питательного эфира к электронам» с помощью особого технического изобретения – «эфирного тракта» (Платонов 1983с, с. 494). Созданию эфирного русла посвящают свои жизни герои произведения «Эфирный тракт»: Фаддей Попов, Михаил Кирпичников, а затем его сын Егор Кирпичников.

Автор идеи эфирного тракта Попов умирает не в силах справиться с этой грандиозной задачей, заболевает душевным расстройством, что приводит его в итоге к самоубийству – отравлению ядом. Возможность создать устройство, которое может коренным образом изменить жизнь людей, круто меняет судьбу молодого помощника Фаддея Попова Михаила Кирпичникова. После гибели Попова Кирпичников возвращается на прежнюю работу – в черепичную мастерскую: «Но открывшееся ему чудо человеческой головы сбilo его с такта жизни. Он увидел, что существует вещь, посредством которой можно преобразовать и звездный путь, и собственное беспокойное сердце – и дать всем хлеб в рот, счастье в грудь и мудрость в мозг» (Платонов 1983с, с. 498). Чтобы изобрести эту вещь, Кирпичников идёт учиться. И через восемь лет он – «инженер-электрик, научный сотрудник при кафедре биологии электронов, учрежденной после смерти Попова на основе его трудов» (Платонов 1983с, с. 499).

Сопряжение времени электрона со временем человека и способно вернуть те самые «чувства единства, когда природа и человек были сплошным телом и жили заодно» (Платонов 1983с, с. 504). Вероятно, это в определенной степени отсылка к идеям известного русского философа, основоположника русского космизма Н.Ф. Федорова. Согласно его идеям, борьба со стихийностью, «слепотой», фатальностью природного закона смерти – это борьба за спасение и преобразование самой природы, тогда она из «врага временного» станет «другом вечным» человеку (Федоров 1982,

с. 165). В контексте этих идей «эфирный тракт» позволит преодолеть то самое различие «времен жизни», которое делает «природу в глазах человека мертвой» и является «причиной трагедии природы» (Платонов 1983с, с. 492). И в то же время «сближение в братстве принципиального единства жизни» человека и электрона позволит использовать силу электрона для преобразования жизни.

В повести «Эфирный тракт» преобразование мира становится для героя смыслом и философией революции, выражающей сущность мира: «Будда, составители вед, десятки египтян и арабов, Сократ, Платон, Аристотель, Спиноза, Кант, наконец, Бергсон и Шпенглер – все силились догадаться про существо вселенной. А вся суть в том, что догадаться об истине нельзя, до нее можно доработаться: вот когда весь мир протечет сквозь пальцы работающего человека, преобразаясь в полезное тело, тогда можно будет говорить о полном завоевании истины. В этом была философия революции, случившаяся восемнадцать лет назад и не совсем оконченная и сейчас. Понять – это значит прочувствовать, прощупать и преобразить, – в эту философию революции Кирпичников верил всей кровью, она ему питала душу и делала волю боеспособным инструментом» (Платонов 1983с, с. 507).

Но уменьшает ли техника горе человека? Можно ли благодаря любви к технике справиться с разрушительным действием стихийных природных сил?

В рассказе «В прекрасном и яростном мире» описывается драматическая коллизия противостояния сил природы и сил технического мира, в которое вовлечен человек. Это борьба между «роковыми силами, случайно и равнодушно уничтожающих человека» и тем, что составляет особенность человека. В этих стихийных силах автор-герой рассказа А. Платонова «В прекрасном и яростном мире» видит тайный расчет погубить таких «избранных, возвышенных людей», как машинист Мальцев. Именно Мальцева ослепил разряд молнии и лишил его зрения.

Для того чтобы преодолеть стихийные губительные силы, герой рассказа берёт Мальцева в поездку. В паровозе ослепший машинист забывает «горе слепца», «кроткая радость осветила измощенное лицо этого человека, для которого ощущение машины было блаженством» (Платонов 1983а, с. 287). Ослепленный желтым светом светфора машинист вновь обретает зрение.

Герои Платонова, связанные с техникой, делятся на ученых и инженеров и тех, кто обслуживает и работает на технике – машинистов, механиков и т.п. Можно выделить общее и различие между этими героями, имеющими черты платоновского «сокровенного человека». «Сокровенный человек» Платонова – любимый и сложный герой про-

изведений А. Платонова, предмет исследовательских дискуссий. Герой повести «Сокровенный человек» Фома Пухов «не одарен чувствительностью: он на гробе жены вареную колбасу резал, проголодавшись вследствие отсутствия хозяйки» (Платонов 1983b, с. 668). Однако по жене Пухов горевал и скучал, при всей своей «нечувствительности»: «Сторож ушел, а Фома Егорыч загоревал, подслушивая свирепеющую вьюгу, – и от скуки, и от бесприютности без жены» (Платонов 1983b, с. 668).

Пухов не только скучает по жене, но и видит в этом несправедливость природного закона смерти, который, по мнению «сокровенного человека», надо преодолеть: «Он находил необходимым научное воскрешение мертвых, чтобы ничто напрасно не пропало и осуществилась кровная справедливость. Когда умерла его жена – преждевременно, от голода, запущенных болезней и в безвестности, – Пухова сразу приггла эта мрачная неправда и противозаконность события» (Платонов 1983b, с. 706).

Тема «мастера» и «мастерства» у Платонова также связана с темой сокровенного человека. И столь же, впрочем, противоречива, как и тема сокровенного человека. Исследователь творчества Платонова Яблоков пишет: «"Мастерство" героев Платонова амбивалентно, поскольку в платоновском мире изначально двойственна сама антропологическая установка. Цивилизация здесь пребывает в вечном поиске, который стимулируется ощущением разъединенности с универсумом, сиротской оторванности от матери...» (Яблоков 1999). Неслучайна в контексте этой противоречивости и связь мастерства и странничества: «... "двойственность" этого героя, в частности, состоит в одновременной актуальности позиций «мастера-деятеля» и «странника-созерцателя»...» (Яблоков 1999).

Безусловно, в этих произведениях Платонова нашли тражение и известные философские идеи того времени. В частности, идеи известного основателя русского космизма Н. Ф. Федорова о бессмертии и воскрешении прежде живших поколений людей.

Об этом влиянии писали многие исследователи творчества Платонова, дискутируя не о самом факте влияния идей Фёдорова, а о глубине и направленности этого воздействия. Это влияние отмечали ещё в 70–80-е гг. XX в. такие известные исследователи творчества Андрея Платонова, как, В.В. Васильев, Н.М. Малыгина, С.Г. Семенова, Л.А. Шубин, М.О. Чудакова и др. В 1989 г. на страницах журнала «Вопросы философии» развернулась дискуссия «Андрей Платонов – писатель и философ», в которой приняли участие К.М. Кантор, С.И. Пискунова, В.А. Подорога, С.Г. Семёнова, Д.Е. Фурман. Мнения о роли идей Федорова

в произведениях Платонова были разными. Так, С.Г. Семёнова говорила о значительном влиянии идей Федорова на создание художественных образов в книгах А. Платонова, а К.М. Кантор считал, что «сколько бы реминисценций фёдоровских идей не было обнаружено в текстах писателя, «Чевенгур» и «Котлован» – это спор с Фёдоровым, с его философией» (Кантор 1989).

Анализ влияния философии Фёдорова на творчество Платонова был представлен в вышедшей в 1990 г. книге С.Г. Семёновой «Николай Фёдоров. Творчество жизни», именно в этой книге впервые определялось значительное влияние основателя русского космизма на культуру России (Семенова 1990). С.Г. Семёновой рассматриваются мотивы творчества Платонова, связанные с идеями Фёдорова: «тут и переживание мира как «падшего», неистинного, недолжного, и печалование о таком положении вещей и его «нищие духом», «душевные бедняки», и критерий детскости («если не будете как дети» и, наконец, неприятие идеи избирательности и невсеобщности спасения)» (Семенова 1990, с. 368). В исследовании отмечается, что «по свидетельству М.А. Платоновой, «Философия общего дела» с многочисленными пометами ее мужа хранилась в домашней библиотеке. Решающее влияние идей Федорова на творчество писателя стало в настоящее время в платоноведении признанным» (Семенова 2020, с. 29). Так, руководитель группы по изучению и изданию творчества А.П. Платонова ИМЛИ РАН Н. В. Корниенко пишет: «На рабочем столе воронежского "рабочего-философа" и известного производственника рядом со служебными записями, экономическими расчетами, чертежами к новым изобретениям — книги по древней истории и землепользованию, работы Маркса, Ленина, Троцкого, Бухарина и Бердяева, Федорова, Флоренского, пролетарская поэзия и томики Пушкина, Достоевского, Гоголя...» (Корниенко 2001).

Вероятно, чтобы оценить влияние философских идей на А. Платонова, нужно понять время, в которое жил писатель; его биографию и задачи, которые он перед собою ставил; его собственную активную инженерную деятельность – участие в проектах электрификации и мелиорации; атмосферу поисков новой литературы и её особенного языка; разворачивающуюся драму общих социальных потрясений и трагедию человеческих жизней.

Если говорить об эволюции отношения Платонова к преобразующей деятельности человека, то следует отметить, что и в научно-фантастических рассказах и повестях А. Платонова, и в целом в его ранних произведениях ярко выражено очарование человеческим разумом и порожденным им научным изобретением, вера не только в изменение мертвой природы, но и в изменение сущности

человека. Но тут уже и начинаются сомнения в возможности осуществления проектов, созданных «тесным сознанием» человека: одиночество героев-преобразователей, трагедия при осуществлении проектов, открытие «сокровенных» областей человеческого бытия.

Заключение

Для понимания природы техники, места в культуре, функций в обществе недостаточно проанализировать утилитарно-прагматические задачи техники и технологий, необходимо рассмотрение техники как способа преобразования мира с точки зрения возможностей гармонизации отношений природы и человека, определения путей развития культуры, изменения человеческих качеств. По существу, это обращение к фундаментальной проблеме отношений антропологического и технического в системе культуры. Вероятно, что эвристически продуктивным будет рассмотрение этих отношений в контексте семиотической онтологии, которая, в своём стремлении «к выявлению комплексов прагматических, синтаксических и прагматических правил познания и деятельности» позиционируется «как новая попытка построения модели “единой науки”» (Нестеров 2021, с. 9).

Библиографический список

Bernyukevich, T.V. (2022), *The Technical and the Religious: Concepts and Contemporary Social Practices*, *Lecture Notes in Networks and Systems*, pp. 105–112, DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-89708-6_10.

Nesterov, A.Y. (2022), *Cosmos and metacosmos in dessauer's philosophy of technology: inventing the environment lecture notes in networks and systems* *this link is disabled*, 345 LNNS, pp. 22–33.

Бернюкевич Т.В. Техника в культуре: воплощение божественного и преобразование природного (Н.Ф. Фёдоров, П.А. Флоренский, Ф. Дессауэр) // *Аспирантский вестник Поволжья*. 2020. № 7–8. С. 31–36.

Дессауэр Фридрих. Спор о технике: монография / перевод с нем. А.Ю. Нестерова. Самара: Изд-во Самарской гуманитарной академии, 2017. 266 с.

Кантор К.М. Без истины стыдно жить / Андрей Платонов – писатель и философ: материалы дискуссии // *Вопросы философии*. 1989. № 3. С. 14–21.

Капп Э., Нуаре Людвиг, Эспинас Альфред Виктор, Кунов Генрих. Философия машины // *Роль орудия в развитии человека*. Ленинград: Прибой, 1925. 192 с.

Корниенко Н.В. «...Я прожил жизнь»: Основные даты жизни и творчества А.П. Платонова // Андрей Платонович Платонов. Жизнь и творчество: Библиографический указатель. Москва: Пашков дом, 2001. URL: <https://imwerden.de/>

[pdf/o_platonove_kornienko_biografija.pdf](#) (дата обращения: 10.10.2021).

Нестеров А.Ю. Семиотика как методология и онтология // *Семиотические исследования*. 2021. Т. 1. № 1. С. 6–13. DOI: <https://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-1-6-13>.

Нестеров А.Ю. Эпистемологические и онтологические проблемы философии техники: «Четвёртое царство» Ф. Дессауэра // *Онтология проектирования*. 2016. № 3 (21). С. 377–389.

Платонов А. В прекрасном и яростном мире // Андрей Платонов. Избранные произведения. Москва: Мысль, 1983. С. 275–289.

Платонов А. Сокровенный человек // Андрей Платонов. Избранные произведения. Москва: Мысль, 1983. С. 668–739.

Платонов А. Эфирный тракт // Андрей Платонов. Избранные произведения. Москва: Мысль, 1983. С. 485–559.

Половинкин С.М. Христианский персонализм священника Павла Флоренского. Москва: РГГУ, 2015. 362 с.

Семёнова С.Г. Николай Фёдоров. Творчество жизни. Москва: Сов. Писатель, 1990.

Семенова С.Г. Юродство проповеди: Метафизика и поэтика Андрея Платонова / сост., предисл. А.Г. Гачевой. Москва: ИМЛИ РАН, 2020. 624 с.

Федоров Н.Ф. Сочинения / общая редакция: А.В. Гулыга; вступ. статья, примеч. и сост. С.Г. Семеновой. Москва: Мысль, 1982. 711 с.

Философия и литература: проблемы взаимных отношений (материалы «круглого стола»). URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=67&Itemid=52 (дата обращения: 10.10.2021).

Флоренский П. Сочинения в 4 т. Т. 3 (1). Москва: Мысль, 2000. 623.

Чешев В.В. Технический прогресс в культурно-историческом контексте // *Вопросы философии*. 2017. № 12. С. 64–78.

Яблоков Е.А. Homo Creator – Homo Faber – Homo Spectator: Тема «мастерства» у А. Платонова и М. Булгакова // *Russian Literature*. 1999. Vol. 46. URL: http://platonovseminar.ru/docs/science/EA_2.pdf (дата обращения: 20.10.2021).

References

Bernyukevich, T.V. (2022), *The Technical and the Religious: Concepts and Contemporary Social Practices*, *Lecture Notes in Networks and Systems*, pp. 105–112, DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-89708-6_10.

Nesterov, A.Y. (2022), *Cosmos and metacosmos in dessauer's philosophy of technology: inventing the environment lecture notes in networks and systems* *this link is disabled*, 345 LNNS, pp. 22–33.

Bernyukevich, T.V. (2020), *Technology in culture: embodiment of the godlike and transformation of the*

- natural (Fedorov N.F., Florenskiy P.A., Dessauer F.), *Postgraduate Bulletin of Povolzhye*, no. 7–8, pp. 31–36.
- Dessauer, F. (2017), *A dispute over technology, monograph*, translated from German by A.Yu. Nesterov, Samara Humanitarian Academy Publishing Academy, Samara, Russia.
- Kantor, K.M. (1989), It is a shame to live without truth. Andrey Platonov – writer and philosopher: discussion materials, *Philosophy Issues*, no. 3, pp. 14–21.
- Kapp, E., Noiré, L., Espinas, A.V., Cunow, H. (1925), *Philosophy of a machine. The role of tool in the development of a human being*, Priboy Publishing House, Leningrad.
- Kornienko, N.V. (2001), “... I have spent a life”: The principal life and creative activities dates of Platonov A.P. Andrey Platonovich Platonov, *Life and Creative Activities: Bibliographical Reference*, Pashkov Publishing House, Moscow, Russia, [Online], available at: https://imwerden.de/pdf/o_platonove_kornienko_biografija.pdf (Accessed 10 Oct 2021).
- Nesterov, A.Yu. (2021), Semiotics as methodology and ontology, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 1, no. 1, pp. 6–13, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-1-6-13>.
- Nesterov, A.Yu. (2016), Epistemological and ontological problems of the philosophy of technology: “The fourth czardom” of F. Dessauer, *Ontology of Design*, no. 3 (21), pp. 377–389.
- Platonov, A. (1983), *Platonov A. In a beautiful and violent world. Andrey Platonov. Selected works*, Mysl’ Publishing House, Moscow, Russia.
- Platonov, A. (1983), *Sacred person. Andrey Platonov. Selected works*, Mysl’ Publishing House, Moscow, Russia.
- Platonov, A. (1983), *Ethereal route. Andrey Platonov. Selected works*, Mysl’ Publishing House, Moscow, Russia.
- Polovinkin, S.M. (2015), *Christian personalism of the priest, Pavel Florensky*, Moscow, Moscow, Russia.
- Semenova, S.G. (1990), *Fedorov Nikolay. The art of life*, Sovremennyiy Pisatel’ Publishing House, Moscow, Russia, [Online], available at: <http://www.imwerden.de> (Accessed 10 October 2021).
- Semenova, S.G. (2020), *Feeble-mindedness of the sermon: Metaphysics and poetics of Andrey Platonov. S.G. Semenova*, the introduction is created by Gacheva A.V., A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
- Fedorov, N.F. (1982), *Writings. General editorship: A.V. Gulyga*, Introduction article and author’s note created by Semenova S.G., Mysl’ Publishing House, Moscow, Russia.
- Philosophy and literature: the problems of mutual relations* (materials of the “round-table discussion”) (2009), [Online], available at: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=67&Itemid=52 (Accessed 10 October 2021).
- Florensky, P. (2000), *Writings in four volumes*, vol. 3 (1), Mysl’ Publishing House, Moscow, Russia.
- Cheshev, V.V. (2017), Technological progress in cultural-historical context, *Philosophy Issues*, no. 12, pp. 64–78.
- Yablokov, E.A. (1999), *Homo Creator – Homo Faber – Homo Spectator: the “skill” topic in the creative works of Platonov A. and Bulgakov M.*, vol. 46, Russian Literature, Moscow, Russia, [Online], available at: http://platonovseminar.ru/docs/science/EA_2.pdf (Accessed 20 October 2021).

Submitted: 20.10.2021

Revised: 07.12.2021

Accepted: 20.12.2021

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 165.0

DOI: 10.18287/2782-2966-2021-1-4-29-38

Дата: поступления статьи: 18.10.2021
после рецензирования: 02.12.2021
принятия статьи: 21.12.2021

А. Нордманн

Институт философии Технического
университета Дармштадта,
г. Дармштадт, Германия
E-mail: nordmann@phil.tu-darmstadt.de
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2173-4084>

Языковое мышление и мышление языка у Георга Кристофа Лихтенберга*

Аннотация: Георг Кристоф Лихтенберг (1742–1799) считается – наряду с Готхольдом Ифраимом Лессингом, Моисеем Мендельсоном, Иммануилом Кантом – одним из наиболее значительных философов немецкого Просвещения. При жизни он был известен как профессор физики в Гёттингене, автор научно-популярных сочинений, остроумный спорщик. Его продолжающееся по сей день философское влияние связано с посмертно опубликованными черновыми тетрадами. Они объединяют в себе бесчётное количество наблюдений и замечаний и кладут начало линии традиции философской афористики, которая была продолжена Шлегелями, Новалисом, Шопенгауэром и особенно Людвигом Витгенштейном. Характерная черта этой философской афористики заключается в том, что цель языкового выражения – не просто меткая формулировка, но способ подтолкнуть и направить движение мысли. В настоящей статье анализируются и развиваются характеристики языкового мышления Лихтенберга. Поводом для осуществленного в тексте движения мысли о языковом мышлении Лихтенберга послужил мысленный эксперимент Лихтенберга, в котором речь идёт о таком языке, «где ... любая погрешность против истины была бы также и грамматической» (Georg Christoph Lichtenberg – Aphorismen und andere Sudeleien 2003).

Ключевые слова: Георг Кристоф Лихтенберг; теория языка; афористическое мышление; философия Просвещения.

Цитирование: Нордманн А. Языковое мышление и мышление языка у Георга Кристофа Лихтенберга // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2021. Т. 1, № 4. С. 29–38. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-4-29-38>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Нордманн А., 2021 – профессор института философии, Технический университет Дармштадта, 64289, Германия, г. Дармштадт, Каролиненплатц, 5.

SCIENTIFIC ARTICLE

A. Nordmann

Institute of Philosophy Darmstadt Technical
University, Darmstadt, Germany
E-mail: nordmann@phil.tu-darmstadt.de
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2173-4084>

Georg Christoph Lichtenberg's aphoristic thinking**

Abstract: Georg Christoph Lichtenberg (1742–1799) was one of the most prominent Enlightenment figures in Germany - alongside with Gotthold Ephraim Lessing, Moses Mendelssohn, Immanuel Kant. During his lifetime he was best known as a professor of physics, popularizer of science, witty mind, and thought-provok-

* Перевод выполнен Натальей Витальевной Барабановой, Александром Юрьевичем Нестеровым. Выходные данные первой публикации статьи: Alfred Nordmann „wo ... jeder Schnitzer gegen die Wahrheit auch ein Grammaticalischer wäre“: Lichtenbergs Sprachdenken, Lichtenberg-Jahrbuch 2017, Heidelberg: Winter, pp. 49–63. Для настоящего издания текст статьи был доработан автором.

** Translated by Natalia Vitalievna Barabanova, Alexander Yurievich Nesterov. First publication of this article: Alfred Nordmann „wo ... jeder Schnitzer gegen die Wahrheit auch ein Grammaticalischer wäre“: Lichtenbergs Sprachdenken, Lichtenberg-Jahrbuch 2017, Heidelberg: Winter, pp. 49–63. For this edition, the text of the article has been finalized by the author.

ing essayist. His enduring philosophical legacy is based on his posthumously published so-called wastebooks (rough notebooks) which gather together countless observations and remarks and which founded a tradition of aphoristic writing that was continued by the Schlegel brothers, Novalis, Schopenhauer, and especially Ludwig Wittgenstein. The characteristic feature of the aphoristic method is not to pointedly sum up or to cast a thought in a concise witty form. Instead, the aphorism provides a pregnant formulation that occasions a movement of thought. This paper picks up on extant characterizations of Lichtenberg's Sprachdenken (thinking of, by, and through language) and seeks to develop them further. The following movement of thought is occasioned by one of Lichtenberg's playful remarks which suggests the idea of a language in which "any blunder in matters of truth would be a grammatical blunder as well".

Key words: Georg Christoph Lichtenberg; theory of language; aphoristic thinking; Enlightenment philosophy.

Citation: Nordmann, A. (2021), Georg Christoph Lichtenberg's aphoristic thinking, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 1, no. 4, pp. 29–38, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-4-29-38>.

Information about conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Nordmann A., 2021 – Professor of the Institute of Philosophy, Darmstadt Technical University, 5, Karolinenplatz, Darmstadt, 64289, Germany.

Введение

Физик, эссеист и философ Георг Кристоф Лихтенберг сформулировал идею языка, «где ... любая погрешность против истины была бы также и грамматической» (Lichtenberg 2003). Эта идея совершенно сбивает с толку. Тот, кто с ней знакомится, сначала испытывает любопытство, переходящее в удивление или в скептическое предубеждение, чтобы, в конечном итоге, почувствовать, что он стоит перед непростой интеллектуальной задачей. Именно такой опыт и будет нас интересовать в последующем. Речь идет о двух или трёх точках зрения, которые возникают под воздействием вынесенного в заголовок замечания, запуская тем самым языковое мышление.

«Где ... любая погрешность против истины была бы также и грамматической» (эта часть предложения относится к более обширному контексту, который в дальнейшем постепенно станет понятен. Он взят из более старой версии Прологомен к основной лекции, которую я цитирую по изданию Ульриха Йоста (Lichtenberg 2003)). Предложение Лихтенберга вызывает любопытство, оно одновременно пробуждает интерес и удивление: мы должны представить себе нечто, предположительно язык, на котором невозможно высказать что-то неистинное, не сделав при этом очевидной ошибки. Это был бы язык, на котором было бы невозможно сказать что-то неверное. Эта идея кажется прекрасной, и ее можно было бы отнести к разряду утопий, но можем ли и хотим ли мы действительно вообразить себе такой язык для обычного применения?

Вместе с заголовком, особенно вместе с понятием «языковое мышление», всплывает обескураживающий и, возможно, продуктивный двойной смысл. В контексте подзаголовка и идеала уготовленной для истины грамматики, «языковое мышление» подразумевает образ мысли Лихтенберга о языке, его взгляды на возможности и границы языка. С такого заглавия могла бы начинаться гла-

ва, посвящённая Лихтенбергу как философу языка. Однако «языковое мышление Лихтенберга» подразумевает по большей части нечто иное. Оно обозначает специфику его подхода, его афористический метод, его остроумие: то, как Лихтенберг мыслит в субстрате языка, как он мобилизует язык (Sprachliches), чтобы породить новые идеи и озарения. Это значение выражения хорошо известно, оно послужило заголовком как минимум одной интересной работы (Roggenhofer 1992). Относительно двойного смысла «языкового мышления» возникает вопрос, о чем собственно должна идти речь? Связана ли каким-то способом философия языка Лихтенберга с его методом, то есть с осуществлением его мышления, как это проявлено, в первую очередь, в его черновых тетрадах?

С этим вопросом проясняется, наконец, задача или принимаемый ради эксперимента вызов. Предварительно раскрывается и построение эксперимента: от на первый взгляд очевидного расположения слов рядом друг с другом, содержащего, при более подробном рассмотрении, двойкий смысл (Вспомним: «Следует экспериментировать с идеями» (Lichtenberg 2003)). Он может оказаться продуктивным вызовом, пусть и в рамках осознанной, будем надеяться, не слишком педантичной дословности и проявленного во время эксперимента упорства. (Исписана уже целая страница, а мы все еще не продвинулись дальше заголовка.) (Это также отдаленное эхо: к самым объемным из любимых книг Лихтенберга относился роман Лоренса Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентельмена» (1759–1767), действие которого едва выходило за пределы дня рождения Шенди.)

Краткий обзор

Так же внимательно, как и прежде, мы будем продолжать попытку понять языковое мышление Лихтенберга дословно, следуя за движением мысли, заданным заглавием в качестве экспериментальной ситуации. Почему мы говорим о мышле-

нии Лихтенберга и его литературном методе как о «языковом мышлении» – что под этим подразумевается, почему это уместно и почему об этом даже пишут книги?

Далее этот вопрос ведет к скептическим взглядам Лихтенберга на язык. Философы постоянно их цитируют, а особое, центральное значение они приобретают для Людвига Витгенштейна. Согласно этим взглядам, наш обыденный язык не имеет философского характера, то есть он функционирует не так, как того хотели бы философы. Среди прочего еще и потому, что в употребление языка вплелись предрассудки, потому что имена вещей передают из поколения в поколение непроверенные представления, потому что существует бесчисленное количество многозначностей. Таким образом, любая порядочная философия обречена на то, чтобы философствовать на беспорядочном нефилософском языке, языке «нефилософии».

В свете этого скорее скептического диагноза напрашивается вопрос, был бы философским такой язык, на котором невозможно сказать что-либо неистинное, не нарушая при этом правил грамматики. Возможно, воображаемый Лихтенбергом язык удовлетворяет требованию чистоты и беспредпосылочности конструкции и более не воспроизводит предрассудков неотрефлексированной народной философии, его не отягощает никакой исторический балласт. Возможно, подобный язык оказался бы языком философии и языком для философии.

Этим исчерпывается первая точка зрения на замечание Лихтенберга: согласно ей, оно представляет нам языковую утопию. Вторая точка зрения на замечание Лихтенберга показывает эту мечту в виде кошмарного сна: не положит ли такой язык, на котором можно сказать только истину, конец мышлению и тем самым мыслям и их выражению? Возможно, языковое мышление и мышление языка Лихтенберга таким образом ведет нас от мечты через кошмар к чему-то третьему, но не в смысле диалектического синтеза первого и второго. Утопия философского языка в таком случае сохранится, но будет служить мерилем истины, которая не является строго, хладнокровно и бесстрашно, но учитывает и уважает уместное. Кто несет факел истины сквозь толпу, рискует не только собой, ему следует проявлять осторожность, чтобы не спалить дотла длинные бороды традиции. А тот, кому есть что возразить против пути, выбранного толпой, будет понят лучше, если он не будет стоять на месте и выкрикивать сзади, а будет шествовать впереди и участвовать в дискуссии (это вариации второго замечания Лихтенберга: «Почти невозможно пронести факел истины через толпу, не опалив кому-нибудь бороды» (Lichtenberg 2003) и «Если у кого-то есть возражения против пути, по которому пошла толпа, то его лучше поймут, если он будет в центре

общества, нежели если он будет стоять позади и выкрикивать вслед» (Lichtenberg 1794)). Это была бы мечта о языке, в котором погрешность против добрых нравов языкового сообщества одновременно была бы и погрешностью против истинности: нам нельзя быть слишком философичными, чтобы мы были в состоянии образовывать и просвещать себя.

Выражать мысли – языковое мышление Лихтенберга

Завершим предварительный обзор движений языка и мысли, спровоцированных нашим заглавием и замечанием Лихтенберга. Теперь это движение следует осуществить ещё раз медленнее, но при этом же намного быстрее. Оно начинается с вопроса, почему мы завели разговор о языковом мышлении Лихтенберга, если при этом имеем в виду его афористический метод, его экспериментальное движение мысли, его мышление возможного, оформленное в сослагательном наклонении. Каждое из этих обозначений проблематично в той мере, в какой оно берёт себе Лихтенберга в союзники, понимая его – с большой долей вероятности несоразмерно ему самому – как инициатора или исходную точку традиции, то есть ретроспективно и тем самым анахронистски. То, что перечисленные выше обозначения часто используются параллельно, а не противопоставляются друг другу, подчеркивает, что речь здесь идет о единой, хотя, возможно, и размытой линии традиции, которая по-разному была описана в работах Иоганна Роггенхофера, Смейла Репика, Поля Рекадта, Франца Маутнера, Альбрехта Шёне и Стерна, Хайнца Гокеля и Герхарда Нойманна ((Arntzen 1971, p. 65-78); (Berendsohn 1912); (Gockel 1973); (Mautner 1976a); (Mautner 1976b); (Neumann 1976); (Rapic 1999); (Requadt 1948); (Roggenhofer 1992); (Schöne 1982); (Stern 1959)). В целом эти способы прочтения были отрефлексированы Хайнцем Крюгером (Krüger 1956). Несмотря на признаваемую амбивалентность автор этих строк причисляет себя к инклюзивной традиции (Nordmann 2005)). Она охватывает последовательность авторов, начиная с Лихтенберга, объединяет Новалиса и Шлегелей, Шопенгауэра и Ницше, достигает апофеоза ((Janik and Toulmin 1984), (Gray 1986) и (Szczeniak 2007)) в кризисе языка в конце XIX века, в «Вене Витгенштейна», и продолжает жить до сих пор. Эта линия опирается на философскую дефиницию афоризма или афористического мышления и письма, которая сильно отличается от той же дефиниции в языкознании и литературоведении. Если последняя характеризует афоризм краткостью формы и сжатостью до одного отдельного стоящего предложения, то философское определение подразумевает движение мысли, в котором осуществляется взаимодействие прозрения

и прояснения: афоризм провоцирует второй и третий взгляд, порождая различные перспективы видения. То, что объединяет Лихтенберга, Нова-лиса, Шлегелей, Ницше, Шопенгауэра, Крауса и Витгенштейна, есть метод, а именно специфический способ выражения, заключающийся не в том, чтобы что-то высказать, а в том, чтобы запустить незавершенное движение мысли.

Конструкция этой традиции языкового мышления подразумевает в качестве основания метода философскую идею, характерную для позднего XIX века и для Витгенштейна, которую можно найти и у Лихтенберга. Эту идею Готфрид Габриэль обобщил следующим образом: для названных и многих других авторов «писать афоризмами» значит то же самое, что и «выражать мысли» (Gabriel 1991, p. 26–29). Что иное может скрываться за этим сравнением, если не представление о том, что мысли нельзя просто высказать, их приходится выражать особым способом, что они – нечто иное, нежели факты, наблюдения и данные опыта, и потому мысли – не духовные предметы, которые мы можем именовать таким же образом, каким мы именуем предметы мира.

Часто для языкового мышления Лихтенберга значимым считается своего рода языковое сомнение и сознание границ языка, характерные для языкового мышления и философской традиции. Так как соотношение сознания, языка и мира проблематично, оно не может быть предпослано философствующему мышлению. И так как мысли не являются определенными, четко очерченными духовными предметами или перечислимыми содержаниями сознания, они выпадают из обычного модуса говорения и обозначения в предметном мире. Чтобы выражать мысли, требуются иные средства, и никакое иное средство, кажется, не подходит для этих целей лучше, чем сочинение афоризмов, что, разумеется, требует ясного представления о том, чем афористическое принципиально отличается от простого высказывания о том, каковы вещи. К этому представлению мы приблизимся лишь в конце наших наблюдений. Пока зафиксируем в качестве тезиса, что интерес к языковому мышлению Лихтенберга имеет философские предпосылки: языковое мышление испытывает трудности с выражением философских мыслей на языке, который не создан для этого и к тому же не в состоянии именовать или высказывать мысли так, как мы проговариваем вещи или факты.

Философия на языке нефилософии

Вполне может быть, что построение линии философской традиции, берущей начало в языковом мышлении Лихтенберга, анахронично. Йоганнес Роггенхофер, например, пишет, что Лихтенберга следовало бы сначала «развитгенштейнить», прежде чем пытаться характеризовать специфику

его языкового мышления (Roggenhofer 1992, p. 66–72). Я поступаю здесь иначе и рассматриваю именно Лихтенберга, благодаря которому появилось это, пусть даже и анахроничное построение, именно Лихтенберга, который пытается философствовать в условиях скепсиса к языку, и который поэтому может считаться предшественником Витгенштейна, и в действительности оказал определяющее влияние на философию Витгенштейна.

В качестве предварительной ступени своих «Философских исследований» Витгенштейн написал так называемую «Большую рукопись» [“Big Typescript”], которая содержит главу с программным названием «Философия». В ней Витгенштейн занимается непосредственно Лихтенбергом и вопросом о том, как вообще возможно выражение философских мыслей. Витгенштейн недвусмысленно подчеркивает, что в своей критике языка он использует Лихтенберга в качестве образца. Для этого он цитирует два расположенных рядом отрывка из «Черновой тетради Н», высоко им ценимых ((Wittgenstein 2000) Витгенштейн цитирует раздел Н 146, отсылки к Н 151 осуществляются имплицитно: «Люди глубоко вросли в философские, то есть в грамматические коллизии ... Необходимо, так сказать, перегруппировать весь их язык. – Но этот язык так возник, потому что люди имели склонности – и имеют – так думать. У языка для Всех – одни и те же ловушки, гигантская сеть прекрасно сохраняющихся ложных путей»). Они вскрывают два философских предрассудка, заданных в языке и с помощью языка и являющихся следствием разделения на объект и субъект и грамматики предикации.

«Я и себя. Я чувствую себя – это два предмета. Наша ложная философия заключена в тело языка; мы, так сказать, не можем заключать, не делая ложных заключений. Мы не принимаем во внимание, что говорение, не важно, о чем, – это и есть философия. Каждый, кто говорит на немецком, – народный философ, а наша университетская философия заключается в ограничении таких людей. Вся наша философия – это корректура употребления языка, то есть корректура философии, и кстати, наиболее общей...» (Lichtenberg 2003).

Познавать внешние предметы – это противоречие, человеку невозможно выйти из себя наружу. Если мы верим, что мы видим предметы, то мы видим лишь себя. Мы, собственно говоря, ни о чем не можем узнать в мире, кроме как о самих себе, и об изменениях, которые происходят в нас. Точно так же мы не можем чувствовать для других, как иногда говорят; мы чувствуем только для себя. Это утверждение звучит жестко, но оно не является таковым, если его правильно понимать. Не любят ни отца, ни мать, ни жену, ни ребенка, но лишь приятные ощущения, которые они нам доставляют. Это всегда льстит нашей гордости и

нашему самолюбию. И иначе невозможно, а кто отрицает это утверждение, очевидно, его не понял. [...] Язык изобрели до философии, и это то, что осложняет философию, особенно когда хочется сделать её понятной для других, тех, кто сам не много думает. Философия, когда она говорит, всегда вынуждена говорить на языке нефилософии (Lichtenberg 2003).

Отдельные случаи

Что означает это скептическое к языку начало для философии? Ответ витает в воздухе и направляется сам собой: философия должна писать афоризмами, если она хочет выражать мысли, так она должна найти путь, который с помощью языка выведет за пределы модуса речевого высказывания, утверждения, констатации. Беспорядочный язык нефилософии есть тем самым неотменяемый аспект *conditio humana*, философия вынуждена его признавать. Этот язык устанавливает непреодолимые для нее границы и составляет её реальность, при этом побуждает к языковому мышлению в форме импульса, сопротивления и материала. Думается, что философия ни в коем случае не обязана смиряться с недостаточностью языка, скорее она вынуждена конструировать задуманный на философских принципах идеальный язык, чтобы нам, например, не приходилось с помощью языка скрывать, что мы, собственно говоря, любим не наших родителей, а лишь наши чувства. Такой язык, ограниченный исключительно доступной действительностью ощущений и чувственных впечатлений, был бы более честным, уместным и осознанным, нежели язык, который ошибочно мнит, будто относится к внешним предметам, а сам делает так, как если бы то, что мы на самом деле любим, было бы нашими родителями.

На первый взгляд, – правда лишь на первый, – замечание Лихтенберга, вынесенное в заглавие статьи, кажется предложением пойти по последнему из намеченных путей и помечтать об идеальном языке, на котором могли бы быть высказаны истины не только философии. Кто понимает этот язык и владеет его грамматикой, тому запрещено и совершенно невозможно перейти от нормальных, осмысленных, истинных предложений к бессмысленным и ложным высказываниям.

В заключение это замечание Лихтенберга должно быть рассмотрено с точки зрения того, что в нём кажется высказанным на первый, второй и третий взгляд, то есть не в качестве высказывания, а в качестве движения мысли, которое – согласно определению афористического у Лихтенберга, данного Дж.П. Стерном, – характеризуется именно тем, что предоставляет вторую и третью точки зрения ((Stern 1959, p. 189–226). («Литературное определение афоризма»), и там особенно о

значении «второго взгляда» (“second look”), который обязан аутентичному характеру афоризма, то есть продуктивному вопросу: «Это действительно так?» или «Это возможно?», который возникает у читателя, удивляя и озаряя. (Stern 1959, p. 202)). То, что по-немецки называется «отдельным замечанием» (*verstreute Bemerkungen*), Стерн схватывает как «scattered occasions», то есть в качестве подходящего момента, повода или причины рефлексии. В нашем случае и в случае замечания о погрешностях против истины с каждым новым горизонтом расширяется угол зрения на окружающий текст, открывается всё больше «до» и «после» этого замечания, выделявшегося поначалу афористичной краткостью, а затем оказавшегося остроумным поворотом в изменчивом движении мысли.

Грёзы разума

«Поэтому я уже давно мечтаю о том, чтобы существовал такой язык, на котором невозможно было бы сказать ложь, или, как минимум, в котором любая погрешность против истины была бы также и грамматической» (Эта часть предложения относится к более обширному контексту, который в дальнейшем постепенно станет понятен. Он взят из более старой версии Прологомен к основной лекции, которую я цитирую по изданию Ульриха Йоста (Lichtenberg 2003, p. 65–67)).

На первый взгляд, к этому нас подводят предыдущие рассуждения, мы имеем здесь дело с выходом из ситуации, в которой философия вынуждена говорить на языке нефилософии. Если бы этот язык не проистекал из сна или мечты разума, разве был бы он подлинно философским языком, как его представлял, скажем, Лейбниц, и еще в большей степени логический позитивизм XX века?

Лихтенберг оставляет два указания для уточнения своей идеи. Первое обнаруживается в «Черновой тетради G» и показывает, что ему не чуждо то, о чем он здесь говорит, что ему самому воображаемый идеальный язык представляется чрезвычайно близким:

«Кто еще не овладел наукой настолько, что любую погрешность по отношению к ней он чувствует так же остро, как грамматическую ошибку в родном языке, тому еще многому нужно учиться» (Lichtenberg 2003).

Конечно, погрешность «против науки» может считаться за ошибку в родном языке только в очень формализованных, аксиоматических науках, таких, как геометрия Евклида или механика Ньютона. И всё-таки даже для учения об электричестве XVIII века справедливо утверждение, что «овладел наукой» только тот, кто умеет проводить определённые различия, производить и классифицировать феномены, то есть культивирует обращение с предметами и понятиями по строго установ-

ленным правилам. Второе указание Лихтенберга проясняет, каким образом физик или математик обосновывает возможность и, вероятно, даже необходимость такого говорения и мышления в науке, которое исключает ложное или невысказанное:

Разумный муж может сказать «дважды два будет пять» (следовало бы сказать – может произнести), но никогда он этого не сможет подумать.

Поэтому я уже давно мечтаю о том, чтобы существовал такой язык, на котором невозможно было бы сказать ложь, или, как минимум, в котором любая погрешность против истины была бы также и грамматической.

В нашем обыденном языке можно образовать любые предложения. Некоторые из них высказывают что-то истинное, другие – что-то ложное, некоторые – что-то мыслимое, некоторые – что-то невысказанное. До тех пор, пока речь идет лишь о том, чтобы строить грамматически правильные предложения, нет существенной разницы между «два плюс два – четыре» или «два плюс два – пять», или «два плюс два – 123». Конечно, можно помыслить себе такой язык символов, в котором знаки 2 и 2 комбинируются не столь произвольно, и никогда так, чтобы при сложении 2 и 2 получилось бы 5. Если бы, например, числа символизировались с помощью определенного числа штрихов, и если бы «плюс» в задании соответствовал бы указанию написать соответствующие символы просто в один ряд друг с другом, тогда единственный вариант «II плюс III равно IIII» соответствовал бы заданным правилам образования предложения, а погрешность против истины была бы одновременно и погрешностью против грамматики. Невозможно оказалось бы теперь не только помыслить или сказать «II плюс II равно IIII» – это в любом случае, – но даже и написать это можно только грамматически правильно.

Логика и математика сами по себе являются чем-то вроде грамматики мышления, и если бы в этих сферах оказалось возможным сделать нарушение тривиальных истин символически заметным, нас бы это не удивило. Почему же Лихтенберг считает этот пример значимым? Действительно ли у него речь идет только о том, что тут и там существуют последовательные формализации такого рода, что их можно считать идеальным языком? Заботят ли его меры языковой предосторожности, которые должны предотвращать переход от правильно образованных предложений с осмысленным высказыванием к правильно образованным предложениям, не способным ничего высказать – например, переход от «дважды два – четыре» к «дважды два – пять», от «этот угол можно поделить на две или четыре равные части с помощью циркуля» к «этот угол можно поделить с помощью циркуля на три равные части» ((Wittgenstein 1976, p. 88–89)). Это было бы критикой языка, как

её осуществляет Витгенштейн от имени Лихтенберга. Она показала бы, что то, что ведёт нас по ложным философским тропам, навязывая вопросы, на которые мы не можем осмысленно ответить – «почему, собственно говоря, дважды два будет именно четыре?» или «нет ли возможности делить угол с помощью циркуля на три равные части?», и есть сам язык.

Но если мы еще немного расширим угол зрения, то окажется, что для Лихтенберга речь идет о чем-то еще более принципиальном: в меньшей степени об искушающей силе языка, но в большей – о легкомысленном, бездумном говорении, которое использует возможности языка, чтобы в игре с аргументами занимать позиции и формулировать утверждения, которые никто не может полагать серьезными. Соответственно, на кону не только тот факт, что язык сам по себе не философичен, скорее подчинен этике дискурса, но и тот, что мы иногда говорим не то, что полагаем. Возможно ли, скажем, в рамках введения в естественные науки серьезно усомниться в том, что природу всегда следует рассматривать с точки зрения причинности? Тот, кто формулирует философский тезис «всё, что мы наблюдаем, может происходить беспричинно и не иметь никакого значения», тот не знает, что говорит, он лишь злоупотребляет возможностями пустого возражения и готового отрицания, которые предоставляет язык.

«Такой мир, как этот, возник без причин», – это можно сказать, но нельзя этого подумать и нельзя в это поверить, это предложение – не связь мыслей между собой, но лишь рядоположение символов. Разумный муж может сказать «дважды два будет пять» (следовало бы сказать – может произнести), но никогда он этого не сможет подумать.

Поэтому я уже давно мечтаю о том, чтобы существовал такой язык, на котором невозможно было бы сказать ложь, или, как минимум, в котором любая погрешность против истины была бы также и грамматической.

Итак, в свете вопиющей лёгкости злоупотребления языком в качестве произвольной связки символов Лихтенберг надеется, что может существовать язык, который не допустит такого злоупотребления. И вот уже появляется утопическая картина идеального языка, формулируемая большей частью в качестве противодействия или ответа на человеческое зло. Однако это зло можно устранить совершенно иным образом, например, посредством речи, которая берёт на себя ответственность за сказанное, которая просвещена, то есть отрефлектирована. (С учетом этой последней выдержки из текста становится ясным ярко выраженное кантианство Лихтенберга. Тот, кто приписывает возникновение мира беспричинности, а не естественно-научной каузальности, тот с тем же

успехом мог бы утверждать, что дважды два пять. Кто отрицает условия возможности осуществления всякого познания природы, тот отрицает нечто настолько же тривиальное и основополагающее, как элементарные высказывания логики и математики.)

Кошмары разума

То, что сон или грёзы разума порождают чудовищ, мы знаем из известной гравюры Гойя. Это верно и для мечты о философской реформе языка, существовавшей и до, и после Лихтенберга, как, например, у химика Антуана Лавуазье, инициировавшего проведение фундаментальной реформы языка химии. Об этом языке, конечно, нельзя сказать, что на нём могут быть сформулированы исключительно истины, однако его грамматика настолько строга, что лишь очень хорошие претенденты на истину соответствуют грамматическим предпосылкам.

Причина, по которой невозможно отделить номенклатуру от науки и науку от номенклатуры, состоит в том, что каждая физическая наука необходимым образом состоит из трех частей: 1) из ряда фактов, которые образуют науку, 2) из представлений, которые они оставляют в нашей памяти; 3) из слов, которые выражают факты. Слово должно производить представление, а представление должно рисовать факт. Это три оттиска одной и той же печати; из того, что с помощью слов представления сохраняются и передаются, следует, что язык нельзя усовершенствовать, не совершенствуя одновременно и науку; как нельзя соответственно усовершенствовать науку, не улучшив языка. Следовательно, какими бы определёнными ни были факты, какими бы верными ни были порожденные ими представления, они будут давать лишь ложные впечатления, если у нас не найдется точных выражений, чтобы их выразить. (Из введения в систему антифлогистической химии Антуана Лавуазье (Lavoisier 1792).)

Лавуазье стремится улучшить науку не с помощью открытия новых фактов, но с помощью усовершенствования языка, в котором факты изначально выражаются, и в котором они должны быть правильным образом упорядочены. Как же выглядел этот язык, каким была суть его грамматического принципа, позволявшего выражать химические истины математическими формулами? Приведем обзор его сущностных свойств, ради простоты сформулированный анахронически. Сначала вещества теряют их исконно используемые имена и получают названия по их соединениям. Так, вода – это соединение водорода и кислорода, при этом в названии отражается даже соотношение объемов этих веществ: H_2O . Помимо этого, обозначение «кислород» уведомляет о функциональной особенности этого элемента – так, кислород считался

существенной частью любой кислоты, и потому – окислителем. Когда из этих имён или обозначений нужно образовать целые предложения, конструкция этих предложений следует «грамматическому» правилу сохранения массы, сформулированному Лавуазье. Тот, кто хочет описать химическую реакцию, должен привести своё выражение к равновесию до и после, должен придерживаться правила, согласно которому количество материи слева от знака равенства в реакции точно соответствует количеству материи справа от знака. В описании химической реакции ни при каких обстоятельствах не может утверждаться, что возникло что-то новое. Вместо этого во всех описаниях речь может идти только о преобразованиях, преобразованиях символов, которые соответствуют преобразованиям материи, при этом ничего не исчезает и ничего не прибавляется. Решение о том, является ли химическое предложение грамматически безупречным, в конечном итоге принимают весы. И как отмечает сам Лавуазье, тем самым число возможных предложений весьма сильно ограничивается: допустимы лишь такие гипотезы, которые претендуют на правдоподобные объяснения в строгом соответствии закону сохранения массы. (Так, Лавуазье хвалит свою новую химию за то, что она состоит теперь не из неопределённых проблем, которые можно решить тысячью способов. См. его „Elements of Chemistry“ (Lavoisier 1965).)

Протест Лихтенберга против языковой реформы Лавуазье и присущего ей догматизма известен. Идеальный язык Лавуазье хорош для некоторых случаев, но он не позволяет описать словами конкурирующую теорию и совсем не пригоден в научной полемике о преимуществах одной или другой теории. Тот, кто хочет пользоваться новым языком Лавуазье, должен вместе с ним принять и его теорию. Это «манифест в номенклатуре» (Lichtenberg 2003), который проясняет разницу между допустимыми гипотезами и недопустимыми полномочиями. «Гипотезы – это одобрения, номенклатуры – это полномочия». (Подробное изложение этой критики «французской химии» находится в разделе J 1686: «Насколько великолепны опыты французов, насколько они свидетельствуют о прогрессе человеческого духа, настолько же варварской является номенклатура. Я называю здесь варварским то, что свидетельствует о регрессе или стагнации человеческого духа. Именно дух, который в конце XVIII века учит нас сомневаться в существовании флогистона, должен учить нас не создавать новых имен. Чем помогут все знания о мире и людях, если мы вновь и вновь будем позволять себя дурачить и давать имена там, где они совершенно бесполезны. Явления не новы, новы лишь объяснения и полагания, а новые полагания не требуют нового языка, гораздо в большей степени необходимо как раз обратное, чтобы изложить их ясно, нужно

пользоваться уже принятым. [...]».) (Lichtenberg 2003) Лихтенберг приводит много аргументов против нового языка химии, среди них и такие, которые отвергают представление об улучшении науки с помощью улучшения языка и выделяют именно нефилософскую незавершенность и несовершенство языка в качестве адекватных свойств для утомительной работы по поиску истины.

«[...] Что есть вещи, раскрыть это – есть дело философии. Слово не должно быть дефиницией, но лишь знаком дефиниции, которая всегда представляет собой изменчивый результат совместного усилия исследователей, и он будет вечно оставаться в несчетном количестве предметов нашего мышления, так что мыслитель привыкнет больше не заботиться о знаке как о дефиниции. [...]» (Lichtenberg 2003).

Погрешность против правдоподобия

Разумный муж может сказать «дважды два будет пять» (следовало бы сказать – может произнести), но никогда он этого не сможет подумать.

Поэтому я уже давно мечтаю о том, чтобы существовал такой язык, на котором невозможно было бы сказать ложь, или, как минимум, в котором любая погрешность против истины была бы также и грамматической.

Но само по себе это было бы, конечно, очень печально для многих ассамблей и обществ, для наших искренних заверений и комплиментов. Я полагаю, что там, где сейчас особенно много болтают, станет очень тихо, либо там будут кишеть грамматические ошибки.

Третий взгляд на еще более расширенное замечание Лихтенберга вовлекает в игру общество Гёттингена. Там, где обмениваются любезностями, где много болтовни, там царит тишина, потому что ничего не говорится. И эта тишина заполняется бессодержательной болтовней, неискренность которой ни для кого не является проблемой. Проговариваемое и невысказываемое в подобных ситуациях мыслится иначе. Дискурс вежливости использует ложь не в форме буквально ложных высказываний, а в силу нехватки интереса к фактической информации или нехватки потребности в истине.

Так, *ex negativo*, из иронической дистанции заявляет о себе возможность говорения, которую следует принимать всерьёз. Она осуществляется отдельно от полагания и не имеет отношения к высказыванию истины. Кто желает иметь язык, на котором ложь было бы невозможно грамматически корректно сформулировать, тот приходит к такому виду говорения, в котором погрешностью против грамматики было бы упорно настаивать на истинности или ложности легкомысленно брошенной фразы (здесь понятие «грамматики» расширяется до измерения языковой прагматики, в

котором речь идёт о том, что является уместным или неуместным в контексте определенных языковых игр, например, в высказывании комплиментов).

Намёк на неотменяемую ценность нефилософской речи обнаруживается в приведённой выше выдержке из текста, где прожженный эмпирик разрабатывает философский язык, в строгом смысле слова обозначающий только ощущения и данные органов чувств.

«[...] Мы чувствуем только для себя. Это утверждение звучит жестко, но оно не является таковым, если его правильно понимать. Не любят ни отца, ни мать, ни жену, ни ребенка, но лишь приятные ощущения, которые они нам доставляют. Это всегда льстит нашей гордости и нашему самолюбию. И иначе невозможно, а кто отрицает это утверждение, очевидно, его не понял. Однако наш язык в этой части обязан не быть философским точно так же, как он обязан не быть коперниканским при описании структуры Вселенной [...]» (Lichtenberg 2003).

Почему же в этой связи наш язык обязан не быть философским? Для начала, возможно, из вежливости по отношению к родителям и детям, для которых философски корректное выражение было бы слишком жестким. С точки зрения прагматики языка следующим обоснованием было бы то, что признания в любви могут обосновать и сохранить продуктивную иллюзию настоящих отношений – они содержат в себе обещание, что мы, вероятно, сможем выбраться наружу из тюрьмы своих – всегда только своих собственных – ощущений. Аналогия со структурой Вселенной Коперника позволяет сформулировать еще одно обоснование, связанное с критикой идеального языка химии Лавуазье: в этом месте наш язык обязан не быть философским, если он должен предоставлять пространство для мышления. Язык Коперника не знает восходов солнца. Слово «луна» этот язык использует в общем значении для любого спутника, а не как имя собственное для нашей земной Луны. Язык Коперника не знает твердых точек, из которых ведутся наблюдения: что и как нам является, не имеет твердой опоры в статической данности внешней действительности. Как бы ни был продвинут этот язык, в том числе и для обозначения структуры Вселенной, мы не можем заранее говорить так.

«Вначале человек должен верить, что Земля – это плоскость, а Солнце, Луна и звезды вращаются вокруг нее и т.д. Если бы ему захотелось сказать: Земля движется, а Солнце стоит на месте [...], то это было бы осмысленным озарением, которое пришлось бы отнести к разряду фантазий» (Vermischte Schriften, 1806, p. 392–393).

Речь, конечно, идёт не только о том, что у самостоятельного мыслителя больше работы, если

он не начинает сразу с коперниканского языка, в котором геоцентрические погрешности против истины вообще не поддаются выражению, – взгляды Коперника должны каждый раз прорабатываться и присваиваться. В большей степени речь вообще идёт о том, чтобы иметь возможность говорить, не будучи связанным обязательством высказывать дословную и окончательную истину.

Третий взгляд на странное стремление к идеальному языку углубляет парадоксальную идею Лихтенберга о том, что мышление, то есть и фило-софствование, возможно только в языке нефилософии. Этот язык именно по причине свойственных ему недостатков есть язык мышления, то есть философии. Он – язык нефилософии, так как он не слишком хорошо сконструирован с точки зрения философских идей и правил, так как в него вписаны ложь и заблуждения, так как погрешность против истины в нём ни в коем случае не является одновременно и грамматической, и поэтому должна распознаваться и исследоваться в размышлениях и спорах. С одной стороны, философия вынуждена использовать столь несовершенный язык, с другой – посредством него она вообще становится возможной, особенно посредством доступных через язык пространств несобственной, ничего не высказывающей речи. Язык нефилософии есть потому язык философии, что он не обязан ничего высказывать, и потому, что мы в нём не обязаны полагать то, что говорим, потому, что он может выражать мысли, не ориентируясь на фактическую истинность высказывания, и тогда в нём не существует погрешностей против истины. Так выражаются освобождённые мысли, вводятся в игру и подвергаются анализу с первого, второго или третьего взгляда; таким образом мысль приводится в движение, способное обходиться без жестких ограничений.

Для нефилософского языка философствования речь идет не столько о погрешностях против истины, сколько о погрешностях против правдоподобия, то есть о том, выражаются ли мысли для включения в тот или иной порядок или же имеют место пустые безответственные утверждения и опровержения. Сочетания символов передают и то, и другое. И хотя нет четкого критерия, позволяющего отличить настоящую мысль от пустого утверждения, и в нефилософском языке можно отличать правдоподобную речь от легкомысленной болтовни. А именно, ничего не говорящая речь или говорение без полагания в изъяснительном наклонении ведет себя так, будто бы речь идёт о высказываниях, претендующих на нечто вроде истины для себя, сослагательное же наклонение маркирует область языка, в которой действие осуществляется гипотетически или экспериментально, в которой всё происходит с оговоркой «если бы так можно было сказать» или «что можно было

бы назвать». В сослагательном наклонении никогда не говорится о том, что есть на самом деле, а чего нет, но лишь о том, что могло бы иметь место при более или менее экстравагантных предположениях. Речь в сослагательном наклонении ни в коем случае не является пустой, в этом случае она была бы неискренней или не представляла бы интереса уже хотя бы потому, как «говорение» противопоставляется «выражению мыслей»: высказывающийся в сослагательном наклонении не говорит, что дела обстоят так или иначе, но экспериментирует с символами и идеями. Таким образом, правдоподобный интерес к истине может разворачиваться и в гипотетическом пространстве возможностей символических связей, и при этом даже способен однажды допустить, что два плюс два в сумме дают пять («Если какой-нибудь ангел захотел бы когда-нибудь порассказать нам кое-что из своей философии, то некоторые положения, я полагаю, звучали бы как $2 \times 2 = 13$ » (Lichtenberg 2003)). Но и для нашей жизни верно, что мы можем соединить два отрезка веревки с двумя узлами на каждом, то есть связать их между собой, лишь так, что получается пять узлов).

Нефилософский язык философии был бы, следовательно, таким языком, в котором мысли становятся продуктивными, порождают при втором и третьем взгляде движение мысли – это и есть *rag excellence* афористический язык Лихтенберга, выражающий себя порой в эксплицитном, а порой и в имплицитном сослагательном наклонении (после того, как Стерн (см. выше) идентифицировал характерный для афоризмов Лихтенберга и для афористичного вообще второй взгляд с саморефлексивным употреблением языка, Альбрехт Шёне (см. выше) соотнес конъюнктивы Лихтенберга с научным (мысленным) экспериментом, и таким образом выявил существенное свойство афористического. Аргументация Стерна и Шёне была развёрнута далее в связи пониманием и употреблением языка Витгенштейном, его афористической рефлексией над произносимым в сослагательном наклонении (Nordmann 2005)). Он настолько же близок к эксперименту, насколько далёк от описания и высказывания. «Но да будет слово ваше: «да, да; нет, нет,» (Библия. Новый Завет. От Матфея. Глава 5, стих 37.), а что сверх этого, то не от зла, оно создает пространство самостоятельного мышления, которое, с одной стороны, придумывает себе идеальный язык философии, с другой тут же делает его относительным.

References

Arntzen, H. (1971), Die exakte Subjektivität. Beobachtung, Metaphorik, Bildlichkeit bei Lichtenberg, in ders. *Literatur im Zeitalter der Information*, Frankfurt.

- Berendsohn, W. (1912), *Stil und Form der Aphorismen Lichtenbergs*, Kiel, Germany.
- Gabriel, G. (1991), *Zwischen Logik und Literatur - Erkenntnisformen von Dichtung, Philosophie und Wissenschaft*, Stuttgart, Germany.
- Lichtenberg, G.C. (2003), *Aphorismen und andere Sudeleien*, Ulrich Joost (ed.), Stuttgart, Germany.
- Gockel, H. (1973), *Individualisiertes Sprechen*, Lichtenbergs Bemerkungen im Zusammenhang von Erkenntnistheorie und Sprachkritik, Berlin/NewYork.
- Gray, R. (1986), Aphorism and Sprachkrise in Turn-of-the-Century Austria, *Orbis Litterarum*, vol. 41, pp. 332–354.
- Janik, A.S. and Toulmin, S. (1984), Wittgensteins Wien, Wien.
- Krüger, H. (1956), *Studien über den Aphorismus als philosophische Form*, Frankfurt.
- Lavoisier, A. (1792), *System der antiphlogistischen Chemie*, Berlin und Stettin.
- Lavoisier, A. (1965), *Elements of Chemistry*, New York.
- Lichtenberg, G.C. (1794), *Vorrede zur sechsten Auflage von Erxlebens Anfangsgründe der Naturlehre*, Göttingen.
- Mautner, F.H. (1976a), *Der Aphorismus als literarische Gattung in Der Aphorismus*, Gerhard Neumann (ed.), Darmstadt.
- Mautner, F.H. (1976b), *Maxim(e)s, Sentences, Fragmente, Aphorismen in Der Aphorismus*, Gerhard Neumann (ed.), Darmstadt.
- Neumann, G. (1976), *Ideenparadise. Untersuchungen zur Aphoristik von Lichtenberg, Novalis, Friedrich Schlegel und Nietzsche*, München.
- Nordmann, A. (2005), *Wittgenstein's Tractatus: An Introduction*, Cambridge.
- Rapic, S. (1999), *Erkenntnis und Sprachgebrauch: Lichtenberg und der Englische Empirismus*, Göttingen.
- Requadt, P. (1948), *Lichtenberg: Zum Problem der Aphoristik*, Hameln.
- Roggenhofer, J. (1992), *Lichtenbergs Sprachdenken*, Berlin.
- Schöne, A. (1982), *Aufklärung aus dem Geist der Experimentalphysik. Lichtenbergsche Konjunktive*, München.
- Stern, J.P. (1959), *Lichtenberg. A Doctrine of Scattered Occasions Reconstructed from his Aphorisms and Reflections*, Bloomington.
- Szczesniak, D. (2007), *Zum Aphorismus der Wiener Moderne - Arthur Schnitzler; Hugo von Hofmannsthal, Karl Kraus*, Stuttgart.
- Vermischte Schriften, Bd. 9: Georg Christoph Lichtenbergs physikalische und mathematische Schriften* (1806), Göttingen.
- Wittgenstein, L. (2000), *The Big Typescript*, Wien.
- Wittgenstein's Lectures on the Foundations of Mathematics* (1976), Cora Diamond (ed.), Ithaca.

Submitted: 18.10.2021

Revised: 02.12.2021

Accepted: 21.12.2021

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 82-27 + 82.09

DOI: 10.18287/2782-2966-2021-1-4-39-45

Дата: поступления статьи: 22.10.2021
после рецензирования: 30.11.2021
принятия статьи: 20.12.2021

Г.А. Филиппов

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: slashgame8@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1903-9509>

К.Э. Разухина

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: karina.razuhina1301@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3512-6538>

Герой и реципиент в монодраме «Смерть Фирса» В. Леванова

Аннотация: в монодраме В. Леванова «Смерть Фирса» наблюдается характерное для новейшей драматургии усиление перформатизации, а выводимый В. Левановым герой связывается интертекстуальной нитью с «чеховским текстом» и трансформируется в сложного субъекта, чья идентичность раскрывается через развернутое монологическое высказывание. Для того, чтобы выделить характерные особенности реципиента и героя в монодраме В. Леванова, необходимо учитывать перформативный потенциал текста и его влияние на трансформацию этих категорий в монодраме. Таким образом, реципиент монодрамы становится соучастником коммуникативного акта по принципу тотальной сопричастности, а театрализованное разыгрывание монологического действия намеренно высвечивается самим устройством текста. В связи с этим необходимо переосмыслить влияние позиции гротескного субъекта на рецептивный потенциал читателя/зрителя. Учитывая установку монодрамы на предельно «личное», потеря/поиск идентичности персонажем существенно влияет на сокращение дистанции между словом и действием, героем и реципиентом. Целью данной статьи является осмысление ключевых для монодрамы категорий героя и реципиента на материале пьесы «Смерть Фирса» в контексте особенностей монодраматического композиционно-речевого построения. Для этого авторы обращаются к работам М.Н. Липовецкого, С.П. Лавлинского, Е.М. Давыдовой, А.М. Павлова и других. Между тем исследователи неоднократно рассматривали монодраму В. Леванова с точки зрения антропологических особенностей героя и специфики нарративной организации текста. В данном исследовании впервые предпринимается попытка анализа пьесы В. Леванова «Смерть Фирса» с точки зрения теоретической поэтики и рецептивно-эстетического подхода.

Ключевые слова: Вадим Леванов; новейшая драматургия; герой; рецепция драматургии А.П. Чехова; перформативность; монодрама.

Цитирование: Филиппов Г.А., Разухина К.Э. Герой и реципиент в монодраме «Смерть Фирса» В. Леванова // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2021. Т. 1, № 4. С. 39–45. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-4-39-45>.

Благодарности: авторы выражают благодарность Сергею Петровичу Лавлинскому, профессору кафедры теоретической и исторической поэтики, ИФИ, РГГУ, за оказанную помощь в проведенном исследовании.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Филиппов Г.А., 2021 – магистрант программы «Классическая русская литература и современный литературный процесс» Института филологии и истории, Российский государственный гуманитарный университет, 125047, Российская Федерация, г. Москва, Миусская площадь, д. 6.

© Разухина К.Э., 2021 – магистрант программы «Классическая русская литература и современный литературный процесс» Института филологии и истории, Российский государственный гуманитарный университет, 125047, Российская Федерация, г. Москва, Миусская площадь, д. 6.

SCIENTIFIC ARTICLE

G.A. FilippovRussian State University for the Humanities,
Moscow, Russian Federation

E-mail: slashgame8@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1903-9509>**K.E. Razukhina**Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russian Federation

E-mail: karina.razuhina1301@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3512-6538>**The hero / protagonist and the recipient in the monodrama
“The Death of Firs” by V. Levanov**

Abstract: in V. Levanov’s monodrama “The Death of Firs”, there is an increase in performatization characteristic of the contemporary drama. The character deduced by V. Levanov is linked by an intertextual thread with the works of Chekhov and transforms into a complex personality, whose identity is revealed through a detailed monologue statement. In order to highlight the characteristic features of the recipient and the character in V. Levanov’s monodrama, it is necessary to take into account the performative potential of the text and its influence on the transformation of these categories in the monodrama. Thus, the recipient of the monodrama becomes an accomplice of the communicative act according to the principle of total involvement, and the theatrical enactment of the monologue action is deliberately highlighted by the structure of the text. In this regard, it is necessary to reconsider the influence of the position of the such a subject on the receptive potential of the reader / viewer. Taking into account the monodrama’s orientation to the extremely “personal”, the loss / search of identity by the character significantly affects the reduction of the distance between the word and the action, the hero / protagonist and the recipient. The purpose of this article is to comprehend the key categories of the character and the recipient for the monodrama on the material of the play “Death of Firs” in the context of the peculiarities of the monodramatic compositional speech construction. For this purpose, the authors refer to the works of M. Lipovetsky, S. Lavlinsky, E. Davydova, A. Pavlov and others. Meanwhile, the researchers have repeatedly examined V. Levanov’s monodrama from the point of view of the anthropological characteristics of the hero / protagonist and the specifics of the narrative organization of the text. In this study, we first attempted to analyze V. Levanov’s play “The Death of Firs” from the point of view of theoretical poetics and a receptive-aesthetic approach.

Key words: Vadim Levanov; the contemporary dramaturgy; hero / protagonist; reception of A.P. Chekhov’s dramaturgy; performativity; monodrama.

Citation: Filippov, G.A. and Razukhina, K.E. (2021), The hero / protagonist and the recipient in the monodrama “The Death of Firs” by V. Levanov, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 1, no. 4, pp. 39–45, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-4-39-45>.

Acknowledgments: the authors express their gratitude to S.P. Lavlinsky, Professor of the Department of Theoretical and Historical Poetics, IFI, RSUH, for his assistance in the research.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© **Filippov G.A., 2021** – Master degree student of the program “Classical Russian Literature and Modern Literary Process” of the Institute of Philology and History, Russian State University for the Humanities, 6, Miusskaya Square (St.), Moscow, 125047, Russian Federation.

© **Razukhina K.E., 2021** – Master degree student of the program “Classical Russian Literature and Modern Literary Process” of the Institute of Philology and History, Russian State University for the Humanities, 6, Miusskaya Square (St.), Moscow, 125047, Russian Federation.

Введение

Многие исследователи современной драматургии определяют «перформативность» как одну из наиболее характерных коммуникативных моделей. В определении данного явления многие из них чаще всего отталкиваются от коммуникативной ситуации слияния слова и имплицитного действия, которое выходит на поверхность, становится «зримым» и воздействующим, преодолевая

изначально заданные словесные рамки, подразумевающие дистанцию между эфемерным сообщением и его «физической» объективацией. Как отмечает Ю. Хабермас, коммуникативный потенциал высказывания сливается в речи произносящего с комплексом «способностей делать» (Лавлинский 2015, с. 97). Перформатизация культуры, по соображению К. Сыски и Е. Курант, становится достаточно закономерным явлением и рас-

пространяется на все области искусства XX века (Курант, Сыска 2019). Между тем в современной отечественной драме «невозможно не заметить в текстах пьес усиление процессов перформатизации, о которых пишут теоретики драмы и современного театра» (Лавлинский 2015, с. 99). Монодрама В. Леванова «Смерть Фирса» не является исключением.

Ход исследования

Драма как род литературы априори тяготела к перформативности: в самом акте «разыгрывания» в сценическом пространстве определённого коммуникативного события, состоящего из реплик или монологов, подразумевается позиция «показа», превращающая слово в своеобразные «речевые жесты событийного характера» (Тюпа 2011, с. 11). «Перформативный поворот» изменяет не только позицию адресата и его восприятие, но и постулирует «коммуникацию взамен созерцания, деятельное взаимодействие взамен поисков готового смысла» (Курант, Сыска 2019, с. 249). Постепенное сокращение временной дистанции между высказыванием и репрезентацией речи проблематизирует позицию как героя, так и реципиента. Е. М. Давыдова, анализируя понятие П. Пави «дистанции чтения», замечает, что «Хронометраж чтения сценического эпизода не только приблизительно совпадает с ходом разыгрывания того же фрагмента на сцене, но и с течением времени в художественном мире в рамках этого эпизода» (Давыдова 2010, с. 21). Стоит сказать, что рецептивная специфика освоения драмы, выведенная исследовательницей, в современных текстах заведомо инвертируется: как таковое совпадение «хронометража» чтения и театрального разыгрывания намеренно «высвечивается» самим устройством художественного текста.

Прежде всего, при подходе к анализу перформативного текста стоит учитывать смену исследовательского ракурса, который определяется самой спецификой «действующего» произведения. Оптика смещается в сторону рецептивного аффекта, в то время как вопрос о сущности и смысле художественного произведения становится второстепенным: «Другими словами – «вопрос, какую реакцию этот текст вызывает или хочет вызвать у читателей» важнее вопроса «что это» и «что это значит» (Курант, Сыска 2019, с. 250). Позиция реципиента в такого рода текстах актуализируется через процесс со-творчества и непосредственного соучастия (или, по выражению С. П. Лавлинского, через «коммуникативную партиципацию») в самореконструирующемся акте говорения. От рецептивной стратегии освоения прозаического текста это отличается тем, что монодрамы предполагают возможность переживания катарсиса читателем/зрителем за счет постоянного варьирования

дистанции между реципиентом и субъектами действия. Они становятся центральными единицами в этой коммуникативной системе, и именно между ними устанавливается главная линия реализации перформативного эффекта. Многие исследователи подчеркивают, что подобная модель отношений «между сценой и зрительным залом» свидетельствует о кризисе *диалога*, поскольку реципиент вынужден сам достраивать и конструировать разрозненные фабульные фрагменты. По Ж.-П. Сарразаку, кризис фабулы занимает не менее важное место в «новой драме», а изображаемый автором мир предстает в форме незавершенной «ситуации» (Sarrazaс 2007, p. 13).

Возвращение к «катарсису» как к наиболее аффективному виду воздействия не случайно, поскольку современная монодрама подразумевает в себе необходимую ритуализацию, отвечающую за повторяемость и слияние означаемого с означющим. По словам М. Н. Липовецкого, «Перформатив восходит к ритуалу (в том числе и к карнавалу)», а «слово становится перформативным именно в культурном пространстве заново становящихся, [...] чаще нарушенных, неустойчивых смыслов» (Липовецкий 2008). В данном случае позиция реципиента не столько достраивает незавершенный текст, сколько деконструирует (Ж. Деррида). Подобное «пересобирание» заведомо не целостных фрагментов и смыслов не предполагает наличие эстетической завершенности, поскольку сам текст предстает как становящаяся конструкция, наполняемая подвижным содержанием (Schehner 2013, p. 27). С этой точки зрения интересна позиция А.М. Павлова, указывающего на «выведение его (*кругозора читателя/зрителя – курсив мой, К.Р.*) из неподвижной и «единственной перспективы» (П. Пави) рецептивного видения» (Павлов 2012, с. 59).

Говоря о специфике персонажа, в первую очередь стоит обратить внимание на отличительные особенности монодрамы. Н. Евреинов понимает данную композиционно-речевую форму (под монодрамой мы понимаем особую композиционно-речевую форму, но не отдельный жанр, поскольку «...данное название является видовым и, соответственно, не может рассматриваться в качестве жанрового определения» (Агеева 2012)) как особое драматическое представление, которое через «душевное состояние действующего» отображает на сцене окружающий мир таким, «каким он воспринимается действующим в любой момент его сценического бытия» (Евреинов 2012, с. 7). Разыгрываемая на сцене «монодрама» через упоминаемый нами эффект «партиципации», превращается в «мою драму» (Агеева, Рощина 2019, с. 177), а именно сюжетную ситуацию личностного самоопределения каждого реципиента. Чаще всего перед читателем/зрителем предстает

гротескный субъект (иначе – трансгрессивный), чье высказывание последовательно выстраивается через монологическую форму, внутри которой наблюдается столкновение многих сознаний. Данная характеристика позволяет говорить о персонаже как о «серии своеобразных перформативных актов – действиях, зрелище, события рассказывания/показывания потенциальных вариантов самоидентификации» (Курант, Сыска 2019, с. 250). Драматический герой изображается как экзистенциальный «проект», чье обретение идентичности «становится своеобразным драматическим испытанием» (Kosiński 2005, p. 34).

В случае с пьесой Вадима Леванова «Смерть Фирса» читатель/зритель сталкивается именно с таким перформативным конфликтом самоидентификации, связанным, прежде всего, со своеобразием монодрамы, а именно с перенесением разворачивающегося действия из сценического пространства в монолог (пусть и прерывающийся) и сознание главного героя. Как отмечал М.Н. Липовецкий: «Перформатизм [...] сохранен и многими риторическими жанрами (клятва, присяга, заговор и т.п.)» (Липовецкий 2008). Определение интенциональности высказываний героя, таким образом, становится одной из главных задач нашего исследования.

Несмотря на эксплицитную номинацию пьесы как монодрамы, в качестве речевого субъекта появляется и Режиссер, реплики которого обращены к реципиенту из-за кулис и свидетельствуют о его квазиприсутствии. Роль его высказываний в разворачивающемся экзистенциальном конфликте героя по большей части номинальная – высказав из-за кулис мнение о главенствующей роли Фирса в комедии А.П. Чехова, он не получает вразумительного ответа и самоуничтожается. Н.А. Агеева обращает внимание на то, что «Собственную речь актер обретает лишь с уходом режиссера» (Агеева 2012, с. 286), когда театральное пространство становится непосредственной площадкой для его саморефлексии, осуществляемой как бы наедине. «Обмен репликами между ними (*Актером и Режиссером* – курсив мой, Ф.Г.), по существу, является мнимым диалогом» (Агеева 2012, с. 286), в котором тем не менее продуктивно обнажается деконструируемая в данной пьесе мера театральной условности: эксплицитный зритель, оказываясь частью «зрительного зала – черной дыры» (Леванов 1997), в определенный момент перехватывает у режиссера статус реципиента высказываний актера. Художественное пространство пьесы, таким образом, претерпевает удвоение: актер, играющий роль актера, адресуется и к внутритекстовому режиссеру (и зрителю), и к читателю пьесы В. Леванова одновременно. Проявляющийся в данном случае металепсис (термин Ж. Женнета) — эпизодические «выходы» из роли, нарушение театральной условности и обращение

к рефлексии собственной профессии и судьбы – не разворачивается в нарратив, но, напротив, служит исходной ситуацией внешнего конфликта актера, переживающего экзистенциальный кризис. «Металепсис – [...] всякое вторжение повествователя или экстрадиегетического адресата в диегетический мир (или диегетических персонажей в метадиегетический мир и т. д.)» (Женнет 1998).

«Драматическим испытанием» героя становится перформативное событие, которое исследователи творчества Леванова называют либо «наблюдением за собой и своими внутренними ощущениями, становящимся способом познания героем своего Я и места в мире» (Монхбат 2020, с. 21), либо «самоидентификацией героя» (Журчева 2015), что в обоих случаях можно охарактеризовать как «опыт себя, который становится своеобразным драматическим испытанием» (Patryga 2008). В обоих случаях реципиент, приобщающийся к сценическому действию на правах полноправного со-участника, оказывается свидетелем, с одной стороны, процесса рефлексии героя границ собственного «я» («Своего ничего не осталось. Не живу, а роль играю»), с другой – демонстрации актерского мастерства, сопровождающегося сменой ипостасей героя и, в конечном счете, обнаружением им в трансгрессивном (заметим, не познавательном) опыте собственной «самости». Так или иначе, «сцена равняется метафизическому ядру жизни» (Липовецкий 2008), в которой обнаженная мера условности сопутствует появлению метарефлексии эстетического, в рамках которой субъекты (т.н. автор-герой-читатель/зритель) то предельно сближаются, то вытесняют друг друга.

Композиционное устройство произведения задается авторскими ремарками, разделяющими монолог героя на три части и, соответственно, указывающими на смену его ипостасей: актер, Фирс и та грань сознания актера, которую автор определяет как «Он». Внешний конфликт, рифмующийся с фразой Фирса: «жизнь прошла, словно и не жил» (Леванов 1997), реализует кризисное состояние героя и открывает пространство для ритуала «перерождения», или своеобразного экзистенциального катарсиса. В то же время проблемным оказывается поле речевой саморепрезентации персонажа: «герой лишен имени и говорит чужими репликами, будучи не в силах отделить свое Я от чужих – сыгранных им когда-то» (Монхбат 2020). Проблема идентичности («Я даже говорю сплошь чужими текстами»), пронизывающая «действие», транслируется читателю во всей непосредственности, благодаря чему стирается дистанция между позицией реципиента и героя: «В речевой практике общения это непосредственное воспроизведение чужих высказываний – от пиететного цитирования до передразнивания – без посреднической функции нарратора» (Тюпа 2012, с. 14).

Разрешение намеченного комплекса эстетических и бытовых коллизий тем не менее оказывается возможно лишь при обращении к «другому». Из ролевого репертуара актера в значительной степени выбивается позиция «Он», поскольку представляет собой дистанцированную точку зрения, обзирающую модели смерти (от бытовых до предельно театральных). Она позволяет персонажу временно выйти за рамки монологического сознания как такового и взглянуть на событие «умирания» с некой трансцендентной точки зрения. Примечательным является то, что позиция заведомо маркируется сменой дискурсов: от предельно разговорной и цитатной речи героя к художественному и практически эпическому повествованию. Это временное «переключение» оказывается необходимым для самоопределения, при котором в лице актера совмещаются одновременно «и исполнитель, и персонаж, и режиссер, и, возможно, автор» (Агеева 2012): «Вообще [...] иногда мне кажется, что меня на самом деле и нет. Что я это только они, персонажи. Действующие лица. Я – Фирс. Я чувствую себя как Фирс. Думаю как Фирс, хожу как он и вижу ВСЕ его глазами. И мне пора... умирать» (Леванов 1997).

Таким образом, реципиент как главный адресат всех высказываний героя, сталкивается не столько с его трансгрессивной сущностью, ориентированной на репрезентацию многих сознаний внутри одного «я», сколько с монологичной речью, варьирующей дискурсы: от чужих, которые не совпадают с экзистенциальным самоощущением героя (например, цитаты из художественных произведений), до как таковой «своей» речи, которая ощущается как заданность, мешающая герою обрести самого себя. Агония главного героя, подкрепляемая саморефлексией и приговором («пора... умирать»), растягивается на все монологическое высказывание и действует как необходимое условие для его внутреннего освобождения (ритуальной инициации).

Символическая смерть оказывается связана с творческим перерождением героя, который от восприятия актерства как ремесла: «А потом я сам стал таким же обманщиком. Профессия такая» (Леванов 1997), движется к осознанию эстетической значимости процесса вживания в опыт «другого» для собственного становления. Событие приобщения, благодаря описанной нами выше метарефлексии, удваивается: реципиент приобщается к тому, как актер вживается в роль Фирса.

Мы склонны не согласиться с положением, что герой «до такой степени теряет свою идентичность, что как бы сливается со своим персонажем – Фирсом – и, переживая полное актерское преобразование, умирает в финальной сцене так же, как умирает Фирс» (Журчева 2015, с. 136). Как тако-

вое «преобразование» героя действительно подразумевается, однако на имплицитном уровне и скорее в полюсе читательских ожиданий, поскольку произведение имеет открытый финал. Н.А. Агеева, интерпретируя финал монодрамы, обращает внимание, что смерть Фирса, которая в рамках классической парадигмы делает из него главного персонажа, позволяет реализовать ритуал перерождения героя («перерастает себя и становится главным»), в то время как в литературном первоисточнике Фирс являет собой второстепенного персонажа. Данный тезис можно подкрепить словами самого Режиссера, чья концепция драмы и запускает метаморфозы идентичности главного героя: «Эта пьеса – про Фирса! «Вишневым сад» – пьеса про Фирса!» (Леванов 1997). Более того, в его репликах появляется соображение, что Фирс – «Мировая душа», умирающая на сцене. Таким образом, поиск подлинной сущности героя как действующего лица пьесы и как «мировой души» («А кто герой? Вот конфликт современности. Глобальный конфликт: во времена тотальных изменений, революционных преобразований повывелись герои. Остались одни персонажи. Действующие лица») становится смыслообразующим в контексте события определения персонажем своей «самости». Однако вершинной точкой его самоопределения и как героя в экзистенциальном смысле, и как актера, способного к максимально творческому перевоплощению, предстает финальная сцена, в которой его позиция, благодаря метатекстуальности, конвертируется в авторскую. От этого меняется и положение героя, который теперь «является сам своим автором, осмысливает свою собственную жизнь эстетически, как бы играет роль» (Бахтин 1979, с. 153).

Заключение

«Перформанс всегда связан с трансгрессией – с пересечением и подрывом символических границ» (Липовецкий 2008). В монодраме В. Леванова «Смерть Фирса» механизм перформативности разворачивается, во-первых, как один из элементов разрушения художественной условности и как причина появления метарефлексии, разрешаемой в творческой «судьбе» героя; во-вторых, как часть драматического сюжета, имеющего схожие с синкретическим ритуалом мотивы смерти, перерождения и инициации. Последнее тем не менее не превращается в имитацию дорефлективных практик, а используется как платформа для создания «магического и/или ритуального пространства перформативного проживания и особого рода коммуникации с аудиторией» (Липовецкий 2008). Это, по мысли М.Н. Липовецкого, наиболее свойственно именно новейшей драме, стремящейся не «подражать или отражать», но приобщать зрителя к переживанию событийного опыта.

В коммуникативной структуре пьесы, несмотря на тенденцию к размыванию границ между эстетическими субъектами (автором-героем-читателем), сохраняются черты традиционной адресации в силу подчеркнутой обращенности монолога главного героя. Кроме того, одной из архитектурных черт высказываний актера становится использование «чужого слова» (узнаваемых литературных кодов) в качестве фундамента поиска собственной идентичности. Их расшифровка требует от реципиента некоторой компетенции, без которой ключевое событие пьесы может не стать для него тем, чем оно явилось герою.

Библиографический список

Агеева Н., Рощина О. Монодрама // Экспериментальный словарь новейшей драматургии. Под ред. С.П. Лавлинского и Л. Мних. Siedlce, 2019. С. 175–182.

Агеева Н.А. Антропология героя в пьесе В. Леванова «Смерть Фирса» // Пушкинские чтения–2012: «Живые» традиции в литературе: жанр, автор, герой, текст. Под общей редакцией профессора В.Н. Скворцова. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 2012. С. 284–290.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров, прим. С.С. Аверинцев и С.Г. Бочаров. Москва: Искусство, 1979. 423 с.

Давыдова Е.М. Рецептивная стратегия в драматургии // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2010. № 2 (45). С. 20–29.

Евреин Н.Н. Введение в монодраму // Демон театральности / Евреин Н.Н. Москва; Санкт-Петербург: Летний сад, 2002. С. 5–24.

Женнет Ж. Повествовательный дискурс // Фигуры: в 2 томах. Т. 2. Москва: Издательство имени Сабашниковых, 1998. С. 242–245.

Журчева О.В. Монодрамы В. Леванова и ситуация наррации // Вестник СамГУ. 2015. № 11 (133). С. 133–139.

Курант Е., Сыска К. Перформативность // Экспериментальный словарь новейшей драматургии. Под ред. С.П. Лавлинского и Л. Мних. Siedlce, 2019. С. 245–261.

Лавлинский С.П. Перформативный потенциал российской драматургии рубежа XX–XXI вв. // Миргород. 2015. № 2 (6). С. 97–104.

Леванов В. Смерть Фирса. URL : <https://clck.ru/YgPVv> (дата обращения: 20.10.2021).

Липовецкий М. Перформансы насилия: «Новая драма» и границы литературоведения // Новое литературное обозрение. 2008. № 89. С. 192–200.

Монхбат И. Наблюдатель в монодраме В. Леванова «Смерть Фирса» // Гуманитарный акцент. 2020. № 1. С. 19–22.

Павлов А.М. Рецептивный потенциал монодраматического произведения // Поэтика русской драматургии рубежа XX–XXI веков: сб. науч. ст. Вып. 3. Отв. ред. С.П. Лавлинский, А.М. Павлов. Кемерово: КемГУ, 2012. С. 58–68.

Тюпа В.И. Драма как тип высказывания // Поэтика русской драматургии рубежа XX–XXI веков: сб. науч. ст. Вып. 1–2. Отв. ред. С.П. Лавлинский, А.М. Павлов. Кемерово: КемГУ, 2012. С. 11–22.

Kosiński, D. (2005), *Dictionary of theater knowledge*, ParkEdukacja, Bielsko-Biała, Poland.

Partyga, E. (2008), Identity today: narrative, dialogue, performative, *Przestrzenie Teorii*, no. 10, pp. 63–73.

Sarrazac, Jean-Pierre (2007), *Dictionary of modern and contemporary drama*, Księgarnia Akademicka, Kraków, Poland.

Schehner, R. (2013), *Performance Studies: An Introduction*, [Online], available at: <https://s3.amazonaws.com/arenaattachments/1472038/6f8b3427ce6f2a0a076feb7be0001ce7.pdf?1512080466> (Accessed 5 October 2021).

References

Ageeva, N. and Roshchina, O. (2019), *Monodrama, Experimental Dictionary of Modern Drama*, Siedlce, Poland, pp. 175–182.

Ageeva, N. (2012), The anthropology of the hero in V. Levanov's play "The Death of Firs", *Pushkin Readings-2012: "Living" traditions in literature: genre, author, hero, text*, pp. 284–290.

Bakhtin, M.M. (1979), *Aesthetics of verbal creativity*, S.G. Bocharov (ed.), *Iskusstvo*, Moscow, USSR.

Davydova, E.M. (2010), Receptive strategy in Drama, *Bulletin of the RSUH. Series: Literary Studies. Linguistics. Cultural studies*, vol. 25, no. 2, pp. 20–29.

Evreinov, N.N. (2002), *The Demon of theatricality*, Letnii sad, Moscow, St. Petersburg, Russia.

Jeannette, J. (1998), Narrative discourse, *Figures: in 2 volumes*, Sabashnikov Publishing House, Moscow, vol. 2, pp. 242–245.

Zhurcheva, O.V. (2015), V. Levanov's monodramas and the situation of narration, *Bulletin of the Samara State University*, vol. 133, no. 11, pp. 133–139.

Courant, E. and Syska, K. (2019), *Performativity, Experimental Dictionary of Modern Drama*, Siedlce, Poland, pp. 175–182.

Kosiński, D. (2005), *Dictionary of theater knowledge*, ParkEdukacja, Bielsko-Biała, Poland.

Lavlinsky, S.P. (2015), *Performative potential of the Russian dramaturgy of the turn of the XX–XXI centuries*, *Mirgorod*, no. 2, pp. 97–104.

Levanov, V. (1997), *Death of Firs*, [Online], available at: <https://clck.ru/YgPVv> (Accessed 20 October 2021).

Lipovetsky, M. (2008), Performances of violence: "New drama" and the boundaries of literary criticism,

Novoe literaturnoe obozrenie, no. 89, pp. 192–200.

Monkhat, I. (2020), The Observer in V. Levantov's monodrama "The Death of Firs", *Gumanitarnyi aktsent*, no. 1, pp. 19–22.

Pavlov, A.M. (2012), Receptive potential of a monodramatic work, *Poetika russkoi dramaturgii rubezha XX-XXI vekov*, vol. 3, pp. 58–68.

Partyga, E. (2008), Identity today: narrative, dialogue, performative, *Przestrzenie Teorii*, no. 10, pp. 63–73.

Schehner, R. (2013), *Performance Studies: An Introduction*, [Online], available at: [https://s3.am-](https://s3.amazonaws.com/arenaattachments/1472038/6f8b-)

[3427ce6f2a0a076feb7be0001ce7.pdf?1512080466](https://s3.amazonaws.com/arenaattachments/1472038/6f8b-3427ce6f2a0a076feb7be0001ce7.pdf?1512080466) (Accessed 5 October 2021).

Sarrazac, Jean-Pierre (2007), *Dictionary of modern and contemporary drama*, Księgarnia Akademicka, Kraków, Poland.

Tyupa, V.I. (2012), Drama as a type of utterance, *Poetika russkoi dramaturgii rubezha XX-XXI vekov*, vol. 1–2, pp. 11–22.

Submitted: 22.10.2021

Revised: 30.11.2021

Accepted: 20.12.2021

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 82-2

DOI: 10.18287/2782-2966-2021-1-4-46-51

Дата: поступления статьи: 15.10.2021
после рецензирования: 01.12.2021
принятия статьи: 17.12.2021

Е.С. Кабилова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: ekabilova@list.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0315-3048>

Перформатив в пьесе Сергея Давыдова «Коля против всех»

Аннотация: статья посвящена демонстрации перформативных свойств современных монодраматических пьес. Рассматриваются основные определения перформатива и свойства перформативных текстов. Приводятся особенности поэтики современной монодрамы, определяющие её перформативный потенциал. Цель работы – на примере анализа монодрамы С. Давыдова показать, каким образом перформатизация на различных уровнях организации текста позволяет усилить воздействие драматургического высказывания на читателя/зрителя. Теоретико-методологической базой исследования послужили работы Н.А. Агеевой, Ю.Б. Грязновой, Н.Н. Евреинова, С.П. Лавлинского, А.М. Павлова, А.В. Покало. В результате проведённого анализа перформативные свойства пьесы «Коля против всех» выявляются практически на всех уровнях её художественной структуры (паратекста, системы персонажей, речевой организации, сюжетной ситуации и драматического конфликта). Делаются выводы о том, что перформатив в пьесе способствует выстраиванию постоянной коммуникации между субъектом действия и реципиентом, а также осуществлению процесса непрерывной «нравственно-этической самоидентификации», происходящей как на уровне героя, который посредством своего монолога оценивает свою жизнь со стороны, так и на уровне реципиента, который соотносит пережитый личный опыт с опытом героя.

Ключевые слова: перформатив; перформативность; перформатизация; перформативный текст; монодрама; поэтика монодрамы; перформатив в монодраме; монолог; нравственно-этическая самоидентификация; эстетическая самоидентификация; перформатизация эго-истории.

Цитирование: Кабилова Е.С. Перформатив в пьесе Сергея Давыдова «Коля против всех» // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2021. Т. 1, № 4. С. 46–51. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-4-46-51>.

Благодарности: автор выражает благодарность Т.В. Журчевой за оказанную помощь в проведенном исследовании.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Кабилова Е.С., 2021 – магистрант, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

E.S. Kabilova

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: ekabilova@list.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0315-3048>

Performative in Sergei Davydov's play "Kolya against everyone"

Abstract: the article demonstrates the performative features of modern monodramatic plays. Moreover, the main definitions of performative and features of performative texts are provided in the present article. The features of the poetics of modern monodrama, which determine its performative potential, are discussed. The purpose of the article is to show, using the example of the analysis of S. Davydov's monodrama, how performatization at various levels of text organization makes it possible to enhance the impact of a dramatic statement on the reader / viewer. The theoretical and methodological basis of the study comprised the works of N. A. Ageeva, Yu. B. Gryaznova, N. N. Evreinov, S. P. Lavlinsky, A. M. Pavlov, A. V. Pokalo. As a result of the analysis carried out, the performative features of the play "Kolya against everyone" are revealed practically at all levels of

its artistic structure (paratext, system of characters, speech organization, plot situation and dramatic conflict). The author comes to the conclusions that the performative in the play helps to build constant communication between the subject of action and the recipient and also initiates the process of continuous “moral and ethical self-identification”, which occurs both at the level of the hero / protagonist, who, through his monologue, evaluates his life from the outside (extrinsically), and on the level of the recipient, who correlates his personal experience with the experience of the hero/ protagonist.

Key words: performative; performativity; performatization; performative text; monodrama; poetics of monodrama; performative in monodrama; monologue; moral and ethical self-identification; aesthetic self-identification; performatization of ego-history.

Citation: Kabilova, E.S. (2021), Performative in Sergei Davydov’s play “Kolya against everyone”, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 1, no. 4, pp. 46–51, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-4-46-51>.

Acknowledgments: the author expresses her gratitude to T.V. Zhurcheva for the assistance provided in the study.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Kabilova E.S., 2021 – Master degree student, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Новейшая драма использует многообразие форм, нацеленных на усиление воздействия драматургического высказывания на зрителя. Одной из них является перформатив.

Термин «перформатив» впервые был введен английским философом и логиком Дж. Остином в его теории речевых актов, представленной в 1955 году в оксфордских лекциях, опубликованных позднее в виде книги «How to Do Things with Words» в 1962 году. Дж. Остин предложил называть «перформативом» такие высказывания, которые одновременно являются и речью, и действием: «Название происходит <...> от ‘perform’ (исполнять, выполнять, делать, осуществлять) – глагола, обычно сочетающегося с существительным ‘action’ (действие): название указывает, что производство высказывания является осуществлением действия – предполагается, что речь идёт не просто о говорении» (Austin 1962, pp. 6–7).

«Перформативность» – производная категория от «перформанса». Давая определение понятию перформанса, известный французский театровед П. Пави в «Словаре театра» отмечает, что перформанс «объединяет как равноправные разные визуальные искусства: театр, танец, музыку, видео, поэзию и кино. Действие разыгрывается не в театре, а в музеях или в художественных галереях. <...> В перформансе подчеркивается скорее сам процесс творчества, нежели завершенность произведения искусства» (Пави 1991, с. 233).

Применительно к театру понятие перформанса достаточно подробно рассмотрел в своей книге «Постдраматический театр» Х. Т. Леманн, фактически «переключив» его из области паратеатральности в сферу нового (постдраматического – Postdramatictheater) театра. По мысли исследователя, «постдраматический театр можно рассматривать как попытку осмыслить искусство не через представления, а как умышленный непо-

средственный опыт реальности (время, пространство, тело). И связанный с этим непосредственный обмен опытом между исполнителями и зрителями, находящимися в центре внимания. Очевидно, что чем ближе театр находится к событию, а жесты исполнителя к саморепрезентации, тем яснее становится граница между перформансом и театром – особенно хорошо это видно на примере перформативных практик 80-х, где прослеживается борьба с традицией и контртеатрализация искусства» (Lehmann 2006, p. 46).

Некоторые исследователи отделяют перформанс от театра и относят его к культурным практикам, «которые консервативно переписывают или активно переворачивают идеи, символы и жесты, формирующие социальную жизнь» (Diamond 1996, p. 2).

Как отмечает У. Б. Уортен, «за последние два десятилетия литературоведческое обсуждение драмы выработало сложный подход к перформансу, формируя словарь, учитывающий взаимосвязь между сценарием драмы и (фактической, подразумеваемой или воображаемой) практикой сценического исполнения» (Worthen 1998, p. 1094).

О перформативном потенциале современной русской драматургии одним из первых начал размышлять М. Липовецкий. В частности, он отмечает, что в произведениях «новой драмы» текст «...выступает в перформативной функции. В точности по Д. Остину: здесь сказанное адекватно сделанному. Слово непременно запускает действие: либо оно воображается, либо буквально совершается на сцене» (Липовецкий 2008, с. 194); «... тексты не изображают и не отражают жизнь, они создают (или стремятся создать) магическое и/или ритуальное пространство перформативного проживания и особого рода коммуникации с аудиторией» (Липовецкий 2008, с. 195).

Как отмечает Ю.Б. Грязнова, «перформативный текст – это тип текста, актуализирующийся

в ситуации коммуникации, который является в первую очередь действием: во-первых, коммуникативным действием, а во-вторых, действием саморепрезентации, репрезентации себя через актуализированные способы мысли и деятельности» (Грязнова 1998, с. 6).

Перформативное стремление коммуникативного воздействия через слово воплощается в монодраматических пьесах. Как отмечает С.П. Лавлинский, одна из современных тенденций развития отечественной драматургии связана с «распространением монодрамы и монодраматизма как особой художественно-коммуникативной стратегии (дискурса), нацеленной на эстетическую провокацию адресата и активизацию его сотворческой позиции» (Лавлинский 2015, с. 16).

К монодраме обращались Е. Гришковец («Как я съел собаку», «Одновременно»), В. Леванов («Смерть Фирса», «Что значит заслонить?», «Любовь к русской лапте»), Н. Коляда («Родимое пятно»), П. Пряжко («Хозяин кофейни»), К. Стешик («Яблоки») и многие другие современные драматурги.

Исследование специфики монодраматических текстов представляет особый интерес в изучении проблематики перформативности слова в современной драме. В этой статье мы рассмотрим перформативные свойства текста в монодраме Сергея Давыдова «Коля против всех» (Давыдов 2019).

Ход исследования

В «Литературной энциклопедии» монодрама определяется как «драматическое произведение, разыгрываемое от начала до конца одним актёром. Если этот единственный актёр играет одну роль, тогда монодрама представляет развернутый монолог <...> обращенный либо непосредственно к зрителю («О вреде табака» – Чехова), либо к присутствующему безмолвному персонажу («Путник» – В. Брюсова), либо к персонажу, находящемуся за сценой (пьески-миниатюры, построенные на разговоре по телефону, и т. п.)» (Мокульский 1934, с. 456).

Как отмечает Н.А. Агеева, основным структурным признаком монодрамы является «миметическое изображение в сценическом пространстве одного сознания и презентация его представлений о себе и мире посредством монологического высказывания» (Агеева 2013, с. 172).

По определению А.В. Покало, монодрама – это «особая жанровая форма драмы, сочетающая в себе лироэпические черты и представляющая мир сквозь призму сознания главного героя, который является в ней единым действующим лицом. Монодраму отличает глубокий психологизм и поэтика “театральности”. Монодраматический модус реализуется в ней на уровне соотношения героя (“единого действующего”) и ситуации» (Покало 2014,

с. 336). А.В. Покало классифицирует монодраму как «перформативный текст, тождественный действию. Субъект действия выполняет коммуникативный акт и через действие само-репрезентации пытается преобразить собственное «Я», приобщившись к театральному началу» (Покало 2014, с. 335). Исследовательница отмечает: «в монодраматической модели превалирует изображение жизни духа, как в ментальном, так и эмоциональном аспекте, <...> действие драмы переводится из внешнего во внутреннее. Монолог выступает в качестве движущей силы, заключая в себе коллизии и перипетии» (Покало 2014, с. 334).

Перформативный потенциал современной монодрамы прослеживается в особенностях её поэтики. Как отмечает Н.А. Агеева, объектом изображения в монодраме является персонаж, «рефлексирующий по поводу своего мышления и восприятия и/или конкретных критических или значимых ситуаций». При этом «говорение героя о своей жизни в монодраме не является нарратацией, поскольку когда-то случившееся не столько описывается героем, сколько переосмысливается или проживается – переживается – разыгрывается в сценическом пространстве в настоящем. Хотя нарративные элементы, безусловно, присутствуют наряду с анарративными» (Агеева 2013, с. 172–173). Сюжет монодрамы составляет «последовательность ментальных и/или эмоциональных состояний героя, связанных с ситуациями, отличными друг от друга во времени и/или пространстве, или различающихся составом действующих лиц» (Агеева 2013, с. 173). Тип конфликта, характерный для современной монодрамы, относится, по классификации И.М. Болотян и С.П. Лавлинского, к сущностному: «самоопределяющаяся в собственной “эго-истории” “биографическая” личность сталкивается с самой собой как с Другим (прошлым, настоящим, будущим)» (Агеева 2013, с. 173).

В качестве примера пьесы, обладающей перформативными свойствами, можно привести пьесу «Коля против всех» Сергея Давыдова. В 2016 году пьеса вошла в шорт-лист конкурса монопьес Российской государственной библиотеки искусств, журнала «Современная драматургия» и «Радио Культура», в 2017 году – попала в финал конкурса «Кульминация». Постановки состоялись в нескольких российских театрах.

Отметим, что методологической основой для последующего анализа пьесы послужила статья С.П. Лавлинского и А.М. Павлова «О перформативно-рецептивном потенциале современной драматургии» (Лавлинский 2016), в которой авторы рассматривают перформативные свойства текста на разных уровнях организации драматических произведений.

Паратекстуальная система пьесы «Коля против всех» состоит только из заголовка и жанрового

подзаголовка: «КОЛЯ ПРОТИВ ВСЕХ. Монолог» (Давыдов 2019, с. 6).

Заголовок пьесы провокативен. Заложенное в нём отрицание имеет действенный эффект: оно возбуждает интерес к личности героя.

Подзаголовок пьесы обозначен автором как монолог. Всё проговариваемое является воспроизведением потока сознания главного героя, чужие позиции и оценки, в том числе авторские, в пьесе отсутствуют. С точки зрения позиции героя-рассказчика и читателя/зрителя это монолог «прямого общения со зрителем» (Лавлинский 2016, с. 116): «Я тебе как другу рассказываю, как я таким инвалидом стал, чё ты косишься?» (Давыдов 2019, с. 6). Благодаря такой форме происходит постоянная коммуникация между героем и зрителями, что является одним из основных признаков перформативного текста.

Афиша, в которой обычно даётся информация о действующих лицах пьесы, в данном случае отсутствует. Изначально читателю известно только имя героя – Коля. Думается, что автор сделал это намеренно, создавая интригу вокруг личности своего персонажа. В частности, возраст героя не обозначен, поэтому интерпретация его образа требует усилий и зависит от условий, в которых происходит знакомство с пьесой: при первом прочтении текста представления о герое могут значительно отличаться от выводов, полученных при подробном разборе и анализе текста. Собственно, косвенная ссылка на возраст героя приводится лишь в последнем абзаце пьесы. Фраза героя «Как раз универ закончу» (Давыдов 2019, с. 20) указывает на то, что на момент произнесения монолога ему чуть более 20 лет. При первом прочтении может возникнуть ощущение, что герой ещё школьник, т.к. он постоянно говорит о школе «... в школе все пацаны спорт любят...», «... у нас в школе вводили одно время форму...» (Давыдов 2019, с. 6).

Если коротко обозначить фабулу, то герой пьесы рассказывает о личной драме, произошедшей с ним в подростковом возрасте. В 11 лет его мама умерла, и он остался на попечении бабушки, которая, в отличие от матери, не поддерживала его детскую мечту стать знаменитым музыкантом. Конфликт с бабушкой, усиленный безразличием учителей и агрессией одноклассников, разрешается трагическим образом: двенадцатилетний Коля сознательно калечит себя (отрезает пальцы правой руки циркулярной пилой), а его бабушку сажают в тюрьму. В финале пьесы герой рассказывает о том, что за месяц до этого он получил письмо от бабушки с известием о её возвращении.

Перформативный потенциал содержится в системе персонажей пьесы. В истории, которую рассказывает главный герой, упоминаются многие люди из его окружения – мама, бабушка, учителя, одноклассники и др. Потенциально количество

актёров на сцене может варьироваться от одного до всех упоминаемых в пьесе лиц (или даже более) – это зависит от режиссёрской трактовки. К примеру, в постановке Леонтия Бородулина на сцене СМДТ «Мастерская» (г. Самара) два действующих лица, а в спектакле Юлианны Лайковой Центра драматургии и режиссуры (г. Москва) – двенадцать.

Речь героя стилизована под разговорную, что характеризуется активным использованием молодёжной жаргонной и обценной лексики, обилием коротких предложений, особым порядком слов в предложениях, свойственным живой речи. Это создаёт ощущение открытости, исповедальности, прямого разговора «по душам», помогает раскрыть внутренний мир героя, испытывающего кризис самоидентичности: «Вот все говорят: счастливые школьные годы, будете скучать. Да никогда! Сто раз в мыслях их всех из автомата расстрелял. Каждое первое сентября соберут в актовом зале и заливают. Стоят в своих вонючих синтетических блузках и улыбаются крысиными рожами. Суки. Где вы были, когда меня всем классом с лестницы скидывали?» (Давыдов 2019, с. 6)

Структурно текст делится на отрезки, маркирующие движение мысли героя: рассуждения о себе, о жизни, о школе и т.д. чередуются с описаниями эпизодов из его жизни.

Темпо-ритмическая партитура пьесы волнообразна: рассуждения героя экспрессивны, а описания нейтральны. Чередование высказываний разной эмоциональной окраски позволяет удерживать внимание зрителя/слушателя.

Тип сюжетной ситуации пьесы С.П. Лавлинский и А.М. Павлов классифицируют как «перформатизация эго-истории»: «представленный миропорядок «фонит» на периферии сознания героя, <...> серия рефлексивно-речевых жестов направлена на восстановление и/или пересоздание собственного Я» (Лавлинский 2016, с. 123).

Тип драматического конфликта, наблюдаемый в пьесе, относится, по классификации И.М. Болотян и С.П. Лавлинского, к «столкновению с самим собой как с Другим (прошлым)» (Болотян 2019, с. 139).

В монологе героя реконструируются события его прошлого, которое можно разделить на три периода: раннее детство, жизнь с матерью до её смерти, жизнь с бабушкой. Повествование выстраивается в относительно точной хронологии, с детальным описанием развития, нарастания, обострения конфликта и случившейся в итоге катастрофы. Эпизоды с описанием домашней жизни с бабушкой – с постоянными скандалами и конфликтными ситуациями – дополняются воспоминаниями из школьной жизни.

Эпизоды «нанизываются» друг на друга по принципу нарастающего снежного кома, что соз-

даёт ощущение неминуемой трагедии. И она в конце концов происходит. Поводом для финальной катастрофы становится очередная ссора с бабушкой.

Интересен эпилог пьесы, не обозначенный с помощью ремарок, но по всем признакам таковым являющийся, т.к. здесь обнаруживается значительный временной промежуток между событием рассказывания своей истории, которое случилось здесь и сейчас в присутствии воображаемого слушателя/зрителя, и самой историей, произошедшей несколько лет назад. Повзрослевший Коля получает письмо, в котором бабушка сообщает, что она скоро возвращается. Его слова «...как раз универ закончу, на нормальную работу пойду и заберу её к себе. Буду помогать, старая совсем...» (Давыдов 2019, с. 19) можно трактовать как нравственный рост героя, его движение в сторону любви и прощения. Таким образом, сюжет пьесы относится к сюжету становления, в котором «обрамляющая циклическая схема включает в себя схему кумулятивную, причем «нарастание» <...> означает последовательное приобретение опыта» (Тамарченко 2008, с. 242).

Как отмечают С.П. Лавлинский и А.М. Павлов, современная драма требует от читателя/зрителя непрерывной нравственно-этической (связанной с соотношением судьбы героя с собственным опытом) и эстетической (связанной с завершением судьбы героя) самоидентификации (Лавлинский 2016, с. 118). Финал пьесы «Коля против всех» можно считать закрытым. Желание героя примириться с бабушкой свидетельствует об идиллическом, полностью сглаживающем все противоречия, художественном завершении героя и мира в целом. Эффектным завершением пьесы становится финальная фраза героя «Или наоборот? Я всегда всё делаю наоборот» (Давыдов 2019, с. 20), цитирующая начало пьесы.

Полученные результаты и выводы

Анализ пьесы С. Давыдова «Коля против всех» показывает, что перформативность проявляется практически на всех уровнях её художественной структуры, что позволяет усилить воздействие драматургического высказывания на читателя/зрителя. Пьеса построена по классическому канону: завязка – кульминация – развязка, при этом внешнего действия нет, оно перенесено на внутренний план. При отсутствии авторских ремарок выстраивание сценического действия полностью зависит от режиссёрского решения, поэтому в разных постановках число действующих лиц варьируется. Коммуникативный акт между субъектом действия и реципиентом реализуется в пьесе через ситуацию «прямого общения со зрителем» (Лавлинский 2016, с. 116). В процессе коммуникативного акта субъект действия репрезентует себя

реципиенту – не только зрителю, но и самому себе как Другому. При этом процесс непрерывной «нравственно-этической самоидентификации» (Лавлинский 2016, с. 116) происходит как на уровне героя (который посредством своего монолога оценивает свою жизнь со стороны), так и на уровне реципиента, который соотносит пережитый личный опыт с опытом героя.

Источники фактического материала

Давыдов С. Полный юнайтед: семь пьес о юности. Тольятти: Литературное агентство В. Смирнова, 2019. 200 с.

Библиографический список

Austin, J.L. (1962), *How to do things with words*, Oxford University Press, Oxford, UK.

Diamond, E. (1996), *Performance and Cultural Politics*, Diamond E. (ed.), Routledge, London, UK.

Lehmann, H.T. (2006), *Postdramatic theatre*, Routledge, New York, USA.

Worthen, W.B. (1998), Drama, Performativity, and Performance, *PMLA*, vol. 113, no. 5, Oct., pp. 1093–1107, DOI: <https://doi.org/10.2307/463244>.

Агеева Н.А. Поэтика отечественной современной монодрамы // Электронный журнал «Вестник Новосибирского государственного педагогического университета». 2013. № 6 (16). С. 168–176.

Болотян И., Лавлинский С. Конфликт драматический // Экспериментальный словарь новейшей драматургии. Под ред. С. Лавлинского. Siedlce, 2019. 391 с.

Грязнова Ю.Б. Перформативные тексты в методологии науки. Специальность 09.00.08 – философия науки и техники. Автореф. дис. ...канд.философ. наук. ИИЕТ РАН. Москва, 1998. 16 с.

Давыдов С. Полный юнайтед: семь пьес о юности. Тольятти: Литературное агентство В. Смирнова, 2019. 200 с.

Лавлинский С.П. Монодрама: композиционно-речевая форма / жанр // Новейшая драма рубежа XX-XXI веков: проблема жанра. Сборник научных статей. Под общ.ред. Т.В. Журчевой. Самара: Изд-во Самарского университета, 2015. С. 14–24.

Лавлинский С.П., Павлов А.М. О перформативно-рецептивном потенциале современной драматургии // Новейшая драма рубежа XX-XXI вв.: предварительные итоги: коллективная монография. Под общ. ред. Т.В. Журчевой. Самара: Изд-во Самарского университета, 2016. С. 103–125.

Липовецкий Марк. Перформансы насилия: «Новая драма» и границы литературоведения // Новое литературное обозрение. 2008. № 89. С. 192–200.

Мокульский С. Монодрама // Литературная энциклопедия: в 11 т. Под ред. В.М. Фриче, А.В.

Луначарского. Москва: ОГИЗ РСФСР, гос. словарно-энцикл. изд-во «Сов. Энцикл.», 1934. Т. 7. 888 с.

Пави П. Словарь театра: Пер. с фр. Москва: Прогресс, 1991. 504 с.

Покало А.В. Монодрама: жанр или жанровая разновидность? // Русская и белорусская литература на рубеже XX-XXI веков: сб. науч. ст. Минск: РИВШ, 2014. С. 332–336.

Тамарченко Н.Д. Становления сюжет // Поэтика: слов. актуал. терминов и понятий. Гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко. Москва: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. 358 с.

References

Austin, J.L. (1962), *How to do things with words*, Oxford University Press, Oxford, UK.

Diamond, E. (1996), *Performance and Cultural Politics*, Diamond E. (ed.), Routledge, London, UK.

Lehmann, H.T. (2006), *Postdramatic theatre*, Routledge, New York, USA.

Worthen, W.B. (1998), Drama, Performativity, and Performance, *PMLA*, vol. 113, no. 5, Oct., pp. 1093–1107, DOI: <https://doi.org/10.2307/463244>.

Ageeva, N.A. (2013), Poetics of Russian modern monodrama, *Elektronny zhurnal «Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta»*, no. 6 (16), pp. 168–176.

Bolotyan, I. and Lavlinsky, S. (2019), Dramatic conflict, *Experimental dictionary of the latest drama*, S. Lavlinsky (ed.). Siedlce, Poland.

Gryaznova, J.B. (1998), *Performative texts in the methodology of science. Extended abstract of candidate's thesis*, Moscow, Russia.

Davydov, S. (2019), *Total united: seven pieces about youth*, Literaturnoje agentstvo V. Smirnova, Togliatti, Russia.

Lavlinsky, S.P. (2015), Monodrama: compositional speech form / genre, *Novejshaja drama rubezha XX-XXI vekov: problemazhanra. Sbornik nauchnih statej*, T.V. Zhurcheva (ed.), Izdatelstvo Samarskogo Universiteta, Samara, Russia, pp.14–24.

Lavlinsky, S.P. and Pavlov, A.M. (2016), On the performative-receptive potential of modern drama, *Novejshaja drama rubezha XX-XXI vekov: predvaritelnye itogi: kollektivnaja monografija*, T.V. Zhurcheva (ed.), Izdatelstvo Samarskogo Universiteta, Samara, Russia, pp. 103–125.

Lipovetsky, Mark (2008), Performances of violence: "New Drama" and the limits of literary criticism, *Novoje Literaturnoje obozrenije*, no. 89, pp. 192–200.

Mokulsky, S. (1934), Monodrama, *Literary encyclopedia: in 11 vol.* (V.M. Friche, A.V. Lunacharsky ed.), OGIЗ RSFSR, gos. slovarno-enzikl. izd-vo «Sov. Enzikl.», Moscow, Russia, vol. 7, pp. 456.

Pavi, P. (1991), *Theater vocabulari*, Progress, Moscow, Russia.

Pokalo, A.V. (2014), Monodrama: genre or genre variety?, *Russkaja I belorusskaja literature na rubezhe XX-XXI vekov: sbornik nauchnih statej*, National Institute For Higher Education, Minsk, Belarus, pp. 332–336.

Tamarchenko, N.D. (2008), The plot of establishment, *Poetika: slovar aktualnih terminov i ponatij*, N.D. Tamarchenko (ed.), Izdatelstvo Kulaginoj, Intrada, Moscow, Russia, p. 242.

Submitted: 15.10.2021

Revised: 01.12.2021

Accepted: 17.12.2021

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 82

DOI: 10.18287/2782-2966-2021-1-4-52-57

Дата: поступления статьи: 21.10.2021
после рецензирования: 13.12.2021
принятия статьи: 21.12.2021

М.И. Сизова

Российский государственный институт
сценических искусств,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: sizmariyaiv@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6630-0730>

Цифровая драматургия первой четверти XXI века. Опыт перформативной проекции нового времени в театре

Аннотация: данная статья посвящена новым формам организации драматургического и сценического текста, связанным с диджимодернистской культурой. В ней дается краткий экскурс в историю и теорию диджимодернизма в Америке. И рассматриваются современные русскоязычные примеры адаптированного под нашу реальность цифрового сценического текста. В качестве героя истории исследуется опыт режиссера Дмитрия Волкострелова и его многочисленные театральные практики.

В тексте статьи пошагово исследуется проблема адаптации драматического жанра к цифровой реальности интернета и анализируется сама возможность такой адаптации. Задаётся ключевой вопрос: «Чем становится виртуальная реальность в театральной среде сегодня? Фоном или содержанием истории, поводом для разработки новых режиссерских матриц театра».

Через ретроспективу режиссёрских работ Дмитрия Волкострелова выстраивается гипотеза о возможном влиянии виртуального пространства на тексты пьес Павла Пряжко (главного драматурга в жизни этого режиссёра) и язык мизансценирования Волкострелова.

Ключевые слова: цифровая драматургия; диджимодерн; текст; пьеса; театр «Post»; Пряжко; Волкострелов.

Цитирование: Сизова М.И. Цифровая драматургия первой четверти XXI века. Опыт перформативной проекции нового времени в театре // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2021. Т. 1, № 4. С. 52–57. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-4-52-57>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Сизова М.И., 2021 – кандидат искусствоведения, доцент, Российский государственный институт сценических искусств, 191028, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Моховая, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

M.I. Sizova

Russian State Institute of Performing Arts,
St. Petersburg, Russian Federation
E-mail: sizmariyaiv@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6630-0730>

Digital drama of the first quarter of the XXI century. Experience of performative projection of modern times

Abstract: this article is devoted to new forms of organization of dramatic and stage text associated with the digimodern culture. It provides a brief excursion into the history and theory of digimodernism in America. Moreover, there have been considered modern Russian-language examples of digital stage text adapted to our reality. The experience of the director Dmitry Volkostrelov and his numerous theatrical practices are analyzed as a hero / protagonist of the story. As the hero of the story, the experience of director Dmitry Volkostrelov and his numerous theatrical practices are explored.

The text of the article explores step by step the problem of adapting the dramatic genre to the digital reality of the Internet and analyzes the very possibility of such adaptation. The key question is asked: “What is virtual reality becoming in the theatrical environment today? The background or content of the story, the reason for the development of new theater director’s matrices.

Through the retrospective of Dmitry Volkostrelov’s directorial work, a hypothesis is built about the pos-

sible influence of the surrounding space on the texts of the play by Pavel Pryazhko (drama in the life of this principal director) and the language of Volkostrel'ov's mise-en-scene.

Key words: digital modernism; digital drama; text; play; Post theater; Pryazhko; Volkostrel'ov.

Citation: Sizova, M.I. (2021), Digital drama of the first quarter of the XXI century. Experience of performative projection of modern times, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 1, no. 4, pp. 52–57, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-4-52-57>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Sizova M.I., 2021 – Ph.D., in Art Studies, Associate Professor, Department of Russian Theatre, Faculty of the Mastery of Stage Productions, Russian State Institute of Performing Arts, building 34, Mokhovaya St., St. Petersburg, 191028, Russian Federation.

Введение

Последнее десятилетие XXI века в драматургии во многом было определено колоссальным приростом пьес, работающих с материей цифрового мира: драматургическими текстами, пытающимися конструировать ситуации и конфликты цифровых антиутопий; пьесами-чагами; пьесами, прошитыми системой тегов; пьесами-играми и многим другим. Во многом прирост необычного контента в драматургии был инициирован fringe-программой фестиваля современной драматургии «Любимовка», изначально ориентированной на спектр экспериментальных текстов.

Постановка задач и методология исследования

Отборщики конкурса «Любимовка» Гульнара Гарипова, Андрей Жиганов, Микита Ильинчик, Полина Пхор, Ксения Савельева и Женя Сташков в интервью журналу «Театр» так сформулировали задачи экспериментальной программы 2020 года:

«Мы искали пьесы для фринджа за пределами текста, за лиминальной линией языковой матрицы. Возможно, мы хотели найти пьесы, опровергающие текст как вещественный ориентир бесконечно пишущейся истории мира. Но обнаружили непокорность текста, его безразличие к нашим поискам, его способность возражать и давать достойный отпор всем ожиданиям. Мы столкнулись с витальностью текста, поэтому во фриндж-программе пьесы дают сдачи» (Fringe-программа Любимовки-2020).

И если внимательно всмотреться в тексты, то за прошедший год задачи отборщиков не сильно изменились, а количество драманетипичных текстов по аналогии с нейронетипичными людьми возросло в разы. Этому способствует узкий круг предпосылок и проблем: условия новой цифровой реальности, в которой мы все оказались благодаря пандемии. И автономное формирование, уже не первый год, нового цифрового письма, о котором в дальнейшем пойдет речь. Если попытаться найти теоретическое обоснование этого процесса, то вряд ли можно использовать традиционные источники (Барбой 1988), (Бентли 2004), (Лавлинский 2011). Но абсолютно точно придется обратиться практически к единственному источнику на русском языке, посвященному исследованию цифро-

вого письма, – книге Алана Кирби «Образы современности в XXI веке: диджимодернизм» (Kirby 2009). Интересна и его работа «Смерть постмодернизма» (Kirby 2006).

Ход исследования

В названной выше книге выдвинутая в 2009 году автором концепция диджимодернизма стала своего рода развитием мысли Кирби о «смерти постмодерна», провозглашённой им в одноимённой статье. В этой статье видны предпосылки к концепции диджимодерна, которые автор усматривает в кардинальных исторических, социальных, наконец, технологических переменах: «Но где-то в конце 90-х – начале 00-х развитие новых технологий сильно и необратимо реструктурировало природу автора, читателя, текста и отношений между ними» (Kirby 2009).

В этой мысли мы видим два важных для концепции Кирби момента отношения автора и реципиента, на которых, как на двух пересекающихся осях, и держится концепция диджимодерна (сокращённое от «digital modernism»), то есть кардинального переворота не только в технологическом, но и культурном пластах. Кирби утверждает, что процесс оцифровывания формирует культуру, влияет на нее. Цифровые технологии и законы цифрового мира становятся определяющими в создании того, что Кирби называет «диджимодернистский текст» (Kirby 2009).

Диджимодернистский текст, равно как и постмодернистский, утверждает, что все есть текст, однако виртуальная реальность не то же, что симулякры. Она не заменяет реальность, не скрывает её за бесконечной игрой в пародии и эклектику, но сосуществует с ней, дополняет, тесно вплетается в сетевую паутину. Современную культуру Кирби рассматривал как культуру аутизма, более чем личностное определение, где каждый человек отделен от другого системой личных тегов и цитат, за которыми прячется одиночество в социальной сети.

Кирби говорит о том, что диджимодернистский текст приходит на смену постмодернистскому и отличается от первого теми структурами, которые возникают между автором и потребителем. Кирби уходит от понятия «читатель» или «зритель»,

поскольку эти слова не имеют смысла. Он рассматривает произведения искусства и культуры внутри капиталистического контекста, где потребитель и автор – это новый вид связей, который Кирби пытается охарактеризовать. Анализируя «Смерть автора» Барта (Барт 1994), Кирби утверждает, что истинная «смерть» случилась только в диджимодерне и не была возможна в постмодерне, как бы ни лукавили Эко, Барт и другие философы. Кирби делится собственными мыслями о роли автора в постмодернистском произведении, который «не до конца умер». И лишь благодаря цифровой платформе сегодня был убит до конца. Доказательством служат многочисленные примеры Википедии, телеграмм-каналов, блогов и много другого контента, лишённого буквального авторства. Более того, непосредственное влияние «потребителя».

Кирби пишет, что контент изменяет сам контент (потребитель), определяющий содержание статьи, финал шоу или видеоигры. Диджимодернистский текст Кирби описывает в следующих качествах:

- у «текста» есть начало, заданное его автором, но может не быть конца.

Поскольку он предполагает многоразовое вмешательство многочисленных «потребителей», текст находится в развитии, постоянно меняется, дополняется;

- эфемерность «текста». Он важен только здесь и сейчас. Он не состоялся и не может состояться в будущем, а существует только в момент вмешательства «потребителя», и дальше – видоизменяется;

- анонимное авторство, множественное авторство;

- текст живёт на «электронном двигателе» цифровых технологий;

- из этого всего – стихийность «текста». Структура его разомкнута (Kirby 2006).

Из чего автор исследования выводит саму категорию такого рода текста: «*digis*»-пальцы, бесконечно набирающие «текст» на клавиатуре. И как замечает сам Кирби, этим физическим движением расширяются границы хронотопа текста до «бесконечного нарратива», свойственного произведениям современной культуры, которые предполагают продолжение и располагают мнимым финалом, как, например, вселенные «DC» или «Marvel».

Кирби описывает чаты, статьи Википедии, блоги как часть диджимодернистского текста, у которого множество авторов, и авторы одновременно являются потребителями создаваемого контента. В своей теории Кирби пытается описать новое состояние общества, растворённого в новой культурной среде «бытового интернета».

Драматургия второго десятилетия XXI века активно работает с этой моделью расширения и предлагает многочисленные варианты «незаконченных текстов». «*Logem Ipsum*» Екатерины Августеняк –

классический текст-«рыба» (условный, зачастую бессмысленный текст-заполнитель, вставляемый в макет страницы). «Подвиг» Ольги Потаповой и многие другие. Интересно, что благодаря жесткому каркасу драматургия не может позволить до конца разомкнуть пьесу или текст для исполнения и заставляет режиссеров, сохраняя текстовую матрицу, самостоятельно заполнять цифровые и смысловые пустоты пьесы. Одной из таких удачных практик режиссерского и драматургического сотворчества стали опыты работы Дмитрия Волкострелова – режиссера и художника, неразрывно связанного со структурой современной реальности. Тематически это долгий и невероятно продуктивный творческий диалог с минималистом белорусской драматургии Павлом Пряжко, вылившийся не в одну пьесу, а в целый ряд чрезвычайно важных для нового театра постановок. Эксперименты с дневниками и записями современного американского композитора Николаса Кейджа. Совместный с Семеном Александровским опыт создания, пожалуй, первого в театральной практике XXI века спектакля-перформанса в музейном пространстве галереи «Эрарты» по текстам Марка Равенхилла.

Структурно – реабилитация литературных памятников прежних эпох (Возрождения, Древней Руси) в паратеатральном пространстве, то есть в пространстве воссозданной режиссером реальности с иными правилами игры между зрительным залом и сценой, актером и ролью, наконец, словом как таковым и семиотическим знаком.

Будучи внимательным читателем, Дмитрий Волкострелов задолго до выхода на русском языке книги Леманна «Постдраматический театр» (Lehman 2013) и многочисленных разговоров о перформативности (Липовецкий 2008), (Липовецкий, Боймерс 2012), (Samuels 2008), (Дугин 2009), (Джеймисон 2019) вычитал/разглядел зазор между пьесами Петрушевской/Коляды/Розова и драматургическими историями Вырыпаева/Пряжко. По мнению режиссера, загадка крылась в иной природе организации текста. И, развивая мысль, инакость построения крылась не в конфликте как способе организации сюжетного противоречия, а в удельном весе ремарки. Ремарка из прикладного номинатива (обозначающего, называющего элемента) превращалась в перформативный текст, равнозначный событию и создающий второй план диалогу.

Через ремарку драматургу Пряжко удавалось и до сих пор удается выстраивать крупный план в пьесе. Выхватывать из реальности зазор между тем, что люди говорят и как они себя при этом пластически ведут. Совпадают ли их жесты со словами и что это значит и значит ли? То есть ремарка, по мнению теоретика и практика литературоведения Натана Тмарченко, номинативная по своей природе в драме начала обладать перформативным

действенным смыслом, буквально выхваченным из эпического рода литературы. Ремарка заговорила с нами на разные лады. И в задачи режиссера стала входить новая обязанность – сделать этот разговор репрезентативным на уровне языка театра.

Первый опыт подобной репрезентации был явлен Дмитрием Волкостреловым в одной из самых ранних его постановок – в «Июле» по пьесе Ивана Вырыпаева. Не уходя в дебри сюжета и фабулы, стоит напомнить читателю, что в пьесе на протяжении всего действия орудовал безжалостный маньяк Ганнибал, буквально поедая своих жертв. А автор-повествователь, если бы мы имели дело с романной структурой, в нашем же случае – комментатор, явленный в подзаголовочно-ремарочном комплексе, на фоне всего этого ужаса описывает красоты июля и жизни как таковой при всей ее тленности и скоротечности. Он (условно означенный нами автор-повествователь, или говорящая ремарка, кому как больше нравится) вступает в немногословный диалог с нами – читателями и с убийцей, словно откомментированным кем-то свыше. К примеру: прежде чем происходит убийство, действие в пьесе перемежает ремарка, звучащая так: «не очень долгая пауза прервала диалог» и т.д. То есть ремарка в довесок к смысловой дистанции, безусловно, выстраивает ритм пьесы Вырыпаева, написанной верлибром. И дарит читателям и слушателям драгоценную иронию, острающую нас от физиологичной подробности действия. Для воплощения второго героя – ремарки на сцене – Дмитрий Волкострелов использует проекцию, в которой транслирует зрителю закадровый текст и, более того, интонационно оттеняет его размером и типом кегля. Полотно экрана оживает и начинает говорить и действовать на равных, без всяких технических заминок и неточностей. А мы – зрители – начинаем слушать и слышать текст: произнесенный исполнительницей главной роли актрисой Аленой Старостиной и означенный на экране. То есть режиссер с помощью проекции и семиотического несоответствия пола героя и исполнителя остраняет нас дважды не забавы ради, а для воплощения действия скрытого внутри текста на уровне перформативной роли ремарки.

Явленный в «Июле» диалог между словом и зрителем Волкострелов повторит не раз в «Лекции о ничто» Кейджа, где ограничивает число участников до шести человек. Он помещает исполнителя (Алену Старостину) в светящийся куб с микрофоном, а само действие погружает в полную темноту. И здесь очень важным оказывается эксперимент со зрительской сенсорикой: переакцентировка с визуального восприятия на аудиальное. Оказывается, что в постановке Волкострелова теоретический текст композитора Кейджа фактически исполнен как соната, только при помощи слов в полной темноте. Со-бытийный эксперимент театра и зри-

теля продолжается в «Хорошо темперированных грамотах». В спектакле за основу текста берутся отрывки новгородских грамот, датированных XI–XVI веками, а зрители и исполнители определяют свое место самостоятельно. Буквально при входе на спектакль, проходящий в казематах Аннакирхе, нужно выбрать, на чьей стороне будешь присутствовать: зрителя или исполнителя. Зал церковного помещения, не отреставрированный до конца, своей кирпичной прямоотой вовсе не напоминает театральное пространство. Он сер и холоден. А белый экран проектора словно делит его пополам: с одной стороны сидят зрители в наушниках, с другой – исполнители текста в аналогичных наушниках. Первый акт – чтение по номерам записей берестяных грамот на русском, второй акт – на древнерусском с возможным переводом и третий – сведение текста и звука в единую мелодию зрительских голосов, раздающихся из колонок. Трехчастная композиция чтения древнего текста напоминает эмоциональные качели, приближающие и отдаляющие нас от времени почти утерянной цивилизации, сохраненной лишь на обломках немногочисленных берестяных грамот.

Волкострелов как искусный минималист только усиливает это ощущение, убирая из действия спектакля все лишнее: оставляя зрителя и текст наедине друг с другом. При этом благодаря композиционным рефренам дарит четкое ощущение утраченной эпохи, подлинной древнерусской тоски, о которой поет в своих песнях Гребенщиков и которую чувствуем применительно к своему времени мы – дети XXI века. Лирика и физика пространства одновременно. Светлая грусть минималистичного мира не прервется, а будет продолжена с помощью других приемов в следующей, крайней работе Волкострелова – пьесе «Сосед» Павла Пряжко.

Для новой постановки команда театра «Post» выбирает пространство лофта «Сдвиг», адаптированное под экспериментальные и паратеатральные работы художников и режиссеров. Драматургическим материалом послужит последняя пьеса хорошо известного белорусского драматурга Павла Пряжко «Сосед», которая структурно представляет собой монолог двух соседей по дачному хозяйству, случайно встретившихся у забора. Молодой – Паша (Иван Николаев) и зрелый – дядя Коля (Игорь Николаев), год назад вышедший на пенсию. Соседи «разговаривают, только разговаривают, а между тем...» В этом анекдотичном парафразе другой знаменитой русской пьесы скрыт странный подтекст и ирония по отношению к «Соседу», поскольку эти удивительно живые во всей физической полноте этого слова люди ведут, на первый взгляд, достаточно скучную беседу о природе, погоде, детях и т.п. Говорит в основном дядя Коля. Паша, 37-летний протагонист автора пьесы

и многих сидящих в зрительном зале людей, вздыхает, соглашается, пытается поскорее свернуть диалог. Дядя Коля же не сдается. Он обаятельно нелепо шутит, стесняется собственного незнания технологических вопросов и страстно рассказывает о зоновских ножах заточках, доставшихся ему от тестя. Дядя Коля – солнце пьесы, центр земного притяжения и редкий осколок вымирающей культуры «соседства» с долгими разговорами через забор ни о чем и о главном. Фактически, дядя Коля – артефакт нового времени сетевого общения, такой же редкий и уникальный, как наличники на еще не выжженных деревянных домах. А вся история – пятидесятиминутный спич, звучащий ради финального аккорда. Скромный, ироничный, мягкий Паша просит жену дяди Коли – тётю Люду – сделать музыку потише (не так громко слушать шансон). А дядя Коля признается, что ему страшно нелепо за выпады супруги, да и вообще, любит он ее. Не прямо говорит, косвенно, как все у Пряжко.

Н. И я Паша запомнил что одну минутку, они как раз пришли когда Брянцев звучал. А это Паша ее любимый исполнитель. Радио рокс она обычно.

П. Ну я знаю. Дядь Коля ну

Н. Поговорю я Паша не волнуйся.

П. Ну хорошо. Все! Пошел носить щиты.

Н. Ну хорошо. Спасибо Паша!

П. Да не за что дядь Коля!

(Павел махнул рукой на прощание.)

(Николай махнул в ответ.)

Н. Давай Паша.

(Павел уходит по своему участку к дому.)

(Николай поднял кастрюлю пошел к своему дому.)

(Ушли.)

Звучит фрагмент сюиты для виолончели # 1 Соль-мажор Cello suite 1 G-dur, J.S.Bach (Пряжко 2018).

То есть в абсолютно белом стерильном пространстве комнаты на двух деревянных кубах среди свободной рассадки зрителей разговаривают два актера. Они не видят нас, будто бы мы и есть изгородь дачи. Носят из соседней комнаты обычные предметы, которые в белом кубе также становятся артефактами 80–90-х – кассетный магнитофон, машинка для бритвы, алюминиевая кастрюля с обгоревшими краями и так далее. Переживают по мелочам или, как в финале выясняется, по-крупному. Живут и чувствуют здесь и сейчас в реальном времени замороженного пространства. Словно мы попали в какой-то футуристический фильм и, как знатные вуайеристы, подглядываем за пиксельными героями, думая, что они подлинные. Нам, зрителям, соучастникам, бьют по глазам светом софитов, не дают выйти во время действия (мы же и есть часть действия) и, естественно, почувствовать привычное разделение на сцену и зал. Но помогают увидеть, услышать потрясающую тоску по

уходящему миру. Равнозначную «Экспонатам» Вячеслава Дурненкова в постановке Марата Гацалова (сценографический принцип белого куба здесь переключается, но только внешне, не тематически) и его же «Mutter» с «заархивированными березками и тоской по роде» на фоне дома престарелых. Тоской по тому, что мы еще не потеряли, но постепенно начинаем забывать, по тем грязям и трясинам и сопряженным с ними переживаниям детства от живой неоцифрованной природы, прямого, несетевого общения, сильной, не проинтерпретированной психотерапевтами эмоции. Словом, по цивилизации человеческого соседства, конечность которой мы неизбежно осознаем. И в этом незамысловатом, казалось бы, приеме и драматурга, и команды спектакля столько любви, скрытой иронии над жанром, над собой модным, стильным, молодежным, что хочется улыбнуться и зафиксировать момент текстом. Расплываться в неге сюиты для виолончели # 1 Соль-мажор Cello suite 1 G-dur Баха, что звучит в полной темноте в финале.

Выводы. Своим спектаклем Дмитрий Волкострелов словно помещает пьесу под стекло лупы, максимально приближает её и дарит зрителям новый объект современной театральной культуры – пьесу как арт-объект сегодняшнего дня. Фактически в спектакле происходит перекодировка достаточно бытового текста Павла Пряжко и постепенное исследование его как части цифровой культуры, которой, безусловно, становится пьеса.

Библиографический список

Барбой Ю.М. Структура действия и современный спектакль. Ленинград: ЛГИТМиК, 1988. 201 с.

Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. Москва, 1994. С. 384–391.

Бентли Э. Жизнь драмы / Пер. с англ. В. Воронина. Москва: Искусство, 2004. 368 с.

Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / Пер. с англ. Д. Кралечкина, под ред. А. Олейникова. Москва: Издательство Института Гайдара, 2019. 808 с.

Дугин А.С. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. Москва: Европейское движение, 2009. 744 с.

Лавлинский С.П. Поэтика русской драматургии рубежа XX–XXI веков: Сборник научных статей. Выпуск 1-2. Кемерово: КемГУ, 2011. 538 с.

Липовецкий Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме / Пер. с фр. В. Кузнецовой. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2001. 331 с.

Липовецкий М., Боймерс Б. Перфомансы насилия: Литературные и театральные эксперименты «новой драмы». Москва: Новое литературное обозрение, 2012. 376 с.

Липовецкий М.Н. Паралогии: Трансформации (пост) модернистского дискурса в русской культу-

ре 1920-2000-х годов. Москва: Новое литературное обозрение, 2008. 848 с.

Пряжко П. Сосед. URL: http://dramacenter.org/upload/information_system_25/2/1/5/item_215/information_items_property_696.pdf (дата обращения: 10.10.2021).

Altermodern. Tate Triennial (2009) / N. Bourriaud (ed.). Tate Publishing, London, England.

Фringe-программа Любимовки-2020: История // Фестиваль молодой драматургии Любимовка. URL: <https://lubimovka.ru/> (дата обращения: 10.10.2021).

Kirby, A. (2009), *Digimodernism: How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture: How New Technologies. Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture*, Continuum Publishing Corporation, New York.

Kirby, A. (2006), The Death of Postmodernism And Beyond, *Philosophy now*, [Online], available at: URL: https://philosophynow.org/issues/58/The_Death_of_Postmodernism_And_Beyond (Accessed 03 October 2021).

Lehman, G.-T. (2013), *Post-dramatic theater* / Per. Natalia Isaeva, ABCdesign, Moscow, Russia.

Samuels, R. (2008), *Auto-Modernity After Post-modernism: Autonomy and Automation in Culture, Technology, and Education. Digital Youth, Innovation, and the Unexpected*, ed. T. McPherson, MA: MIT Press, Cambridge.

References

Barbov, Y. (1988), *The structure of action and modern performance*, LGITMiK, Leningrad, Russia.

Bart, R. (1994), Death of the author, *Selected works: Semiotics. Poetics*, Moscow, pp. 384–391.

Bentley, E. (2004), *Life of Drama*, Per. from English V. Voronin, Art, Moscow, Russia.

Jameson, F. (2019), *Postmodernism, or the Cultural Logic of the Late capitalism*, Per. from English D. Krалеchkin, ed. A. Oleinikova, Gaidar Institute Publishing House, Moscow, Russia.

Dugin, A.S. (2009), *Postphilosophy. Three paradigms in the History of thought*, European Movement, Moscow, Russia.

Lavlinsky, S.P. (2011), *Poetics of Russian drama at the turn of XX-XXI centuries: Collection of scientific articles. Issue 1-2*, KemsSU, Kemerovo, Russia.

Lehman, G.-T. (2013), *Post-dramatic theater*, Per. Natalia Isaeva, ABCdesign, Moscow, Russia.

Lipovetsky, J. (2001), *The Era of Emptiness. Essay on Contemporary Individualism*, Per. with fr. V. Kuznetsova, Vladimir Dal, St. Petersburg, Russia.

Lipovetsky, M. (2012), *Boymers, B. Violence Performances: Literary and theatrical experiments of the "new drama"*, New literary review, Moscow, Russia.

Lipovetsky, M. (2008), *Paralogy: Transformations of the (post) modernist discourse in Russian culture of the 1920s–2000s*, New literary review, Moscow, Russia.

Pryazhko, P. (2018), *Neighbor*, [Online], available at: http://dramacenter.org/upload/information_system_25/2/1/5/item_215/information_items_property_696.pdf (Accessed 10 October 2021).

Altermodern. Tate Triennial (2009) / N. Bourriaud (ed.). Tate Publishing, London, England.

Fringe-Lyubimovka program-2020: History, *Lyubimovka Young Drama Festival*, [Online], available at: <https://lubimovka.ru/> (Accessed 10 October 2021).

Kirby, A. (2009), *Digimodernism: How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture: How New Technologies. Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture*, Continuum Publishing Corporation, New York.

Kirby, A. (2006), The Death of Postmodernism And Beyond, *Philosophy now*, [Online], available at: URL: https://philosophynow.org/issues/58/The_Death_of_Postmodernism_And_Beyond (Accessed 03 October 2021).

Samuels, R. (2008), *Auto-Modernity After Post-modernism: Autonomy and Automation in Culture, Technology, and Education. Digital Youth, Innovation, and the Unexpected*, ed. T. McPherson, MA: MIT Press, Cambridge.

Submitted: 21.10.2021

Revised: 13.12.2021

Accepted: 21.12.2021

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 82.02/.09

DOI: 10.18287/2782-2966-2021-1-4-58-65

Дата: поступления статьи: 11.10.2021
после рецензирования: 30.11.2021
принятия статьи: 21.12.2021

А. Юхневич

Университет в Белостоке,
г. Белосток, Польша

E-mail: juchniewicz.agn@wp.pl

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2458-9780>

Нарративизация драматургического высказывания в пьесах Олега Богаева

Аннотация: целью настоящей работы является, прежде всего, анализ разных форм повествования в комедийных произведениях Олега Богаева. Среди них мы выбрали те пьесы, которые отличаются особенным способом организации нарратива: *Лермонтов нашего времени*, *Мёртвые уши* и *Серый*. В статье подчёркивается, что, хотя явления эпизации и нарративизации тесно взаимосвязаны, их надо различать. В то время как эпизация связана с процессом создания картины мира и с родовой трансформацией, явление нарративизации следует отнести к способу презентации действительности и самопрезентации автора. В выводах объяснено, что в современной русской драме процесс нарративизации драматургического высказывания обусловлен, прежде всего, проявлением в поэтике текста эпического взгляда на мир и взгляда самого нарратора. Благодаря его всезнающей позиции удаётся выделить два временных плана в поэтике действия: время рассказывания и время изображённого в пьесе действия. Процессы нарративизации высказывания в проанализированных пьесах, безусловно, расширяют спектр объективного взгляда на представляемые события, прежде всего, события рассказывания героев.

Ключевые слова: нарративизация; нарратор; эпизация; ремарка; современная драматургия; Олег Богаев; перформатизация.

Цитирование: Юхневич А. Нарративизация драматургического высказывания в пьесах Олега Богаева // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2021. Т. 1, № 4. С. 58–65. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-4-58-65>.

Благодарности: автор выражает благодарность коллегам.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Юхневич А., 2021 – аспирантка четвёртого курса литературоведения, Университет в Белостоке, Польша, г. Белосток.

SCIENTIFIC ARTICLE

A. Jukhnievich

University of Bialystok, Bialystok, Poland

E-mail: juchniewicz.agn@wp.pl

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2458-9780>

Narrativization of dramatic statements in the plays of Oleg Bogayev

Abstract: the purpose of this work is, first of all, the analysis of different forms of narration in the comedy works of Oleg Bogayev. Among them, we have selected those plays that differ in a special way of organizing the narrative: *Lermontov of our time*, *Dead Ears* and *Gray*. The article emphasizes that although the phenomena of epization and narrativization are closely interrelated, they must be distinguished. While epization is associated with the process of creating a picture of the world and with generic transformation, the phenomenon of narrativization should be attributed to the way of presenting reality and self-presentation of the author. The conclusions explain that in modern Russian drama, the process of narrativization of a dramatic statement is primarily due to the manifestation in the poetics of the text of an epic view of the world and the view of the narrator himself. Thanks to his omniscient position, it is possible to distinguish two temporal planes in the poetics of action: the time of narration and the time of the action depicted in the play. The processes of the utterance narrativization in the analyzed plays undoubtedly broaden the spectrum of an objective view of the events presented, first of all, the events of the characters' telling.

Key words: narrativization; narrator; epization; remark; modern drama; Oleg Bogayev; performatization.

Citation: Jukhnievich, A. (2021), Narrativization of dramatic statements in the plays of Oleg Bogayev, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 1, no. 4, pp. 58–65, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-4-58-65>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Jukhnievich A., 2021 – fourth-year doctoral student in the field of literary studies, University of Białystok, Białystok, Poland.

Введение

Соединение приёмов драмы и эпоса исследователи считают одной из ключевых тенденций в развитии русской драмы рубежа XX–XXI веков (Шуников 2011), имея в виду, прежде всего, использование новых способов конструирования текста и художественного мира. Как замечает С. Гончарова-Грабовская, приём так называемой эпизации художественной структуры драмы до недавнего времени признавали нарушением канона (за исключением монодрамы, в которой эпизация жанрово оправдана), вызванного постсоветской социокультурной ситуацией (Гончарова-Грабовская 2021). Следует подчеркнуть, что, хотя явления эпизации и нарративизации тесно взаимосвязаны, их надо различать. В то время как эпизация связана с процессом создания картины мира и с родовой трансформацией, явление нарративизации следует отнести к способу презентации действительности и самопрезентации автора. В новейшей драме это явление уже закрепило настолько, что не воспринимается как нарушение, как полагают авторитетные исследователи. Среди них следует выделить особенно такие работы, как: «Комедия в русской драматургии конца XX – начала XXI века» С.Я. Гончаровой-Грабовской (Гончарова-Грабовская 2006), «Особенности субъектной структуры монодрамы и позиция читателя/зрителя» А. Павлова (Павлов 2018), «Специфика дискурса монодрамы» Н.А. Агеева (Агеев 2016), «Перформативные аспекты драматургии Александра Строганова» С.П. Лавлинского (Лавлинский 2012), «Визуальные аспекты небытия в гротескно-фантастическом произведении» С.П. Лавлинского (Лавлинский 2015), *Performatywność reprezentacji* А. Краевской (Krajewska 2017), «Жанровые искания в русской драматургии конца XX – начала XXI века» И.М. Болотян (Болотян 2009).

По мнению Гончаровой-Грабовской, корреляция «эпического» и «драматического» повлекла за собой разомкнутое художественное пространство, свойственное кинематографу, вставные повествовательные конструкции, обилие монологов (неоднократно очень длинных), развернутых ремарок, рассказ от первого лица, фрагментарность, монтаж сцен (Гончарова-Грабовская 2021). Явление эпизации современной драмы охватывает ряд процессов внутритекстового характера на уровне создания картины мира, усиления голоса автора в ремарках и других внетекстовых элементах, из-

менения характера повествования, которому придаётся всё большее значение. Не случайно исследователи все чаще обращаются к нарративизации поэтики высказывания в современных пьесах.

Происходящие «здесь и сейчас» события обогащены многими эпическими элементами, к которым автор книги (Гончарова-Грабовская 2021) относит дневники, письма или воспоминания, что приводит к изменению традиционной драматургической формы. Таким образом, внимание автора сосредоточено уже не на представлении бытовых событий, но на событиях говорения, имеющем перформативный характер. Как отмечает Валерий Тюпа, «перформатив является таким непосредственным речевым действием (или жестом), которое само служит микрособытием, поскольку необратимо меняет коммуникативную ситуацию данного высказывания» (Тюпа 2010). Оно вытесняет внешние события, и тем самым акция драмы перемещается в план коммуникации между персонажами. Исходя из такого понимания, стоит рассматривать действие на двух уровнях: плана акции и плана рассказывания о ней. Эту особенность мы отмечаем и в пьесах Олега Богаева, поэтика которых недостаточно ещё изучена именно в аспекте нарративизации драматургического высказывания.

Целью настоящей работы является, прежде всего, анализ разных форм повествования в его комедийных произведениях. Среди них мы выбрали те пьесы, которые отличаются особым способом организации нарратива. Это пьесы «Лермонтов нашего времени», «Серый» и «Мёртвые уши».

Подзаголовок драмы «Лермонтов нашего времени» – «Школьное сочинение в двух актах» – указывает на необычную форму наррации, редко используемую драматургами, которой является письменное сочинение. Такой жанровый подзаголовок к пьесе, характеризующий форму письменного дискурса, можно соотнести с эго-документом, отражающим сознание его автора (в данном случае ученика школы). Главным героем является всё-таки не ученик, а учительница литературы Раиса Максимовна, чрезвычайно требовательная по отношению к своим ученикам и коллегам («строгая женщина лет пятидесяти» (Богаев)). Подобный подзаголовок мы находим и в произведениях других современных драматургов, например, в пьесе Елены Исаевой *Про мою маму и про меня* («школьные сочинения в двух действиях»). В

этой пьесе-вербатим высказывания героев, рассказ Лены, главной героини пьесы, представлены в форме сочинений, написанных по заданию учительницы. Её воспоминания и другие истории, изложенные от первого лица, как бы сразу реализуются на сцене благодаря действующим там актёрам. В пьесе же О. Богаева мы наблюдаем ряд эпистолярных форм высказывания, являющихся примерами нарратива. Они введены в действие пьесы непосредственно, как, например, «Письмо Раи» или письмо Старого Директора. Использование формы нарратива, принятой в официальном письме или деловых бумагах, передаёт мёртвую схоластическую речь, свойственную стилю канцелярских деловых писем: фразы-формулы, которые ничего не значат и лишены эмоциональной окраски, обращения к официальным лицам. В большинстве случаев сами герои пересказывают содержание писем героини (адресованных умершему уже директору Сергею Ильичу), о некоторых из них она рассказывает (как в случае письма в прокуратуру: «РАЯ. Да, я накатала неделю назад в прокуратуру, где указала, что в нашей... то есть в вашей столовой детей кормят тюремной баландой. При Сергее Ивановиче этого не было. А при вас стало (...)» (Богаев)). В высказываниях героев появляется и пересказ жалоб (одна из них в виде анонимного письма) на Раису. Они представлены в форме нарративных сообщений:

ДИРЕКТОР (листает, перебирает бумаги). Через год. Учитель математики сообщает, что вы прищемили ей палец...

РАЯ. На руке?

ДИРЕКТОР. На ноге.

РАЯ. Не помню.

ДИРЕКТОР. А учительница химии сообщает, что вы облили ее кислотой.

РАЯ. Не знаю, наверно что-то и было... Ах да! Она сказала, что Донцова – великий писатель. А дата какая?

ДИРЕКТОР. Пять лет назад.

РАЯ. «Дела минувших дней, забытые печали»... (Богаев).

Выявленные Директором и уклончиво прокомментированные Раисой сообщения раскрывают перед читателем/зрителем произошедшие в прошлом события. О таком способе представления образа событий пишет Л. Тютелова, ссылаясь, в частности, на П. Шонди. По её мнению, «(...) слово героя, звучащее на сцене, может творить образ события, не разворачивающегося на глазах зрителя, а уже произошедшего» (Тютелова 2016). Представленные Директором события, в которых Раиса принимала участие, абсолютно независимы от субъекта высказывания, они остаются неизменными, что и является особенностью эпоса.

Героиня не в состоянии воспринять все эти обвинения. Она как бы не понимает требований

Директора, высказывается пафосно и возвышенно, неадекватно ситуации. Сердитые замечания начальника и пренебрежительные реплики Раисы основываются на взаимном непонимании персонажей, что порождает комическую ситуацию. Двухуровневый план коммуникации персонажей усиливается и благодаря приёму условного разделения планов действия, разворачивающегося в разные эпохи. Первый из них условно реальный: события разыгрываются в школе или во время уроков. Второй – фантазмагорический, он является частью фантазии, воображения Раисы Максимовны. Переход из одного в другой мы можем легко уловить. Женщина подсознательно во время сонных мечтаний переносится в Пятигорск, встречается с Лермонтовым и его близкими. Об изменении планов предупреждает характерное заклинание героини, произносимое перед сном: «Лермонтов. Смерть. Пятигорск. Лермонтов. Смерть. Пятигорск».

Конфликт обусловлен умозрительным, химерическим поведением учительницы, которая живёт исключительно проблемами литературы, а точнее, творчеством Михаила Лермонтова. Раиса Максимовна, вероятно, из-за одиночества, низкой самооценки подсознательно ищет спутника не среди живых, но среди давно умерших. Об этом свидетельствует способ высказывания героини. Она, отмечая двухсотую годовщину дня рождения Лермонтова, разговаривает с его портретом. Образ Лермонтова – идеал, созданный её воображением, которого в действительности она не находит, можно рассматривать как Другого в сознании её личностного «Я». Всё время между реальным миром и её иллюзиями проявляется разрыв, что свидетельствует о раздвоении в сознании героини, напоминая о состоянии души романтического героя. Её представления о реальном мире и воображаемом деформированы. В разговоре с Директором учительница высказывается о Гоголе так, как будто бы он реально присутствовал во время уроков: «Николай Васильевич Гоголь не терпит телефонной суеты» (Богаев). Становится понятно, что литература сформировала ценностные установки и вообще мировоззрение героини. В пьесе цитируется ряд стихотворений Лермонтова, которые учительница выучила наизусть. Они как бы стали её текстом, позволяющим ей осознать своё присутствие. Она использует творчество русского классика в любой ситуации, например, в разговоре с Директором школы. Вставные лирические тексты придают пьесе возвышенный характер, определённое настроение. С их помощью драматург акцентирует внимание на том, что, во-первых, творчество классика русской литературы по сей день остаётся актуальным, во-вторых, Раиса Максимовна на грани реального и фантазмагорического мира.

Легко проследить общие черты в абсурдном поведении Раисы с её письмами, адресованными умершим, и героя *Русской народной почты* – Ивана Сидоровича Жукова, поведение которого обусловлено психическим расстройством, а также Эры Николаевны – героини комедии «Мёртвые уши. Новейшая история туалетной бумаги» (2011), которая общается с квартетом русских классиков. Стоит обратить внимание, что в этой пьесе, как и в комедии «Лермонтов нашего времени», уже в самом названии заявлено, что это история новейшего (настоящего) времени. Такое уточнение также содержит стратегии нарративизации.

Действие пьесы основано на одном событии (напоминающем театр абсурда) в жизни главной героини. Эра Николаевна, о которой сообщено в ремарке, что у неё «умственные способности не в пример телесным чудесам оказались ничтожны» (Богаев 2011), возложила на себя миссию спасительницы городской библиотеки от закрытия. Эта идея в сопоставлении с замечанием автора о том, что Эра Николаевна «далека от образованной жизни» (Богаев 2011), сразу порождает комизм. Комическое появляется (как и в пьесе «Лермонтов нашего времени») в связи с нестыковкой разных коммуникативных планов и проявляется во взаимном непонимании героев. Появившийся в квартире героини Человек (потом оказавшийся Чеховым) использует официальный, деловой язык канцелярских документов, что поражает Эру Николаевну:

ЭРА. Кого?

ЧЕЛОВЕК. Может возникнуть вопрос: почему я обращаюсь именно к вам? Отвечу. Вы самый умный, образованный человек в районе. Ваша внутренняя конституция, жизненный опыт... незаурядная личность - все это внушает доверие и наше расположение.

ЭРА (испуганно). Куда?

ЧЕЛОВЕК. Итак, вы согласны? (Богаев 2011).

Как он сам подчёркивает, его общение с героиней нарушает законы природы. Это касается и остальных образов классиков, которые представлены в воображении Эры Николаевны: Льва Толстого, Николая Гоголя и Александра Пушкина.

Элементы психофизического портрета Эры иронически раскрываются как в ремарках, так и в высказываниях героев, но всё-таки наиболее ярко Богаев иронизирует над героиней в ситуациях, когда она сама говорит. Показательным является эпизод, в котором героиня решает поделиться с Чеховым своими воспоминаниями. Они нетипичны для этого рода эго-документов (дневники, воспоминания, письма), так как не представляют

личную историю. Записанные в тетради «каракули» очень примитивны по содержанию, но, как она сама подчёркивает, это вся её жизнь. В них отражён непосредственный ход мыслей Эры Николаевны:

ЭРА (достаёт тетрадку, открывает с волнением, читает). «Воспоминания...» (Прослезилась.) Нет... не могу... Читай сам.

ЧЕХОВ (читает каракули). Раньше колбаса стоила два двадцать, а крупа 15 копеек пачка. Входя в гастроном, можно было не только трясти башкой и нюхать запахи, но и отовариваться по совести... Конфеты, печенье, куриные и животные окороки, яйцо, масло, сметана, молоко, рыба." Что это? Романтическое вступление? (Богаев 2011)

В выше проанализированных пьесах мы отмечаем нарративизацию не только в формах высказывания персонажей, но и в ремарочных комплексах. Их содержание не ограничивается исключительно описанием обстановки сцены, но обогащается способом представления наррации. Присутствие так называемого ремарочного субъекта и возникающие благодаря его речи образы «(...) дают возможность драматургу выразить своё видение и понимание действительности» (Тютелова 2019). Ссылаясь на позицию Ларисы Тютеловой, стоит подчеркнуть, что «комментарий драматических картин, возникающий в речи ремарочного субъекта, свидетельствует о диалогической направленности ремарочной речи на сознание героя, а в окончательном варианте – читателя/зрителя» (Тютелова 2019). Приведём пример:

Просто обставленная квартира Раисы Максимовны. Бедно, но со вкусом. Видно, что главное в жизни хозяйки – это школа и литература. На подоконнике, на столе – везде стопки учебников и ученических тетрадей, на стенах полный «иконостас» великих русских писателей в золоченых рамах. Надо сказать, что Лермонтов выделен особо от остальных: его портрет висит на отдельной стене напротив стола. (Богаев 2011)

Такие выражения, как «видно, что» или «надо сказать», явно указывают на присутствие ремарочного субъекта. Иногда ремарка становится одной из картин произведения. Как замечает С. Гончарова-Грабовская, «ремарки часто вплетены в основную повествовательную ткань, выполняя и сугубо функциональную, и сюжетообразующую роль, а в ряде случаев не только комментируя ход действия, но и формируя самостоятельный текст (...)» (Гончарова-Грабовская 2021). Детальное описание происходящего на сцене напоминает микроновеллу – один из жанров эпических произведений. Так выглядит и вступительная ремарка пьесы «Серый. Пьеса в двух действиях» (2015). Она значительно развернута, состоит в подробном описании места

действия: площади перед церковью, в которой идёт праздничная служба. В дальнейшем это непосредственный рассказ повествователя, свидетеля происходящего: «Залаяли дворовые собаки, в начале улицы послышался шум: конский топот, свист, грохот колес. Что-то приближается (...)» (Богаев 2015).

Вступительную часть мы можем назвать ремаркой-сценарием, так как она состоит из фрагментарных описаний действия конспективного характера. В этих фрагментарных абзацах описаний преобладают глагольные категории, что, во-первых, позволяет передать характер действия: «Комиссар дает знак, возницы разворачивают телеги, красноармейцы направляют пулеметы и ружья на церковные ворота, берут на прицел. (...) Красноармейцы стреляют по фронту церкви поверх людских голов. Люди на ступенях церкви замирают от изумления» (Богаев 2015). Во-вторых, представленные в драме глаголы перформатизируются и непосредственно влияют на воображение читателя. Все реплики нарратора в этих описательных фрагментах ремарки в настоящем времени: это позволяет передать эффект сценического представления действия и подтверждает ту мысль, что перед нами изложенный повествовательными средствами сценарий. Последнее замечание характерно для эпического театра XX столетия. Ремарка-сценарий обогащена и множественностью выражений, которые создают в пьесе особую звуковую сферу: «Залаяли дворовые собаки, в начале улицы послышался шум: конский топот, свист, грохот колес» (Богаев 2015). Внезапно их прекращает тишина, предсказывая неизбежную угрозу. В пьесе «Серый» вступительная ремарка-сценарий характеризуется открытой структурой. В связи с этим в неё как бы включаются реплики Комиссара, Священника, Пулемётчика и других героев, дополняя заранее подготовленный автором фон для разыгрывающихся событий. Анализируя следующие ремарочные комплексы пьесы, стоит заметить, что коллаж звуков всё время приобретает новые составляющие. Звуки принадлежат не только персонифицированным существам, их издают и персонифицированные предметы, что является отличительным свойством творчества О. Богаева в целом. Звуковой диапазон мы можем найти, например, в пьесах «Сансара» и «Кто убил месье Дантеса». В «Сером» громкое звучание колокола и усиливающиеся звуки приближающегося крестного хода (воссозданное словно на экране кинотеатра состояние коллективного бессознательного) предвещают эскалацию происходящего на сцене: «Опять прозвучал колокол, заполняя праздничным переливом всю площадь. Крестный ход снова запел, сначала тихо, все громче и громче, продолжают спускаться по ступеням вниз» (Богаев 2015). В

картине (или сцене) третьей появляются реплики голосов Агитатора, Священника и детский голос. Они входят в состав эпической ремарки, напоминающей фрагментарное описание сценария. Её абзацы как бы составляют условную рамку: начальный фрагмент ремарки задаёт тему – крестный ход сталкивается на улице с группой большевиков: «Из-за угла выходит другая группа людей, идут так же организованно, как и крестный ход, но у них вместо иконы – портрет Ленина, вместо молитвенного пения – гармошка, а вместо хоругви – антирелигиозные лозунги» (Богаев 2015). В центре этой сцены разворачивается полифонический обмен репликами. Это не диалог, так как не сохраняется структура вопрос-ответ, а звучат не связанные один с другими эмоциональные восклицания, которые передают последствия кризиса идентичности каждой личности. Сцену завершает также ремарочное предложение, как бы подводило итог ситуации: большая часть крестного хода уходит с большевистской колонной. Этим нарратор передает характер социального выбора обыкновенных людей, которые просто хотят сохранить жизнь себе и своим близким. Эта сцена иронически остраивает своего рода эксперимент, доказывающий, что люди больше веруют в экран синемаатографа, чем существование Бога, а физические потребности героев побеждают духовные.

Очередная ремарка в пьесе представляет собой цепь последовательных событий, представляющих усилия красноармейцев, снимающих церковный крест. Каждый их шаг описан детально, с помощью ряда глаголов, что свидетельствует о перформативном потенциале картины:

Толпа народа глядит, как Дрылин ловко лезет по веревке на купол церкви, вот-вот упадет. Народ наблюдает за происходящим как в цирке: Дрылин оступился – народ ахает, Дрылин схватился за крест – народ дает возгласы одобрения. Наконец Дрылин накидывает на крест веревку, другой конец кидает вниз Ерошкину, тот с отрядом бойцов тянет крест с большим усилием. Крест скрипит, но не поддается. Тут красноармейцам помогают мужчины и бабы из толпы. Наконец что-то в кресте надломилось, и он с грохотом падает вниз. (Богаев 2015).

В сюжете пьесы «Серый» появляется мотив Бога, кризиса вероисповедания и связанных с этим основных ценностей, таких как толерантность и милосердие. Группа агитаторов во главе с Серым разрушает церкви, убивает батюшек, насилует монашек. Они передают поклон Ленину, что подчёркивается почти в каждой сцене. Вместо иконы Божьей Матери, над которой неоднократно производят надругательства, появляется образ Ленина, а герои Первый и Второй молятся Владимиру Ильичу:

ПЕРВЫЙ. «Господи мой, Владимир Ильич»...
ВТОРОЙ. «Господи Ленин...»
ПЕРВЫЙ. «Спаси меня...»
ВТОРОЙ. «Сохрани...»
ПЕРВЫЙ. «Рабу твоему»
ВТОРОЙ. «Товарищ Ильич...»
ПЕРВЫЙ. «Исцеленья...». (Богаев 2015)

Кроме ремарок-рассказов в пьесе «Серый» появляются и развернутые реплики героев: нарративные высказывания от первого лица. Особенно выразительно звучит Голос Отца Николая. Стоит подчеркнуть, что действительно, кроме монологической речи персонажа, в фоносфере текста не проявляются другие голоса. Героев втолкнули в подвал, где вокруг лишь темнота: «Подвал. По звукам, стонам и шорохам можно догадаться, что здесь очень много живых людей, но они молчат. Совершенная темнота» (Богаев 2015). Читатель сосредоточен исключительно на содержании наррации, ничто его не отвлекает. Автор подчёркивает, что Отец Николай «рассказывает соседу»:
ГОЛОС ОТЦА НИКОЛАЯ (рассказывая соседу).
...И повели меня как дикую собаку. Иду, а люди мои сидят по домам, выглядывают в окна... Страшно им, но интересно. Как же, их батюшку в грязи изваляли, подрясник содрали, и портки в крови как у отелившейся яловки (...) (Богаев 2015).

Нарративный характер приобретает также реплика главного героя Серого, который решает рассказать одну историю своего детства. В высказывании воспоминание передаётся при помощи прямой речи, что усиливает впечатление о внутреннем конфликте в душе героя. Такой способ наррации во многом помогает понять читателю поведение агитатора:

СЕРЫЙ. (...) Батя был молодой, его потом в цехе убило. Металл растопили, и печь взорвалась, а он рядом с горловиной стоял. Когда его домой принесли, на кровать положили, у нас мясом запахло. Мясом отца. Жареным мясом. Невкусным. Он еще два дня умирал, и кричал: «Помогите». Помню, он уже выть перестал, только шипел, а мы с мамкой молились. И так мне было жалко батю, что я Бога просил: «Господи, спаси его, а взамен заведи меня с братьями!» Но отец умер... А скоро братья погибли. Рыбачить пошли, сели в лодку, ветер, и все. А я жить остался. Живу вот, живу... Неправильно все... Ой, неправильно... (Пауза.) Ничего, мракобесов дождем и на курорты завалимся (Богаев 2015).

Серый упрекает Бога, что не уберег от смерти его отца и братьев. Главный герой мстит людям, которые веруют и посещают церкви. Его рассказ, как и многие другие высказывания героев, насыщен жестокостью, что свойственно поэтике новейшей драмы. Отвратительные ситуации воссозданы средствами визуального представления, что

потрясает воображение читателя/зрителя. Примером является описание сна Дубенки, в котором голубь превращается в коршуна и рвёт герою глаза: «Голубь тут же слетает с люстры, и как коршун вонзает когти в лицо Дубенко, рвет глаза, бьет крыльями, Дубенко пытается скинуть голубя, не получается» (Богаев 2015).

Также в тексте немало ремарок уточняющего характера, которые передают действие конкретного персонажа. Так, в сцене четвёртой описание сценарного действия в ремарке («Красноармейцы так же быстро и умело сбивают иконы у алтаря, рвут завесу, звон битых окон. Работают справно и весело») (Богаев 2015) продолжает реплика, характеризующая действия Маленького, который выкалывает священнику глаза. Можно считать, что такими хлесткими ремарками, передающими разноплановые действия толпы, в которой каждый человек делает что-то по-своему, создаётся эпическая картина мира. Она разыгрывается средствами эпической драмы, что позволяет создать эффект панорамного охвата большого пространства событий сразу. Действие при этом приобретает почти симультанный характер: разыгрывается на разных уровнях, на разных планах оптики нарратора. Возникает ещё один эффект: взгляда нарратора: каждая ремарка как бы фиксирует точку, с которой нарратор видит и оценивает происходящее.

Наконец стоит ещё обратить внимание на роль фотографа, присутствие которого усиливает позицию автора в пьесе. Персонаж появляется неожиданно в заключении почти каждой сцены. Его задача в фотографировании, например, образа разрушенной церкви, чтобы сохранить его навсегда:
ФОТОГРАФ. Секунду, товарищи! Замираем... (вспышка, делает снимок.)
КОМИССАР. Ладно, поехали дальше (Богаев 2015).

Этим способом автору удаётся как бы дистанцироваться от изображаемых в тексте пьесы событий и увидеть мир в другой оптике, что способствует появлению эпической дистанции в пьесе. Все образы и события предстают посредством приёма фотографирования в прошедшем времени. Они дают возможность запечатлеть субъективный образ происходящего, тем самым сохраняя само присутствие реальности.

Стоит подчеркнуть, что действие пьесы разворачивается изначально в 20-е годы XX века, а в её финале действие переносится в наши дни (как и в предыдущих пьесах, автор отмечает актуальность темы произведения, современный характер разграниченных ситуаций). Эти два периода разделяет около ста лет. Они противоположны по характеру, так как во второй, более приближенной к нашим дням, наполненной восприятием современной жизни части пьесы, Серый восстанавливает церк-

ви и монастыри, а не разрушает. Он, как истинно верующий, говорит, что «Без веры новую жизнь не построишь» (Богаев 2015).

Выводы

Подытоживая вышеизложенный анализ пьес О. Богаева, следует сказать, что процесс нарративизации драматургического высказывания обусловлен, прежде всего, проявлением в поэтике текста эпического взгляда на мир, эпического полифонизма в репрезентации героев, их голосов, с одной стороны, и взгляда нарратора, с другой. Благодаря позиции всезнающего нарратора, который будто бы мог быть участником событий, удаётся выделить два временных плана в поэтике действия: время рассказывания и время изображённого в пьесе действия. Наличие вставных эпических текстов (письма, воспоминания персонажей, эпические ремарки) приводит к трансформации родовой сущности современной пьесы (неоднократно заявленной уже в подзаголовке), свойственной периоду «новой драмы». Процессы нарративизации высказывания в проанализированных пьесах, безусловно, расширяют спектр объективного взгляда на представляемые события, прежде всего, события рассказывания героев (в форме обширных монологов-сцен или монологов-картин). Перформативно окрашенные речевые действия ремарочного субъекта позволяют читателю «включить» свой опыт переживания исторического прошлого и личностный опыт идентификации в семантическое поле пьес драматурга.

Библиографический список

Агеева Н.А. Специфика дискурса монодрамы // Сибирский Филологический журнал. 2016. № 1. С. 116–125.

Богаев О. Лермонтов нашего времени. URL: https://bogaev.narod.ru/doc/lermontov_nashego_vremeni.htm (дата обращения: 17.09.21).

Богаев О. Мёртвые уши. URL: https://bogaev.narod.ru/doc/mertvye_ushi_2010.htm (дата обращения: 17.09.21).

Богаев О. Серый. URL: <https://theatre-library.ru/authors/b/bogaev> (дата обращения 20.09.21).

Болотян И.М. Жанровые искания в русской драматургии конца XX – начала XXI века. М., 2009. 211 с.

Гончарова-Грабовская С.Я. Комедия в русской драматургии конца XX – начала XXI века. Москва: Флинта: Наука, 2006. 280 с.

Гончарова-Грабовская С.Я. Современная русская драматургия. Конец XX – начало XXI века. Минск, 2021. 271 с.

Лавлинский С.П. Перформативные аспекты драматургии Александра Стrogанова // Новый Филологический вестник. 2012. No 1 (20). С. 45–55.

Лавлинский С.П. Визуальные аспекты небытия в гротескно-фантастическом произведении // Новый филологический вестник. 2015. № 2(33). С. 12–23.

Павлов А. Особенности субъектной структуры монодрамы и позиция читателя/зрителя // Новый филологический вестник. 2018. № 1 (44). С. 28–38.

Тюпа В.И. Драма как тип высказывания // Новый филологический вестник. 2010. No 3 (14). С. 7–16.

Тютелова Л.Г. Эпическое в «Новой драме» рубежа XIX–XX веков // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2016. No 1. С. 152–156.

Тютелова Л.Г. Проблема пространственной точки зрения в драме // Культура и текст. 2019. № 4 (39). С. 41–53.

Шуников В.Л. Нарративизация новейшей российской драмы // Вестник РГГУ. 2011. С. 67–74.

Krajewska, A. (2017), *Performatywność reprezentacji, Przestrzenie Teorii*, no. 28, pp. 7–18.

References

Ageeva, N. (2016), Specificity of monodrama discourse, *Siberian Journal of Philology*, No 1, pp. 116–125.

Bogayev, O., *Lermontov of our time*, [Online], available at: https://bogaev.narod.ru/doc/lermontov_nashego_vremeni.htm (Accessed 17 September 2021).

Bogayev, O. (1995), *Dead Ears*, [Online], available at: https://bogaev.narod.ru/doc/mertvye_ushi_2010.htm (Accessed 17 September 2021).

Bogayev, O. (2015), *Gray*, [Online], available at: <https://theatre-library.ru/authors/b/bogaev> (Accessed 20 September 2021).

Bolotyay, I.M. (2009), *Genre searches in Russian dramaturgy of the late XX – early XXI century*, Moscow, Russia.

Goncharova-Grabovskaya, S.Ya. (2006), *Comedy in Russian dramaturgy of the late XX - early XXI century*, Flint: Nauka, Moscow, Russia.

Goncharova-Grabovskaya, S.Ya. (2021), *Contemporary Russian drama. Late XX – early XXI century*, Minsk, Belarus.

Krajewska, A. (2017), Performativity of representation, *Przestrzenie Teorii*, Adam Mickiewicz University Press, Poznań, no. 28, pp. 7–18.

Lavlinsky, S. (2012), Performative aspects of Alexander Stroganov's dramaturgy, *The New Philological Bulletin*, Moscow, Russian State University for the Humanities, no. 1 (20), pp. 45–55.

Lavlinsky, S. (2015), The Visual Aspect of Nothingness in Grotesque Fiction Work, *The New Philological Bulletin*, Moscow, Russian State University for the Humanities, no. 2 (33), pp. 12–23.

Pavlov, A. (2018), The Features of the Monodrama Subject Structure and the Reader/Viewer Position, *The New Philological Bulletin*, Moscow, Russian State University for the Humanities, no. 1 (44), pp. 28–38.

Tiupa, W.I. (2010), Drama as a type of utterance, *New Philological Bulletin*, no. 3 (14), pp. 7–16.

Tyutelova, L.G. (2016), The epic In the „new drama” at the turn of the 20th century, *Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University*, no. 1, pp. 152–156.

Tyutelova, L.G. (2019), The problem of spatial point of view in drama, *Culture and Text*, no. 4 (39), pp. 41–53.

Shunikov, W.L. (2011), Narrativization of the latest Russian drama, *Bulletin of the Russian State University for the Humanities*, pp. 67–74.

Submitted: 11.10.2021

Revised: 30.11.2021

Accepted: 21.12.2021

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 316.61

DOI: 10.18287/2782-2966-2021-1-4-66-73

Дата: поступления статьи: 18.10.2021
после рецензирования: 02.12.2021
принятия статьи: 15.12.2021

Р.М. Вульфович

Северо-Западный институт управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: vulfovich-rm@ranepa.ru
ORCID: <http://orcid.org/000-002-1303-9057>

Совершенствование персонала муниципальной службы в XXI веке (с ЭО и ДОТ)

Аннотация: важным процессом в рамках социализации личности в современных условиях является процесс совершенствования компетенций индивидуума в режиме расширения их спектра и повышения качественного уровня в течение всей жизни. Одновременно в динамичной среде профессиональной деятельности человеку приходится в ряде случаев достаточно кардинально менять свою траекторию профессионального развития. Все вышесказанное входит в понятие «обучение в течение всей жизни» (life-long learning). Для ряда категорий занятых этот процесс связан с большими организационными сложностями: состав компетенций имеет сложную структуру, изменения происходят достаточно часто, возможности персонального развития ограничены в связи с условиями профессиональной деятельности. Одной из таких категорий являются государственные и муниципальные служащие, имеющие высокую потребность в совершенствовании управленческих и коммуникативных компетенций, но ограниченные жесткими рамками служебной деятельности. Конструктивным решением для обеспечения совершенствования персонала муниципальной службы является организация и проведение программ профессиональной переподготовки и повышения квалификации служащих с широким использованием электронного образования и дистанционных технологий обучения. Не менее важным является стимулирование собственной активности служащих в выборе контента и форм осуществления развития компетенций.

Ключевые слова: компетенции; динамика; траектория; «обучение в течение всей жизни»; гражданские служащие; потребность в обучении; дистанционное обучение; электронное образование.

Цитирование: Вульфович Р.М. Совершенствование персонала муниципальной службы в XXI веке (с ЭО и ДОТ) // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2021. Т. 1, № 4. С. 66–73. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-4-66-73>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Вульфович Р.М., 2021 – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 199178, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, В.О., Средний пр. В.О., д. 57/43.

SCIENTIFIC ARTICLE

R.M. Vulfovich

North-West Institute of Management –
branch of RANEPA,
Saint Petersburg, Russian Federation
E-mail: vulfovich-rm@ranepa.ru
ORCID: <http://orcid.org/000-002-1303-9057>

Improvement of municipal service personnel in the 21st century (via E-education and distant educational technologies)

Abstract: an important process within the framework of personality socialization under modern conditions is the process of improving the individual's competencies in the mode of expanding their spectrum and improving the quality level throughout life. At the same time, in a dynamic environment of professional activity, a person has in some cases to radically change his trajectory of professional development. All the above-men-

tioned circumstances are included in the concepts of “lifelong learning”. For many categories of employees, this process is associated with great organizational difficulties: the composition of competencies has a complex structure, changes occur quite often, opportunities for personal development are limited due to the conditions of professional activity. Among these categories we cannot but mention state and municipal officials who have a high need to improve their managerial and communicative skills, but their possibilities are limited because of the rigid framework of their official activities. An effective solution to ensure the improvement of municipal service personnel is the organization and implementation of professional retraining sessions and advanced training programs for employees with extensive use of e-education and distant learning technologies. It is equally important to stimulate employees’ own activity in choosing the content and forms of the skills’ development.

Key words: skills; dynamics; trajectory; “lifelong learning”; official; need for training; distant learning; e-education.

Citation: Vulfovich, R.M. (2021), Improvement of municipal service personnel in the 21st century (via E-education and distant educational technologies), *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 1, no. 4, pp. 66–73, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-4-66-73>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© **Vulfovich R.M., 2021** – Doctor of political science, professor, professor of the department for public administration of the North-West Institute – branch of RANEPА, building 57/43, Sredniy Prospekt of Vasilyevsky Island, Saint Petersburg, 199178, Russian Federation.

Введение

В настоящее время в системе публичной власти значительную роль играет уровень местного самоуправления. Включение его в единую систему в результате внесения поправок в главу 8 «Местное самоуправление» Конституции Российской Федерации в 2020 году требует более четкого разграничения полномочий и разделения функций государственной и местной власти, направленного на достижение базовой цели функционирования всей системы в целом: формирования оптимального единообразного качества жизни на всей территории нашей страны в соответствии с существующим уровнем социально-экономического развития (Зикеев 2020). В рамках этого процесса именно местные сообщества способны максимально точно канализировать потребности граждан, а также способствовать вовлечению последних в определение и реализацию политики по всем основным направлениям деятельности.

Организатором и координатором данной деятельности однозначно могут и должны стать муниципальные политики (члены местных представительных органов, главы администраций), а также муниципальные служащие, замещающие должности муниципальной службы и организующие жизнедеятельность в своих муниципалитетах. Для этого им необходимо обладать всеми управленческими, профессиональными и коммуникативными компетенциями, предусмотренными современными стандартами профессиональной подготовки (Лось 2021). К сожалению, данные компетенции не только не всегда сформированы у многих участников процесса осуществления муниципального управления, но и осознаются как необходимое условие успешной профессиональной деятельности не в полной мере.

В связи с вышесказанным в муниципалитетах ощущается потребность в формировании более квалифицированного персонала муниципальной службы. Эту задачу призваны решать образовательные учреждения различного профиля. Однако в первую очередь эта задача ложится на элементы системы подготовки, профессиональной переподготовки и повышения квалификации государственных и муниципальных служащих Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, обладающей широкой филиальной сетью, большим количеством высококвалифицированных специалистов, занимающихся проблемами развития и повышения эффективности местного самоуправления.

Исследовательский вопрос и методология исследования. Целью данного исследования является определение набора основных компетенций современного муниципального служащего в рамках базовой роли местного самоуправления в системе публичной власти, а также выделение необходимых технологических инструментов для формирования данных компетенций с учетом потребностей служащих в получении образования и их возможностей участвовать в учебном процессе без отрыва от основной профессиональной деятельности. Методологической основой является системный подход к повышению уровня компетенций служащих, компетентностный подход к образовательному процессу, а также информационно-коммуникативный подход к формированию компетенций.

Местное самоуправление в единой системе публичной власти. Смысловой ряд, связанный с включением местного уровня в единую систему публичной власти, состоит из большого числа разнообразных понятий, позволяющих предста-

вить целостную картину осуществления процессов, обеспечивающих достижение базовой цели данной системы. Прежде всего, требует решения вопроса о принципах, на которых строятся взаимоотношения государственной и местной власти, как происходит между ними разграничение полномочий и разделение функций.

В истории город появился раньше государства, а местный коллектив раньше национального сообщества. В переводе один из главных трудов Платона имеет название «Государство», однако писал он о греческих полисах, городах-государствах, состоявших из множества более мелких образований, которые имели собственное управление и вели самостоятельную хозяйственную деятельность. Интерес к проблеме места и роли местного самоуправления интенсивно распространялся в 90-е годы прошлого века (Барабашев 1996) и был реализован в работах ряда российских ученых (Грибанова 1998), когда становление этого института начиналось. Сохраняется он и до настоящего времени (Лось 2021). Многочисленные теории местного самоуправления рассматривали его в разном контексте, часто отводя ему место «исполнителя воли государства». Именно так трактовалось российское земство в XIX веке: его роль как самостоятельного политического актора полностью исключалась законодательством и пресекалась царским правительством, на что мы обращали внимание в нашей статье (Вульфович 2017).

Несмотря на кардинально изменившиеся условия, в современном мире «огосударствление» местного самоуправления происходит повсеместно, а проблема взаимоотношений с государством стоит достаточно остро. На это обращают внимание многие российские специалисты в связи с конституционными поправками 2020 года (Пешин 2020).

С точки зрения «смыслов», главным является вопрос о том, какой основной принцип закладывается в «единую систему публичной власти». Принципиально существуют два варианта: в первом государство (в РФ – федеральный уровень и уровень субъекта РФ) передает муниципалитетам тот объем полномочий, который считает рациональным и допустимым. В этом контексте органы местного самоуправления являются лишь исполнителями государственных решений, а главным качеством всех, работающих на местном уровне, должны быть исполнительность, точность реализации принятых на вышестоящих уровнях решений. Система сохраняет обезличенность классической веберовской бюрократии (Weber 2020). В этих условиях местное самоуправление утрачивает свою сущность института, максимально отражающего интересы местного сообщества, особенности состава жителей данной территории, т.е. его базовое содержание полностью выхолащивается.

Для активных и хорошо подготовленных к управленческой деятельности людей такой вариант не является привлекательным, что ослабляет кадровый потенциал.

Во втором варианте в основу системы закладывается принцип subsidiarности (Выдрин 2017), а разграничение полномочий происходит снизу вверх: каждый из уровней системы, начиная с индивидуального, берет на себя проблемы, которые могут быть решены оптимально на данном уровне. В случае необходимости вышестоящий уровень оказывает поддержку (финансовую, кадровую, методическую) по требованию уровня, на котором проблема решается. Сложность и высокая затратность решения многих проблем, особенно связанных с крупными инфраструктурными проектами, требует согласования интересов всех участников проекта, координации их действий и кооперации в рамках деятельности.

Именно уровень самостоятельности органов местного самоуправления в принятии решений во многом определяет набор формируемых компетенций муниципальных служащих, их потребность в обучении и, соответственно, контент учебного процесса, формы его организации и обеспечение обязательного совершенствования компетенций в течение всей служебной деятельности: «life-long learning» (Век учись: что такое концепция lifelong learning и как она способствует успеху 2020).

Определение компетенций муниципальных служащих как основа контента образовательных программ. Теоретические основы компетентностного подхода к образованию (Спенсер Л.М., Спенсер С.М. 2005) начали формироваться в прошлом столетии. Это было связано в том числе с усложнением деятельности, а также с необходимостью повышения разнообразия возможностей человека в осуществлении различных ее видов на протяжении его трудовой жизни. В настоящее время компетенции разделяют на две категории: профессиональные, т.е. непосредственно связанные с его конкретной профессией, и коммуникативные, которые входят в структуру практически любой деятельности, т.к. необходимость осуществления коммуникации возникает во всех профессиональных сферах. Однако для муниципальных служащих большое значение имеют также управленческие компетенции.

Один из основателей компетентностного подхода – Лайл М. Спенсер – определяет компетенции как «базовое качество индивидуума, имеющее причинное отношение к эффективному и / или наилучшему на основе критериев исполнению работы или других ситуативных действий» (Спенсер Л.М., Спенсер С.М. 2005, Выдрин 2017). В данном определении необходимо выделить два основных момента, непосредственно влияющих на определение параметров компетенций и усло-

вий их формирования. Во-первых, это не просто выработанные навыки и полученные знания и умения (подход классической дидактики), а глубинные, т. е. прочно усвоенные и влияющие на всю деятельность в целом качественные параметры конкретной личности. Во-вторых, определение и формирование компетенций требует установления четких критериев и требований к каждой из них в соответствии с характером деятельности и условиями, в которых она осуществляется.

Иллюстрацией данного подхода может служить различное понимание профессиональных компетенций муниципальных служащих, которое существует в настоящее время в системах местного самоуправления. В России считается, что эффективно управлять здравоохранением может только врач, а образованием – только профессиональный педагог, прошедший соответствующую подготовку. Как показывает практика, это далеко не всегда так: профессиональные компетенции специалистов различных отраслей не могут заменить собственно управленческие компетенции. В соответствии с этим в ФРГ осуществляется системная подготовка чиновников-генералистов, которые проходят теоретическую и практическую управленческую подготовку и в течение своей профессиональной карьеры работают в органах государственной власти и местного самоуправления, осуществляют общее руководство в различных сферах (Barthold 2018). Специальные вопросы в данных органах решаются специалистами конкретных направлений. Отдельно ведется только подготовка полицейских чиновников и финансистов (бюджет, налоги и т. п.).

Остановимся более подробно на компетенциях российских муниципальных служащих. При этом на первое место поставим не профессиональные компетенции врачей, педагогов, социальных работников, юристов, экономистов, финансистов и т. п., а именно управленческие компетенции, в составе которых особую роль, по нашему мнению, играют способность и умение принимать самостоятельное решение и готовность нести за него ответственность. Естественно, что принятие решения требует не только знания технологии процесса, которая подробно разработана и описана, в том числе конкретно для муниципального уровня (Урасова 2021), и изучается в рамках всех программ, направленных на подготовку управленцев как частной, так и публичной сферы, но и способности дать верную оценку возникшей проблемы на основе корректной и актуальной информации, а также определить результат, который должен быть получен при реализации выработанного решения, и конечный эффект, возникающий после завершения процесса реализации. В данном контексте особое значение приобретают информационные компетенции, включающие активное владение не-

обходимыми программными продуктами, умение самостоятельно искать, отбирать, анализировать и верифицировать информацию.

Как было указано выше, процесс принятия решений имеет большое значение для всех сфер деятельности, однако следует помнить, что в публичной сфере вся деятельность жестко регламентирована нормативными правовыми и правовыми актами, что делает необходимым для служащих не только знание норм права всех уровней, но и наличие достаточных компетенций по выявлению новелл законодательства и муниципального права.

Коммуникативные компетенции можно разделить на умение осуществлять контактную коммуникацию с гражданами независимо от их возраста, уровня образования, профессиональной деятельности и других особенностей и на способность осуществлять данное взаимодействие в дистанционном режиме, что особенно важно для служащих, работающих на уровне муниципальных районов, округов и сельских поселений, где в рамках дисперсной системы расселения люди часто отделены от органов местного самоуправления большими расстояниями. Важными являются также для российских условий компетенции по созданию различных источников информации для распространения ее как в контактном (листовки, брошюры, информационные бюллетени), так и в дистанционном режиме (радио- и телепрограммы, сайты, блоги и т. п.).

На пересечении управленческих и коммуникативных компетенций, а в ряде случаев и с включением профессиональных компетенций, необходимо также формирование организационных компетенций для вовлечения граждан в различные виды активности, влияющие на интеграцию местного сообщества и формирование коллаборативной культуры самопомощи и взаимопомощи.

Формирование потребности в обучении и создание возможностей для ее удовлетворения. В процессе служебной деятельности муниципальные служащие сталкиваются с проблемами социально-экономического, психологического, политического и коммуникативного характера. При этом им может быть сложно самостоятельно определить, какие обучающие программы и в каком объеме им необходимы для совершенствования имеющихся компетенций и приобретения новых в рамках деятельности, а также в случаях, когда происходит расширение ее границ, усложнение осуществляемых операций или повышение уровня ответственности, например, при перемещении с более низких на более высокие должности.

Статья 11, пункт 1.7 Федерального закона «О муниципальной службе в Российской Федерации» предусматривает, что муниципальный служащий имеет право на «получение дополнительного профессионального образования в соответствии с

муниципальным правовым актом за счет средств местного бюджета». Данное положение создает достаточно сложную для служащего коллизию, когда его право зафиксировано законом, но его реализация зависит от конкретной ситуации в муниципальном образовании, а также регламентируется дополнительно законодательством соответствующего субъекта Российской Федерации. Так, статья 42 закона города Москвы «О муниципальной службе в городе Москве» предусматривает повышение квалификации муниципального служащего «по мере необходимости, но не реже одного раза в пять лет». С учетом общей динамики всех процессов в современном мире этот срок представляется слишком длительным. Формулировка же «по мере необходимости» не дает представления о том, определяет ли необходимость повышения квалификации сам служащий или сроки и формы дополнительного профессионального образования, которое включает и профессиональную переподготовку с получением права осуществления новой профессиональной деятельности, определяются в рамках муниципального образования, что автоматически ставит саму возможность расширения спектра компетенций и повышения их уровня от финансовых возможностей конкретного муниципалитета или субъекта РФ, который проводит или не проводит соответствующие программы развития муниципальных служащих. С учетом отсутствия регламентации срока проведения таких программ для муниципальных служащих в федеральном законе, субъекты федерации вправе устанавливать эти сроки собственными законами.

В качестве общего вывода можно сказать, что на практике муниципальный служащий не может сам определять свою потребность в обучении, что существенно затрудняет его профессиональный рост. Мы уже обращались к опыту публичной службы ФРГ. Еще раз подчеркнем, что в Германии нет существенных различий между подготовкой и развитием служащих в органах государственной власти и органах местного самоуправления. Что же касается переподготовки, то действует общее правило об участии служащих в таких программах в случае их перевода из одного органа власти и управления в другой, т. е. изменения направления деятельности, а также в случае повышения уровня ответственности и усложнения функций. Для остальных служащих ежегодно предлагается большой спектр курсов повышения квалификации, из которых они могут выбирать необходимые для их индивидуального профессионального роста.

Повышение квалификации в Германии хотя и рассматривается в законодательстве о карьере служащего, не регулируется законом окончательно. Наиболее важным принципом является то, что должностные лица обязаны участвовать в повышении квалификации, предназначенном для со-

хранения и расширения возможностей для их или сопоставимых служебных должностей. Эти меры, также называемые адаптационным повышением квалификации, предназначены для обеспечения того, чтобы должностные лица всегда были в состоянии соответствовать ожиданиям, предъявляемым к ним. Обязанность по повышению квалификации вытекает из принципа, согласно которому должностные лица должны посвятить себя своей профессии с полной самоотдачей. Возможно также повышение квалификации для приобретения знаний и навыков, которые выходят за рамки требований занимаемой в настоящий момент должности. Должностные лица, совершенствующие свои навыки и профессиональные знания за счет повышения квалификации, должны продвигаться по службе. Меры повышения квалификации могут повлечь за собой повышение по службе или стать его обязательным условием (Weber 2020).

Для формирования у служащих способности самостоятельно определять их потребности в обучении необходимо предлагать им широкий спектр программ повышения квалификации, ориентированных на основные актуальные процессы в системе муниципальной власти: новеллы законодательства, развитие цифровой экономики и дигитализацию управления, совершенствование коммуникационно-информационного обеспечения взаимодействия с гражданами.

Кроме потребности в обучении, важную роль в развитии персонала муниципальной службы играет предоставление служащим возможности прохождения интересующих их программ. Проведение последних в режиме разделения образовательного процесса и процесса служебной деятельности связана с исключительными трудностями, особенно если речь идет об участии в программе в другом населенном пункте. В определенном смысле повышение квалификации с отрывом от служебной деятельности имеет ряд преимуществ, например, позволяет служащему максимально активно включиться в учебный процесс. Однако перевешивают сложности и проблемы, связанные с возникновением дополнительных затрат (транспорт, жилье, командировочные расходы), а также необходимость выполнения служебных обязанностей отсутствующего другими служащими. Кроме того, нельзя забывать, что в составе корпуса муниципальных служащих преобладают женщины, для которых отсутствие на месте постоянного проживания часто представляет особые сложности.

В соответствии с вышесказанным необходимо констатировать, что предпочтительным является проведение обучающих программ в смешанном контактно-дистанционном режиме, причем контактные занятия также могут проводиться в современных условиях с использованием различных электронных платформ и программных

продуктов. В большинстве случаев организацией повышения квалификации муниципальных служащих занимаются субъекты РФ, что позволяет им выбрать наиболее удобный формат осуществления учебных программ и курсов.

Педагогический дизайн в повышении квалификации муниципальных служащих. Современные подходы к образовательному процессу предусматривают детальную проработку учебного курса, в том числе и программы повышения квалификации муниципальных служащих. Наиболее прогрессивным в данном контексте является подход разработки педагогического дизайна (Что

такое педагогический дизайн? 2020) конкретного мероприятия по формированию компетенций обучающихся в соответствии с их потребностями в обучении и возможностями удовлетворения данных потребностей.

В структуру педагогического дизайна входят: определение целевой аудитории, формулировка цели проводимого курса, а также четкая фиксация желаемых результатов трех различных категорий – концептуальных, инструментальных и ресурсных. Вариант схемы педагогического дизайна курса для служащих, начинающих свою профессиональную деятельность, представлен в табл. 1.

Таблица 1

Дизайн курса «Основы местного самоуправления»

Table 1

Design of local administration basics course

<i>Цель:</i> формирование профессиональных, управленческих, организационных, коммуникативных компетенций и ценностей, соответствующих содержанию профессиональной деятельности	<i>Аудитория:</i> муниципальные служащие	<i>Объем часов:</i> 72 часа
Результаты		
<i>Концептуальный:</i> понимание роли МСУ в системе власти	<i>Инструментальный:</i> возможности использования ИКТ в профессиональной деятельности	<i>Ресурсный:</i> роль служащего в повышении качества жизни
Тематический план		
6 тем в соответствии с характеристиками муниципалитета	Творческие задания и проекты	
Распределение часов		
12 контактных часов с применением электронных средств обучения (TEAMS, ZOOM, Skype)	60 часов дистанционной работы с использованием платформы MOODLE (основные материалы в текстовых форматах, презентационные материалы в виде презентаций и видеороликов, тестовые задания для закрепления основного содержания, размещение творческих заданий и проектов)	

В педагогический дизайн мы намеренно не включили конкретные темы, т. к. их состав будет определяться тем, в каком субъекте РФ расположено МО, является ли оно компактным населенным пунктом (городское поселение, городской округ) или представляет собой значительную территорию (сельское поселение, муниципальный район, муниципальный округ), на которой находится ряд населенных пунктов и т. п. Проведение такого курса призвано включить служащих в общий контекст системы публичной власти и способствовать формированию у них необходимых компетенций.

Выводы

Подводя итог проведенного нами анализа, можно констатировать следующее:

1. Внесенные в Конституцию РФ в 2020 году поправки, включившие местное самоуправление

в единую систему публичной власти, требуют переосмысления места и роли данного института в формировании на территории нашей страны оптимального единообразного качества жизни.

2. Интенсивное участие местных органов власти в этом процессе невозможно без активного и конструктивного участия в нем корпуса муниципальных служащих.

3. Последним требуется серьезная подготовка для формирования у них не только и не столько профессиональных компетенций в разных сферах деятельности, сколько управленческих компетенций – способности принимать обоснованные, рациональные и соответствующие реальному положению дел решения и нести за них персональную ответственность.

4. Для осуществления такой подготовки необходима конкретизация в законодательстве пери-

одичности проведения мероприятий по повышению квалификации муниципальных служащих, а также стимулирование их самостоятельности в определении собственной потребности в обучении.

5. Для предоставления служащим реальной возможности повышения квалификации должен активно внедряться субсидиарный подход, при котором служащий играет активную роль в процессе, а также разрабатываться качественный педагогический дизайн для отдельных программ и курсов повышения квалификации.

Библиографический список

О муниципальной службе в Российской Федерации (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2021). Федеральный закон от 02.03.2007 N 25-ФЗ (ред. от 26.05.2021). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_66530/ccc9dd1e528c5ce50dd152c3269b70104ad92ae1/#dst100064 (дата обращения: 10.10.2021).

О муниципальной службе в городе Москве (с изменениями и дополнениями). Закон г. Москвы от 22 октября 2008 г. N 50. Глава 8. Кадровая работа в муниципальном образовании (ст. 37–43) Статья 42. Повышение квалификации, переподготовка муниципального служащего URL: <https://base.garant.ru/390878/43c951d8803e4d3c0a4d98e76e8fcc55/> (дата обращения: 10.10.2021).

Barthold, H.-M. (2018), *Verwaltungsbeamte – Generalisten mit dem Blick fürs Spezielle*, [Online], available at: <https://www.berufsreport.com/verwaltungsbeamte-generalisten-mit-dem-blick-fuers-spezielle/> (Accessed 10 October 2021).

Laufbahnrecht und Qualifizierung: Fortbildung, [Online], available at: https://www.beamtenmagazin.de/fortbildung_beamten_magazin.

Weber, M. (2020), *Bürokratie: Zusammenfassung und Textauszüge*, [Online], available at: <https://olev.de/b/max-weber-buerokratie.htm> (Accessed 10 October 2021).

Барабашев Г. В. Местное самоуправление. Москва: Изд-во МГУ, 1996. 352 с.

Век учись: что такое концепция lifelong learning и как она способствует успеху // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/10311985> (дата обращения: 10.10.2021).

Вульфович Р.М. Модели управления муниципальным образованием: проблема свободы выбора // Научные труды Северо-Западного института управления, 2017. Т. 8, № 5 (32). С. 8–16. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=34940091> (дата обращения: 10.10.2021).

Выдрин И.В., Эмих В.В. Принцип субсидиарности в организации местного самоуправления в России и Польше // Науч. ежегодник Инта философии и права Урал. отд-ния Рос. акад.

наук, 2017. Т. 17, вып. 2. С. 71–99. DOI: <http://doi.org/10.17506/ryipl.2016.17.2.7199>.

Грибанова Г.И. Местное самоуправление в политической системе развитых демократий: Сравнительный анализ западноевропейских стран. Диссертации доктора социологических наук. 1998. URL: <https://www.dissercat.com/content/mestnoe-samoupravlenie-v-politicheskoi-sisteme-razvitykh-demokratii-sravnitelny-analiz-zapa>.

Зикеев В. Связанные одной целью (о единой системе публичной власти) // zakon.ru 2020. URL: https://zakon.ru/blog/2020/10/13/svyazannye_odnoj_celyu_o_edinoj_sisteme_publichnoj_vlasti (дата обращения: 10.10.2021).

Лось Л.В. Развитие местного самоуправления в России: теоретические аспекты // Океанский менеджмент. 2021. № 3 (12). С. 66–71. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-mestnogo-samoupravleniya-v-rossii-teoreticheskie-aspekty> (дата обращения: 10.10.2021).

Михайлова А.В., Попова Л.Н. Составляющие профессиональной компетентности муниципальных служащих: социальная и профессиональная компетентность // Фундаментальные исследования, 2017. № 4 (часть 1). С. 188–19. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=41459> (дата обращения: 10.10.2021).

Пешин Н.Л. Конституционная реформа местного самоуправления: единство публичной власти как новый всеобщий принцип организации местного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 11. С. 24–29. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44161238> (дата обращения: 10.10.2021).

Спенсер Л.М., Спенсер С.М. Компетенции at work. Модели максимальной эффективности работы. Пер. с англ. Москва: Нипро, 2005. 384 с. (Spencer L.M., Spencer S.M. Competence at work. Models of superior performance. John Wiley & Sons, Inc. 1993). URL: <https://www.labyrinth.ru/books/539778/> (дата обращения: 10.10.2021).

Урасова А.А., Сесюнин С.Ю. Специфика принятия управленческих решений на муниципальном уровне (на материалах Чердынского муниципального района Пермского края) // ARS Administrandi. 2021. Т. 13. № 3. С. 285–469. URL: <http://ars-administrandi.com/abstracts.php?id=436> (дата обращения: 10.10.2021).

Что такое педагогический дизайн? // ispring URL: <https://www.ispring.ru/elearning-insights/chto-takoe-pedagogicheskij-dizayn> (дата обращения: 10.10.2021).

References

About municipal service in the Russian Federation. Federal Law from 02.03.2007 N 25-FL (revision from 26.05.2021), [Online], available at: <http://www>.

consultant.ru/document/cons_doc_LAW_66530/ccc9dd1e528c5ce50dd152c3269b70104ad92ae1/#dst100064 (Accessed 10 October 2021).

About municipal service in Moscow. The Law of Moscow from 22.10. no. 50. Chapter 8, Personnel work in the municipality, Article 42, [Online], available at: <https://base.garant.ru/390878/43c951d-8803e4d3c0a4d98e76e8fcc55/> (Accessed 10 October 2021).

Barthold, H.-M. (2018), *Verwaltungsbeamte – Generalisten mit dem Blick fürs Spezielle*, [Online], available at: <https://www.berufsreport.com/verwaltungsbeamte-generalisten-mit-dem-blick-fuers-spezielle/> (Accessed 10 October 2021).

Laufbahnrecht und Qualifizierung: Fortbildung, [Online], available at: https://www.beamten-magazin.de/fortbildung_beamten_magazin (Accessed 10 October 2021).

Weber, M. (2020), *Bürokratie: Zusammenfassung und Textauszüge*, [Online], available at: <https://olev.de/b/max-weber-buerokratie.htm> (Accessed 10 October 2021).

Barabashev, G.V. (1996), *Local self-government*, Publishing house of the Moscow University, Moscow, Russia.

Century learn: what is the concept of lifelong learning and how does it contribute to success, *TASS*, [Online], available at: <https://tass.ru/obschestvo/10311985> (Accessed 10 October 2021).

Vulfovich, R.M. (2017), Models of municipal management: the problem of freedom of choice, *Nauchnye Trudy Severo-zapadnogo Instituta Upravleniia*, vol. 8, № 5 (32), pp. 8–16, [Online], available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=34940091> (Accessed 10 October 2021).

Vydrin, I.V. and Emikh, V.V. (2017), The principle of subsidiarity in the organization of local self-government in Russia and Poland, *Nauchnyi eshegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniia akademii nauk*, vol. 17, no. 2, pp. 71–99, DOI: <http://doi.org/10.17506/ryipl.2016.17.2.7199>.

Gribanova, G.I. (1998), *Local self-government in the political system of developed democracies: A comparative analysis of Western European countries*, Dissertation of the Doctor of Sociology, [Online], available at: <https://www.dissercat.com/content/mestnoe-samoupravlenie-v-politicheskoi-sisteme-razvitykh-demokratii-sravnitelnyi-analiz-zapa> (Accessed 10 October 2021).

Zikeev, V. (2020), *Bound by one goal (about a unified system of public power)*, [Online], available at: https://zakon.ru/blog/2020/10/13/svyazannye_odnoj_celyu_o_edinoj_sisteme_publichnoj_vlasti (Accessed 10 October 2021).

Los', L.V. (2021), Development of local self-government in Russia: theoretical aspects, *Okheanskii menedshement*, no. 3 (12), pp. 66–71, [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitiie-mestnogo-samoupravleniya-v-rossii-teoreticheskie-aspekty> (Accessed 10 October 2021).

Mikhailov, A.V. and Popova, L.N. (2017), Components of professional competence of municipal employees: social and professional competence, *Fundamental'nye issledovaniia*, no. 4 (part 1), pp. 188–192, [Online], available at: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=41459> (Accessed 10 October 2021).

Peshin, N.L. (2020), Constitutional reform of local self-government: the unity of public power as a new universal principle of the organization of local self-government, *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, no. 11, pp. 24–29, [Online], available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44161238> (Accessed 10 October 2021).

Spencer, L.M. and Spencer, S.M. (1993), *Competence at work. Models of superior performance*, John Wiley & Sons, Inc., [Online], available at: <https://www.labirint.ru/books/539778/> (Accessed 10 October 2021).

Urasova, A.A. and Sesiunin, S.U. (2021), Specifics of managerial decision-making at the municipal level (based on the materials of the Cherdynsky Municipal District of Perm Krai), *ARS Administrandi*, vol. 13, no. 3, pp. 285–469, [Online], available at: <http://ars-administrandi.com/abstracts.php?id=436> (Accessed 10 October 2021).

What is pedagogical design? (2021), [Online], available at: <https://www.ispring.ru/elearning-insights/chto-takoe-pedagogicheskii-dizayn> (Accessed 10 October 2021).

Submitted: 18.10.2021

Revised: 02.12.2021

Accepted: 15.12.2021

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 316.723

DOI: 10.18287/2782-2966-2021-1-4-74-81

Дата: поступления статьи: 08.10.2021
после рецензирования: 29.11.2021
принятия статьи: 20.12.2021

А.Ю. Швая
Социологический институт РАН,
филиал ФНИСЦ
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: andrewshvaya@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0948-4246>

Политико-культурное значение конфликтов по поводу православной символизации публичного городского пространства в контексте деполитизации

Аннотация: в данной статье приводятся результаты исследования двух наиболее ярких конфликтов: связанных с передачей Исаакиевского собора РПЦ и строительством храма святой Екатерины в Екатеринбурге. В этих столкновениях по поводу попыток изменить или переопределить публичное городское пространство прослеживается достаточно новая для российского исследователя гибридность религиозного и политического. Так, несмотря на наличие православных публичных акций, эти конфликты нельзя в полной мере назвать религиозными, при этом периферийность внутривнутриполитической повестки мешает называть их политическими. В этой связи изучение данных конфликтов требует особой методологической настройки. Благодаря теории социального перформанса Дж. Александера становится очевидным, что конфликтность смыслов внутри этих противостояний дает доступ для изучения отдельных проявлений современной политической культуры. Руководствуясь его методологией и используя подход к анализу дискурса Д. Сноу и его коллег, в проведенном автором исследовании анализируются дискурсы двух сторон противостояния в интернет-изданиях СМИ по двум указанным конфликтам.

Ключевые слова: православие; городское пространство; публичный актор; культурный смысл; дискурсивный фрейм; конфликт.

Цитирование: Швая А.Ю. Политико-культурное значение конфликтов по поводу православной символизации публичного городского пространства в контексте деполитизации // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2021. Т. 1, № 4. С. 74–81. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-4-74-81>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Швая А.Ю., 2021 – младший научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества, Социологический институт РАН, филиал ФНИСЦ, 199178, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, В.О., Средний пр. В.О., д. 57/43.

SCIENTIFIC ARTICLE

A.Yu. Shvaya
Sociological Institute of the Russian Academy
of Sciences,
Branch of the Federal Research Sociological
Center of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russian Federation
E-mail: vulfovich-rm@ranepa.ru
ORCID: <http://orcid.org/000-002-1303-9057>

Polical and cultural significance of conflicts over the orthodox symbolization of public urban space in the context of depoliticization

Abstract: this article presents the results of a study of two of the most striking conflicts: the transfer of St. Isaac's Cathedral to the Russian Orthodox Church and the construction of the Church of St. Catherine in Yekaterinburg. In these clashes over attempts to change or redefine the public urban space, a hybrid of "the religious" and "the political" is quite new for a Russian researcher. So, despite the presence of Orthodox public actions, these conflicts cannot be fully called religious, while the peripheral nature of the domestic political agenda makes it difficult to call them political. In this regard, the study of these conflicts requires a special methodological setting (orientation). Thanks to the theory of social performance by J. Alexander, it becomes obvious that

the conflict of meanings within these confrontations gives access to the study of display of modern political culture. Guided by his methodology and using the approach to the analysis of the discourse of D. Snow and his colleagues, in the present research, carried out by the author, there have been analyzed the discourses of the two sides of the confrontation in online media publications concerning two indicated conflicts.

Key words: orthodoxy; urban space; public actor; cultural meaning; frame of discourse; conflict.

Citation: Shvaya, A.Yu. (2021), Polical and cultural significance of conflicts over the orthodox symbolization of public urban space in the context of depoliticization, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 1, no. 4, pp. 74–81, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-4-74-81>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Shvaya A.Yu., 2021 – junior research associate of the authorities' sociology and the civil society sector, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, Branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, building 57/43, Sredniy Prospekt of Vasilyevsky Island, Saint Petersburg, 199178, Russian Federation.

Введение

Контекст деполитизации

Начиная с 2010 года в России заметно растёт число политических публичных акций, одной из главных черт которых стала связь с городским пространством. Те или иные места, объекты наделяются публичными акторами определенными смыслами и тем самым вписываются в их интерпретацию происходящего. Опираясь на социологов, изучающих общественные движения, можно утверждать, что такая политическая символизация городского пространства связана со специфическим контекстом деполитизации, характерным для постсоветской России. Одну из наиболее продуктивных концепций предложила американский социолог Нина Элиазоф. Рассматривая деполитизацию через дихотомию «приватного» и «публичного» Х. Арендт, но настаивая на взаимопроницаемости этих двух сфер, Элиазоф обнаруживает элементы деполитизации и в представлениях американских волонтеров. Так, комментируя свою протестную активность, они подчеркивают, что не участвуют в политике, а борются только за то, что «ближе к дому», «затрагивает их лично» или их детей, частную собственность, память местного сообщества и пр. (Eliason 1997, p. 608–609). Такой «побег» в сферу приватного от публичного и политического характерен и для постсоветской России, где долгие годы доминирование официальной «политики» выхолащивало собой возможности проявления реальных политических проблем в публичной сфере. В этом смысле кажущаяся индивидуалистичной и эгоистичной интонация обоснования собственной активности во многом, по словам Элиазоф, связана с амнезией предыдущих поражений в публичной сфере (Ibid, p. 613–614). Вследствие этого доминирующей становится риторика «малых дел» (“small issues”), тогда как центральные вопросы политической повестки воспринимаются как «далёкие от дома и невыполнимые». Автор также отмечает, что уйти в частную жизнь не так уж и просто (Ibid, p. 610), поэтому происходит приватизация отдельных

сегментов публичного, которые символизируются как борьба за охрану личного и приватного.

Теперь благодаря этой концепции в другом свете предстают конфликты, связанные с православной символизацией публичного пространства. Как в случае с передачей Исаакиевского собора РПЦ, так и со строительством храма святой Екатерины в сквере у театра драмы в Екатеринбурге протестующие указывают на то, что их высказывания и спор с другой стороной конфликта имеют неполитический характер и скорее являются экономической, культурной либо экологической проблемой. К тому же предшествующий опыт конфликтов в городском пространстве с участием представителей православия касался в основном строительства православных храмов в скверах и парках, что можно вслед за информантами Н. Элиазоф назвать «близкими к дому» проблемами.

Несколько другую интерпретацию контекста деполитизации даёт нам Элизабет Беннет и её соавторы. В их концепции деполитизация подразумевает «очищение» публичного от «грязи» политического, стратегическое превращение политического в стигму для расширения возможностей гражданской активности. Тем самым происходит противостояние «хорошей» публичной политики «плохой» официальной политики (Baioochi, Cordner, Bennett, Klein, Savell 2013, p. 523). Такое вымещение «грязной» политики «добром» гражданской активности подразумевает наличие развитого публичного пространства, в котором происходит борьба за освобождение и демократизацию публичной политики. В этом и состоит принципиальное отличие от концепции Н. Элиазоф: происходит не приватизация публичного политического, а публичное очищается от «грязного» политического. На сопоставлении двух этих трактовок деполитизации возникает третья (ее можно отнести к К. Клеман), примиряющая логика которой подразумевает переход от «приватизации публичного» по Элиазоф к «очищению публичной политики» Беннет и ее соавторов. Так, активность граждан перетекает от защиты

собственных частных интересов к постоянно-му активизму, создавая «анклавы публичности» (Клеман, Мирясова, Демидов 2010). Отрицание политического смысла своего активизма при этом сохраняется, так как исходная мотивация состоит в «полумках» приватно-близкого и восстановлении границ приватной сферы людьми, которые ранее не проявляли коллективной гражданской активности (Журавлев 2015, с. 40–41). Таким образом, применимо к описанию постсоветского контекста деполитизации, можно утверждать, что концепции Н. Элиазоф и Э. Беннет являются не только переходящими одна в другую, как это предлагает интерпретировать К. Клеман, говоря об «анклавах публичности», но и выступают в качестве отдельных стратегий, которые могут реализовываться различными группами публичных акторов, что и будет кратко проиллюстрировано на примере двух рассматриваемых конфликтов.

Появление православия в публичном пространстве

Помимо контекста деполитизации, для интерпретации результатов исследования конфликтов по поводу православной символизации городского пространства важно понимать и то, что вместе с «новыми» людьми, создающими «анклавы публичности», «новыми» становятся и концепции публичного городского пространства. Прежние трактовки «публичного пространства», отсылающие, как правило, к определенной городской территории, уступают место более мобильным и гибридным формам публичности, которые оказываются опосредованными динамикой и содержанием социальных интеракций (Паченков 2012, Урри 2012).

Наряду с другими публичными акторами, в городском пространстве появляются и представители православия. Выход православия из непубличной сферы религиозности стал заметен в позднем Советском Союзе, когда оно проникает в публичное пространство через отождествление себя с русской культурой, сливаясь с культурным наследием (Кормина, Штырков 2015). В последующем представители РПЦ принимали непосредственное участие в политике, однако уже с начала 2000-х православие перестает присутствовать в публичном пространстве в качестве самостоятельного политического актора и всё чаще обнаруживает себя в церемониале, риторике элиты (Roche 2015, Fischer 2013, Ухватова 2018, Паркова 2009), а также во внутренних взаимодействиях с ней (Митрохин 2004, Филатов 1994, Филатов, Бурдо 2005). Наконец, в последние годы можно наблюдать появление православной публичной активности, укорененной в городском пространстве, но вместе с тем развивающей более общие смысловые структуры. Как уже было отмечено,

такие интерпретации порождают конфликты. Поэтому наиболее интересным представляется дискурс участников таких конфликтов, поскольку в нем становится заметным, как изначальные позиции публичных акторов претерпевают изменения, присоединяя к себе другие, более широкие контексты. В случае, когда содержание позиции и конфигурация акторов одной из сторон достигают своей завершенности, перестают быть оспариваемыми, можно говорить об обнаружении конвенционального, культурного смысла (Alexander 2006, р. 5, 33, 51–52, Hunter 1992). Чаще всего исследователи используют для выявления складывающихся конфигураций культурных смыслов модель травмы, где жертва посредством символов, событий прошлого и мифов пытается распространить свою интерпретацию происходящего (Giesen 2014, Олик, 2012, Завершинский 2015, Малинова 2013, Ефремова 2014). Именно эти компоненты символического производства в публичном пространстве крупных российских городов и их взаимосвязь с социально-структурными характеристиками участников интересовали автора данного исследования.

Результаты проведенного исследования

Изучение двух данных конфликтов, имеющих уникальный характер сочетания религиозного и политического в своей дискурсивной и социальной структурах, благодаря применению разработанной в рамках данного исследования методологии позволяет выявлять политико-культурные смыслы и ценностные матрицы. Иными словами, данные конфликты с участием представителей православия и оппонировавших им сил дают доступ к изучению современной политической культуры. Редким является и применение теории социального перформанса в отечественных исследованиях. Тем не менее результаты, которые удалось получить по итогам проведенного дискурс-анализа, показывают эффективность применения теории социального перформанса к российским культурным реалиям и, что важно, к анализу такого нового феномена, как православные публичные акции в городском пространстве.

Так, на основе подобранных материалов по двум конфликтам (257 (по конфликту в Петербурге) и 86 (по конфликту в Екатеринбурге) статей интернет-изданий СМИ, освещавших конфликты и участвовавших в нем акторов) были выделены дискурсивные фреймы и прослежены семантические связи между ними, также фиксировались и трансформации в социальной структуре, где выделяется роль отдельных публичных акторов в продвижении тех или иных смыслов. В результате анализа дискурсов обоих событий, во-первых, выделяются траектории трансформации дискурсивной и социальной структур каждого из кон-

фликтов, и, во-вторых, выделяются те конфигурации смысловой и социальной структур, которые приводят к «закрытию» обсуждения в обозначенном дискурсивном пространстве и прекращению конфликта. Именно эти, наиболее стабильные смыслы рассматриваются как значения современной политической культуры, дающие представления о наиболее фундаментальных принципах организации политического взаимодействия.

Так, наиболее важными результатами анализа дискурса конфликта по поводу передачи Исаакиевского собора РПЦ можно назвать выделение переломных моментов дискурса (а также связанных с ними изменений в социальной структуре) и, собственно, самих культурных смыслов. Разумеется, результаты здесь кратко представлены со стороны защитников музея, так как именно представители этой стороны конфликта в наибольшей степени оказались агентами проявления культурного смысла. Здесь особого внимания заслуживает мимикрия музейного сообщества под те коллективные представления, которые позволили расширить институциональную и структурную базу, чтобы обратиться напрямую к представителям федеральной элиты (к Д. Медведеву, В. Путину, депутатам Государственной Думы). Это отход от прогрессистского дискурса о технологичности оборудования музея к традиционализму и выражению обеспокоенности по поводу сохранности экспонатов. Также после успешного исполнения интерпретаций прошлого музея и его работников, а также после демонстрации честности и подотчетности своих доходов защитникам музея удается произвести символическое разделение Церкви и Государства, одновременно демонстрируя при этом близость и лояльность Государству. Именно на этом этапе конфликта благодаря концентрации институциональных и публичных ресурсов (*social forces*) в виде различных структур, относящихся к сфере культуры, музейному сообществу удается перейти от Города как основания легитимации к Государству. В ответ на обвинения со стороны последних в «борьбе против православия» сотрудники музея демонстрируют свою православную принадлежность и тем самым прочнее связывают себя с Государством, пластично принимая те его атрибуты, которые существуют в коллективных представлениях. Наконец, музейное сообщество демонстрирует поддержку ещё одного атрибута лояльности Государству – непубличности, стараясь не высказываться на политические темы. Благодаря этому успешному маневру музейное сообщество автономизируется и становится служащей Государству, сторонящейся публичности, отстаивающей традиционалистские ценности силой, в то время как оппозиционные депутаты Законодательного собрания, являясь более политизированной группой защитников музея, высту-

пают за свободы граждан, публичное и законное решение вопроса передачи собора. Тем не менее основная часть дискурсивных фреймов задаётся музейным сообществом, а публичный протест зачастую выполнял роль *social force*, помогал продвигать те или иные смыслы, влиял на изменения в социальной структуре.

В результате этих успешных социальных перформансов удается выделить культурные смыслы. Так, политической культуре Санкт-Петербурга характерна демонстрация служения Государству (причём локализованному в федеральном) в противовес независимому бизнесу и собственному обогащению (последним удается обозначить в итоге Русскую православную церковь), общероссийская коллективная идентичность оказывается фундаментальнее и прочнее локальной (региональной). Также региональная административная элита Санкт-Петербурга оказываются слабее и менее самостоятельной. Важным условием достижения компромисса в конфликте оказалась и демонстрация православной принадлежности, что позволяет назвать этот признак характеристикой современной политической культуры. Интересно и культурное значение равенства, после которого произошло «закрытие» дискурса в рамках данного фрейма. Так, под равенством понимается не отсутствие платы за вход в собор для всех граждан, но скорее взаимное уважение и отсутствие избыточных требований со стороны отдельной доминирующей группы (в данном случае религиозной). Ещё одним культурным смыслом является традиционное обоснование права, т. е. с ориентацией на прошлое. Наконец, публичность признается избыточной и лишней в решении таких вопросов. В этом смысле важен контекст деполитизации в современной культуре, его мы увидим и в культурных смыслах екатеринбургского конфликта.

Второй кейс также оказывается конфликтом с участием представителей православия в городском пространстве. Однако если в Санкт-Петербурге передача Исаакиевского собора была инициирована губернатором Г. Полтавченко после негласной «договоренности» с Патриархом Кириллом, то конфликт по поводу строительства храма святой Екатерины был инициирован представителями региональной экономической элитной группы при участии церкви. В этой связи очевидно и принципиальное различие в роли РПЦ в петербургском и екатеринбургском конфликтах. Так, в первом конфликте почти с самого начала можно проследить активное участие региональных и федеральных представителей церкви, в то время как в Екатеринбурге церковь играет слабую роль в сравнении с бизнесом, администрациями города и региона. Подтверждения этому удастся найти и при анализе дискурсивных форм. В ека-

теринбургском конфликте представители церкви в основном используют такие выражения, как «провести разъяснительную работу», «достичь общественного согласия», использование «механизмов выражения мнения». Подобные обороты широко представлены в дискурсе мэра города А. Высокинского, а также губернатора области и представителей административных структур в целом.

Ключевыми результатами анализа дискурса этого конфликта являются трансформация дискурсивной и социальной структуры, а также те смыслы и конфигурации публичных акторов, которые приводят к компромиссу. Так, защитники сквера тоже создают более успешную интерпретацию прошлого, чем представители церкви, отстаивая самостоятельную историческую ценность сквера у Драммы. Закрыв таким образом обсуждение темы прошлого, защитники сквера начинают выстраивать консервативный дискурс (что их сближает с представителями музейного сообщества в первом конфликте), который выражается в развитии «зеленой» темы, в охране «заповедной зоны» и «сердца города». В результате цепочки успешных социальных перформансов им удастся сделать сквер Символом города, которым представители РПЦ считают храм. Однако самым эффективным социальным перформансом оказывается продвижение фрейма «деполитизации». Так, защитники сквера демонстрируют свою отстраненность от политики и внутриполитической повестки. Несмотря на участие в их уличных собраниях Левого фронта и Штаба Навального, им удастся дискурсивно символизировать свои собрания как «флешмобы», «переключки», «прогулки по скверу», фестивали музыки и т. д. Привлечение большого числа быстрооблизуемых горожан, в том числе людей, занимающихся искусством, позволяет исполнителям социального перформанса вписать политический митинг в защиту сквера в концертно-фестивальный жанр публичного мероприятия. Еще один социальный перформанс, который противники строительства успешно исполнили, был осуществлен в рамках дискурсивного фрейма «коммерческой выгоды». Значительная роль крупного бизнеса (глава РМК Игорь Алтушкин и глава УГМК Андрей Козицын), ставшего инициатором строительства храма, и слабая представленность церкви в дискурсе конфликта позволили легко обозначить сторонников строительства как ищущих коммерческую выгоду, что в целом сближает эти смысловые траектории с теми, что были описаны в петербургском конфликте.

Заключение

Обобщая вышесказанное, можно выделить конфигурацию культурных смыслов, центриро-

ванных, как и в конфликте по поводу Исаакиевского собора, на дискурсивном фрейме (master frame) «справедливости». Так, соответствующим политической культуре является опора на прошлое как траекторию легитимации того или иного решения. Традиционалистские ориентации на сохранение исторически значимого места в городском пространстве, на сохранение природы. Важным оказывается и объединение горожан, которое обозначается не только через символы прошлого, но и посредством символов городского пространства, развлекательной атмосферы коллективной радости и открытости (что особенно ярко проявляется в ежедневном общении на сходах с настоятелем Храма на Крови М. Миняйло). Характерным для политической культуры смыслом оказывается и причастность к общему городскому или государственному благу, чему противопоставляется зарабатывание денег и стремление к получению выгоды. В отличие от первого конфликта в спорах по поводу строительства храма св. Екатерины публичная договоренность и обсуждение всё-таки становятся характеристиками политической культуры. Наконец, ключевым выступает контекст дистанцирования от политического, который оказывается наиболее стабильным и необходимым для дискурса справедливости в данном конфликте.

Таким образом, можно видеть несколько пересечений в значениях политической культуры обоих конфликтов. Эти стабильные и воспроизводимые смыслы также синонимичны в стремлении к «непубличности» в случае музейного сообщества и «деполитизации» в случае защитников сквера. Активное участие в уличных протестах последних объясняет снятие склонности одобрять «непубличность» решения, что говорит о более устойчивом и развитом делиберативном гражданском публичном пространстве в Екатеринбурге. При этом разобранные концепции деполитизации обязывают нас более точно определить сходства и различия неполитической самоидентификации участников этих конфликтов. Так, из результатов анализа выделенных дискурсивных фреймов очевидно, что публичными акторами используются различные стратегии дистанцирования от политики и ее стигматизации. Например, в Екатеринбургском конфликте «неполитический» характер акций не отрицает их публичность и направлен в большей степени на вымещение «грязной» официальной политики, потенциально конфликтной и убыточной для протестующих, перенося тем самым акции в защиту сквера в область досуга, развлечения и прочих сегментов коллективной публичной (но «неполитической») сферы. В случае передачи Исаакиевского собора имеет место распределение ролей и стратегий между отдельными группами публичных акторов. Так, представите-

ли РПЦ и администрации города с самого начала демонстрируют непубличный и неполитический характер решения о передаче собора церкви. Эту стратегию во многом разделяют и представители музейного сообщества. Однако оппозиционные депутаты и прочие противники передачи выносят этот вопрос в публичное пространство. В ходе развития конфликта и особенно ко времени достижения «консенсуса» происходит распределение стратегий активности. Так, противники передачи собора церкви в лице оппозиционных депутатов, общественных объединений и прочих движений выходят на митинги, проводят акции, подают иски в суд, проводят пресс-конференции, тогда как представители музейного сообщества, декларируя лояльность государству и городским властям, мобилизуют институциональные возможности культурной сферы для доказательства невыгодности и ущербности решения. Таким образом, можно видеть, как переплетаются и распределяются стратегии «очищения публичного» Э. Беннет и «приватизации публичного» Н. Элизаоф, конституируя те или иные характеристики политической культуры двух крупных городов.

Значимым представляется также стремление противников передачи собора, как и противников строительства храма, обозначить, что их протест не является «антирелигиозным», т. е. против православия как такового, в чем их в обоих случаях обвиняла другая сторона конфликта. Этот момент представляется крайне интересным и перспективным для исследования, так как в данном случае стратегии деполитизации приводят публичных акторов к равному дистанцированию как от всего «политического», так и от «религиозного». Несмотря на все это, защитники сквера демонстрируют свою православную идентичность, чтобы размыть упреки в атеизме. Этот параметр политической культуры для обоих конфликтов остается общим.

Библиографический список

Головин Н.А., Клебанов А.А., Сибирев В.А. Сетевые сообщества в борьбе вокруг Решения передать Исаакиевский собор Русской православной церкви (январь-июнь 2017 года) // Мониторинг. 2018. № 1 (143). С. 296–317.

Ефремова В.Н. Государственные праздники как инструменты символической политики: Возможности теоретического описания // Символическая политика: сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки; Ред. кол.: Малинова О.Ю., гл. ред., и др., Москва, 2014. С. 66–79.

Журавлев О. Инерция постсоветской деполитизации и политизация 2011–2012 гг. Политика аполитичных: Гражданские движения в России

2011–2013 годов / Коллективная монография; Алюков М.Л., Ерпылева С.В., Желнина А.А., Журавлев О.М., Завадская М.А., Клеман К., Магун А.В., Матвеев И.А., Невский А.В., Савельева Н.В., Туровец М.В.; редакторы Ерпылева С.В., Магун А.В. Москва: Новое литературное обозрение, 2015. С. 27–70.

Завершинский К.Ф. Политический миф в символических практиках властных коммуникаций: теоретические экспликации // Символическая политика: сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед.; Отд. полит. науки; Ред. кол.: Малинова О.Ю., гл. ред., и др. Москва, 2015. С. 92–107.

Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России. Москва: Три квадрата, 2010.

Кормина Ж.В., Штырков С.А. «Это наше исконно русское, и никуда нам от этого не деться»: предыстория постсоветской десекуляризации // Изобретение религии: десекуляризация в постсоветском контексте; под ред. Ж.В. Кормина, А.А. Панченко, С.А. Штырков. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2015. С. 7–45.

Малинова О.Ю. Проблема политически «пригодного» прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России // Политическая концептология. Ростов-на-Дону, 2013. № 1. С. 114–130.

Митрохин Н.А. Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. Москва: Новое литературное обозрение, 2004.

Олик, Дж. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11, № 1. С. 40–74.

Паченков О. Публичное пространство города перед лицом вызовов современности: мобильность и «злоупотребление публичностью» [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас 2012. №117. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/117/p33.html> (Дата обращения: 12.04.2019).

Урри Дж. Мобильности / пер. с англ. А. В. Лазарева. Москва: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2012.

Ухватова М.В. «Напутствия охранителей»: Религиозная риторика на инаугурациях губернаторов в России // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). № 2. 2018. С. 84–101.

Филатов С.Б. Русская православная церковь и политическая элита // Религия и политика в посткоммунистической России. Москва: ИФ РАН, 1994. С. 99–118.

Alexander, J.C. (2006), Cultural pragmatics: social performance between ritual and strategy, *Social*

Performance Symbolic Action, Cultural Pragmatics, and Ritual, ed. by Jeffrey C. Alexander Bernhard Giesen Jason L. Mast. Cambridge University Press, pp. 5, 33, 51–52.

Baiocchi, G., Corder, A., Bennett, E., Klein, P., Savell, S. (2013), Disavowing Politics: Civic engagements in an Era of Political Skepticism, *The American Journal of Sociology*, vol. 119, pp. 518–548.

Eliasoph, N. (1997), Close to Home: The work of avoiding politics, *Theory and Society*, no. 26, pp. 605–647.

Fischer, J. (2004), Religious Rhetoric in US Presidential Inaugural Addresses: A Meta-Analysis, *Emergence: A Journal of Undergraduate Literary Criticism and Creative Research*, no. 4, pp. 20–34.

Giesen, B. (2014), Cultural Trauma and Religious Identity, *Oxford Handbooks Online*, [Online], available at: <http://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780199935420.001.0001/oxfordhb-9780199935420-e-001?rsk=1b42tK&result=2> (Accessed 1 October 2021).

Hunter, J.D. (2009), The Culture War and the Sacred/Secular Divide: The Problem of Pluralism and Weak Hegemony, *Social research. The Religious-Secular Divide: The U.S Case*, vol. 76, no. 4, pp. 1307–1322.

Papkova, I.A. (2009), «Contentious Conversation: Framing the „Fundamentals of Orthodox Culture“ in Russia», *Religion, State & Society*, vol. 37, no. 3, pp. 291–309.

Roche, M.A. (2015), *Rhetoric, Religion, and Representatives: The Use of God in Presidential Inaugural Addresses from 1933 to 2009 as Reflections of Trends in American Religiosity*. Ph.D. diss, Florida State University, Tallahassee.

References

Golovin, N.A., Klebanov, A.A., Sibirev, V.A. (2018), Social networks in a bid for the decision to transfer Saint Isaac's Cathedral to the Russian Orthodox Church (January-June 2017), *Monitoring*, no. 1 (143), pp. 296–317.

Efremova, V.N. (2014), State holidays as instruments of semiotic policy: possibilities of theoretic description, *Semiotic policy: Collection of scholarly works*, Russian Academy of Sciences. Institute of Scientific Information for Social Sciences, Centre for social-scientific and scientific-informational researches. Department of the political science. Editorial board: Malinova O.Yu., chief editor and others, Moscow, Russia.

Zhuravlev, O. (2015), *Persistency of post-Soviet depoliticization and politicization of 2011-2012. Politics of the nonpolitical: civil movements in Russia of 2011-2013 years*, Multi-authored monograph, Aliukov M.L., Erpyleva S.V., Zhelnina A.A., Zhu-

ravlev O.M., Zavadskaya M.A., Kleman K., Magun A.V., Matveev I.A., Nevskiy A.V., Saveleieva N.V., Turovets M.V., editors: Erpyleva S.V., Magun A.V., Novoye Literaturnoye Obozreniye Publishing House, Moscow, Russia.

Zavershinskiy, K.F. (2015), Political myth in the symbolic practices of the authorities' communications: theoretical explication, *Semiotic policy: Collection of scholarly works*, Russian Academy of Sciences. Institute of Scientific Information for Social Sciences. Centre for social-scientific and scientific-informational researches. Department of the political science, Editorial board: Malinova O.Yu., chief editor and others, Moscow, Russia.

Kleman, K., Miriasova, O., Demidov, A. (2010), *From philistines to volunteers. The beginning of the social movements in modern Russia*, Tri Kvadrata Publishing House, Moscow, Russia.

Kormina, Zh.V. and Shtyrkov, S.A. (2015), “That is our Russian-specific, and there is no way round it”: prehistory of post-Soviet desecularization, *The invention of religion: desecularization in post-Soviet context under the editorship of Kormina Zh.V., Panchenko A.A., Shtyrkov S.A.*, European University in Saint Petersburg Publishing House, Saint Petersburg, pp. 7–45.

Malinova, O.Yu. (2013), The problem of the politically “natural” past and evolution of the official semiotic policy in post-Soviet Russia, *Political conceptology. Rostov-on-Don*, no. 1, pp. 114–130.

Mitrokhin, N.A. (2004), *Russian Orthodox Church: modern state and actual problems*, Novoye Literaturnoye Obozreniye, Moscow, Russia.

Olick, J. (2012), Figuration of memory: a process-relational methodology illustrated on the German case, *Sociological Review (Sociologicheskoye obozreniye)*, vol. 11, no. 1, pp. 40–74.

Pachenkov, O. (2012), Public space of a city in the face of challenges of modernity: mobility and publicity overindulgence, *Reserve Funds (Neprikosnovennyj Zapas)*, no. 117, [Online], available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/117/p33.html> (Accessed 12 Apr 2019).

Urry, J. (2012), *Mobilities. Translated from English by English by Lazareva A.V.*, Editorial and consulting group “Praksis”, Moscow, Russia.

Ukhvatova, M.V. (2018), “Farewell words of the guardians”: Religious rhetoric during the inauguration of the Region Heads in Russia, *Politics: Analysis, Chronicles. Forecast (Magazine of the Political Philosophy and Politics' Sociology)*, no. 2, pp. 84–101.

Filatov, S.B. (1994), Russian Orthodox Church and political establishment, *Religion and Politics in post-communist Russia*, Moscow, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, pp. 99–118.

Alexander, J.C. (2006), Cultural pragmatics: social performance between ritual and strategy, *Social*

Performance Symbolic Action, Cultural Pragmatics, and Ritual, ed. by Jeffrey C. Alexander Bernhard Giesen Jason L. Mast. Cambridge University Press, pp. 5, 33, 51–52.

Baiocchi, G., Cordner, A., Bennett, E., Klein, P., Savell, S. (2013), Disavoiwing Politics: Civic engagements in an Era of Political Skepticism, *The American Journal of Sociology*, vol. 119, pp. 518–548.

Eliasoph, N. (1997), Close to Home: The work of avoiding politics, *Theory and Society*, no. 26, pp. 605–647.

Fischer, J. (2004), Religious Rhetoric in US Presidential Inaugural Addresses: A Meta-Analysis, *Emergence: A Journal of Undergraduate Literary Criticism and Creative Research*, no. 4, pp. 20–34.

Giesen, B. (2014), Cultural Trauma and Religious Identity, *Oxford Handbooks Online*, [Online], available at: <http://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780199935420.001.0001/oxfordhb-9780199935420-e-001?rskey=1b42tK&result=2> (Accessed 1 October 2021).

Hunter, J.D. (2009), The Culture War and the Sacred/Secular Divide: The Problem of Pluralism and Weak Hegemony, *Social research. The Religious-Secular Divide: The U.S Case*, vol. 76, no. 4, pp. 1307–1322.

Papkova, I.A. (2009), «Contentious Conversation: Framing the „Fundamentals of Orthodox Culture“ in Russia», *Religion, State & Society*, vol. 37, no. 3, pp. 291–309.

Roche, M.A. (2015), *Rhetoric, Religion, and Representatives: The Use of God in Presidential Inaugural Addresses from 1933 to 2009 as Reflections of Trends in American Religiosity. Ph.D. diss*, Florida State University, Tallahassee.

Submitted: 08.10.2021

Revised: 29.11.2021

Accepted: 20.12.2021

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 316.4

DOI: 10.18287/2782-2966-2021-1-4-82-94

Дата: поступления статьи: 11.10.2021
после рецензирования: 08.12.2021
принятия статьи: 21.12.2021

Г.Р. Баймурзина

Башкирский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Уфа, Российская Федерация
E-mail: guzrim@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1844-2689>

Качество занятости в оценках участников регионального рынка труда

Аннотация: в статье описаны результаты социологического исследования «Качество занятости и человеческое развитие», реализованного в Республике Башкортостан в октябре-декабре 2020 г. Проанализированы качественные характеристики социально-трудовой сферы региона: доступа к занятости, условий труда, гарантий обеспечения трудовых норм и человеческих прав, возможностей для развития и самореализации, продуктивности и экономической эффективности. Показаны взгляды и оценки ключевых субъектов рынка труда: работодателей, самозанятых и наемных работников; влияние пандемии на положение и социальное самочувствие наемных работников; масштабы распространённости отдельных признаков precarious труда в Башкортостане. Результаты исследования показали, что Республика Башкортостан не осталась в стороне от глобальных и общенациональных трансформаций в сфере труда и тенденций увеличения нестабильных, неустойчивых и незащищённых рабочих мест и трудовых отношений. Выявлены различия в восприятии сферы труда работодателями и другими социальными группами. Вместе с тем все социальные группы, в том числе и работодатели, солидарны с тем, что в настоящее время трудно найти стабильную/надежную работу с достойной заработной платой, а также с тем, что развитие сотрудника является, прежде всего, его собственной прерогативой. Такое общественное согласие в оценках сферы труда свидетельствует о существовании глубоких пробелов в обеспечении качества занятости и социально-трудовых гарантий. К примеру, более четверти опрошенных работников не верят, что у работника есть возможность отстаивать свои права и интересы в конфликтах с работодателем. Нарушение основополагающих прав работников, на наш взгляд, диссонирует с главным принципом социального и экономического прогресса общества и является существенным сдерживающим фактором реализации стратегических целей и задач России.

Ключевые слова: занятость; качество занятости; качество рабочих мест; достойный труд; precarious труд; рынок труда; регион.

Цитирование: Баймурзина Г.Р. Качество занятости в оценках участников регионального рынка труда // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2021. Т. 1, № 4. С. 82–94. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-4-82-94>.

Благодарности: автор благодарит Российский фонд фундаментальных исследований за поддержку проекта № 20-011-00934 «Развитие человеческого потенциала в условиях прекарнизации социально-трудовой сферы», в рамках которого выполнено данное исследование; коллег М.С. Туракаева, Е.В. Кабашову, Р.М. Валиахметова за помощь в реализации исследования; Ж.Т. Тощенко за моральную и идейную поддержку.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Баймурзина Г.Р., 2021 – кандидат экономических наук, директор Башкирского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, 450005, Российская Федерация, г. Уфа, ул. 50-летия Октября 20/1.

SCIENTIFIC ARTICLE

G.R. Baimurzina

Bashkir Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
Ufa, Russian Federation
E-mail: guzrim@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1844-2689>

The quality of employment in the assessments the regional labor market participants

Abstract: the article describes the results of the sociological study “Quality of employment and human development”, implemented in the Republic of Bashkortostan in October-December 2020. The qualitative characteristics of the socio-labor sphere of the region are analyzed: access to employment, working conditions, guarantees of labor standards and human rights, opportunities for development and self-realization, productivity and economic efficiency. The views and assessments of key subjects of the labor market are shown: employers, self-employed and employees; the impact of the pandemic on the situation and social well-being of employees; the extent of the prevalence of certain signs of precarious labor in Bashkortostan. The results of the study showed that the Republic of Bashkortostan has not remained aloof from global and national transformations in the field of labor and the trends of increasing unstable, unstable and unprotected jobs and labor relations. Differences in the perception of the sphere of work by employers and other social groups are revealed. At the same time, all social groups, including employers, are in solidarity with the fact that it is currently difficult to find a stable / reliable job with a decent salary, as well as with the fact that the development of an employee is, first of all, his / her own prerogative. Such a public consensus in the assessments of the sphere of work indicates the existence of deep gaps in ensuring the quality of employment and social and labor guarantees. For example, more than a quarter of the surveyed employees do not believe that an employee has the opportunity to defend his / her rights and interests in conflicts with the employer. Violation of the fundamental rights of employees, in our opinion, is dissonant with the main principle of social and economic progress of society and is a significant deterrent to the implementation of Russia’s strategic goals and objectives.

Key words: employment; quality of employment; job quality; decent work; precarious work; labor market; region.

Citation: Baimurzina, G.R. (2021), The quality of employment in the assessments the regional labor market participants, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 1, no. 4, pp. 82–94, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-4-82-94>.

Acknowledgments: the author expresses gratitude to the Russian Foundation for Basic Research for supporting the project № 20-011-00934 «Human development under the conditions of socio-labour precarization», within which this research was carried out; the colleagues Turakaev M.S., Kabashova E.V., Valiakhmetov R.M. for the assistance in the research implementation.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© **Baimurzina G.R., 2021** – Candidate of Economic Sciences, Director of Bashkir Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, 20/1, Ulitsa Piatidesiatiletiya Oktiabria (Street named after the Fiftieth Anniversary of the Russian Revolution of October 1917), Ufa, 450005, Russian Federation.

Занятость населения является одной из центральных проблем современного человечества. Занятость – социальный институт, в котором реализуется потенциал индивида, полученный им в ходе воспитания в семье, обучения в школе и профессиональных образовательных учреждениях, определяется место человека в социуме. От эффективности занятости зависит положение общества в глобальной экономической иерархии. Понимание значения этого фактора в социально-экономическом прогрессе стало основой социальной и экономической политики Европейского союза (Лиссабонская стратегия роста и занятости 2000–2010 гг., Стратегия «Европа – 2020», План работы Генерального директората по занятости, социальным вопросам и интеграции на 2020 г.) (Europe 2020. A European strategy for smart, sustainable and inclusive growth 2010; Management Plan 2020).

Современная сфера труда и занятости как в России, так и во всем мире претерпевает глубокие трансформации, связанные с разворачиванием IV

промышленной революции, глобализацией производственных процессов и отношений, которые усиливают, с одной стороны, взаимосвязанность и взаимозависимость глобальных и региональных рынков труда, а с другой – тенденцию на индивидуализацию трудовых отношений. Во многом эти изменения стали причинами роста нестабильной и неустойчивой занятости в современном мире, поскольку труд все большего числа работников «теряет привычную институциональную защиту и становится все более зависимым от индивидуальных условий сделок» (Голенкова и др. 2017, с. 48). Многие классические индикаторы рынка труда сегодня перестали отражать действительность, ряд социально-трудовых стандартов требует совершенствования.

Кроме того, современные исследователи отмечают, что «общество становится все более трудоцентричным»; для многих занятость становится «центральной жизненной категорией», а «корпорации изобретают новые техники воздействия на

человека с целью заставить человека посвящать всего себя работе» (Сидорина 2020, с. 286–287). Одним из индикаторов, подтверждающих эту мысль, является рост общего числа отработанных часов в неделю в расчете на одного человека в возрасте 15–64 лет в группе стран с высокими и высокими средними доходами (Россия входит в группу стран с высокими средними доходами). В России, по данным исследований под руководством Ж.Т. Тощенко, практически каждый второй занятый работал более 8 часов в день, при этом каждый пятый боялся потерять свою работу (Тощенко 2021, с. 41). Н.Е. Тихонова отмечает, что «в связи с умножением многообразия форм трудовых отношений, ослаблением позиций на рынке труда у большинства работников и широким распространением прекарной занятости» выросла роль «характера занятости в определении места человека в стратификационной системе» (Тихонова 2021, с. 25).

А. Калберг во введении в работу «Прекарные жизни. Неустойчивая занятость и благосостояние в богатых демократических государствах» [перевод названия книги мой] приводит цифры, характеризующие масштабы проблемы в развитых странах. К примеру, данные Института Гэллага показали, что в США в 2013 г. доля занятых, испытывающих страх потерять работу, выросла вдвое по сравнению с 2008 г. и составила около трети опрошенных. Исследования Л. Альдерман выявили, что более 40 % молодых европейцев не могут выбраться из ловушки малооплачиваемых, временных рабочих мест и испытывают чувства социальной исключенности, стресса, депрессии, сомневаются в собственных силах, не уверены в будущем (Kalleberg 2018, p. 1).

Обеспокоенность этими изменениями и современной ситуацией в сфере труда отразилась в инициации масштабных экспертных обсуждений на всех уровнях (глобальном, национальном, региональном) для поиска новых механизмов обеспечения качества занятости. В частности, Международной организацией труда (МОТ) еще в 2017 году были инициированы глобальные консультации с трехсторонними партнерами стран-участниц по поводу фундаментальных изменений и будущего сферы труда, результаты которых опубликованы в Докладе глобальной комиссии МОТ по вопросам будущего сферы труда в 2019 г. и Декларации столетия МОТ о будущем сферы труда (Работать ради лучшего будущего 2019; Декларация столетия МОТ о будущем сферы труда 2019). Решались и ставились новые задачи методологического характера по оценке нестандартных форм занятости (Conceptual Framework for Statistics on Work Relationships 2020), волонтерского труда, неформальной экономики (Draft Resolution concerning Statistics on the Informal Economy 2021) и др.; уточнялись понятия и статистические показатели, обсуждались инновационные

методы сбора статистики в сфере труда и занятости и т.д. В начале июля 2020 г. организован Глобальный саммит МОТ «COVID-19 и сфера труда».

В декабре 2020 года принята Программа сотрудничества между Российской Федерацией и Международной организацией труда на 2021–2024 гг. В программе актуализированы направления работы по реализации принципов достойного труда в России с учетом рекомендаций глобальной комиссии МОТ, разработанных на основе диалогов столетия в 2017–2019 гг., а также глобальной эпидемиологической ситуации 2020 г., которая внесла новые коррективы в восприятие ключевых характеристик занятости и рабочего места, безопасности труда, стабильности трудовых отношений и других аспектов, связанных с работой (Российской Федерацией и Международной организации труда на 2021–2024 гг. 2020).

Целью данной статьи является описание качественных характеристик социально-трудовой сферы региона через призму взглядов ее непосредственных участников (наемных работников, самозанятых, работодателей, неработающих лиц) на примере одного из субъектов Российской Федерации – Республики Башкортостан.

Эмпирическая база и методология

Проблемное поле качества занятости / quality of employment (Davoine, Erhel 2006; Roopali 2004, Handbook on measuring quality of employment 2015) во многом пересекается с концепциями качества трудовой жизни / quality of working life (Санкова, Павлова, Есипов 2012; Белехова, Бабиц, Чекмарева 2017), качества рабочих мест / job quality (Huneus, Landerretche and Puentes, 2012; Токсанбаева, 2014), достойного труда / decent work (Bonnet, Figueiredo, Standing 2003; Ghai 2003, Баймурзина, Валиахметов, Колосова 2011), удовлетворенности трудом / job satisfaction (Ahn, García 2004; Здравомыслов, Ядов 2003; Устинова, Гордиевская, 2019) в противоположном значении – с концепциями неустойчивой занятости / job insecurity (Бобков, Квачев, Локтюхина 2016), прекарного труда / precarious work (Standing 2011; Тощенко 2018) и рядом других концепций и теорий (Татарова, Бессокирная, Кученкова 2021). Все эти категории многокритериальны, многоуровневые и сложносоставны, что, кроме всего прочего, обуславливает разнообразие подходов к их определению, измерению и оценке. Не увлекаясь разграничением и описанием эволюции этих подходов, отметим, что под качеством занятости в данной работе понимается интегральная характеристика социально-трудовой сферы в широком контексте: доступа к занятости, условий труда, гарантий обеспечения трудовых (и человеческих) прав, возможностей для развития и самореализации, продуктивности и экономической эффективности.

Эмпирическую базу составили данные социологического исследования «Качество занятости и человеческое развитие» (сроки полевых работ: октябрь–декабрь 2020 г.), построенного на методологических основаниях, отмеченных выше концепций, а также в контексте проблематики социального благополучия и возможностей для развития и реализации человеческого потенциала (Качество занятости и человеческое развитие. Население 2020; Качество занятости и человеческое развитие. Самозанятые и работодатели 2020).

Выборка исследования (N=1566 респондентов) воспроизводит структуру взрослого населения Республики Башкортостан от 18 лет и старше по типу поселения, полу, возрасту, образованию и социально-трудовому статусу (занятое, незанятое население). В структуре основной выборки доля наемных работников составила 57,3 % (898 человек), незанятых трудовой деятельностью – 32,9 % (515 человек), работающих не по найму – 9,8 % (153 человека). В числе работающих не по найму 7 % от общей выборки (111 человек) – самозанятые, не имеющие наемных работников; 2,7 % (42 человека) – работодатели. В целях сравнительного анализа социальных групп, различающихся по социально-трудовому статусу, подвыборки самозанятых (405 человек, стихийным методом) и работодателей (104 организации малого, среднего и крупного бизнеса) были расширены. К самозанятым отнесены лица, которые заняты трудовой деятельностью, но не являются наемными работниками и не имеют наемных работников; самостоятельно реализуют товары/услуги, произведенные собственными силами; могут включать занятых как в формальном (зарегистрированные индивидуальные предприниматели, плательщики «налога на профессиональный доход», члены производственных кооперативов), так и в неформальном секторе экономики.

Результаты

В контексте оценки качества занятости важно измерять не только доступ к занятости (количество вакансий на рынке труда), но и качество предлагаемых рабочих мест (стабильность, надежность, достойные условия и оплата труда, соответствие полученному образованию и т.д.). Наше исследование показало, что надежность, достойную заработную плату и хороший социальный пакет считают редкостью как минимум треть наемных работников. Почти половина считает, что сейчас трудно найти работу по специальности. Стабильность и достойный уровень заработной платы являются труднодоступными характеристиками рабочих мест для приблизительно 40 % работающего и неработающего населения. Высокая доля согласных с этими утверждениями работодателей (более 20 %) свидетельствует о серьезности проблемы (рис. 1).

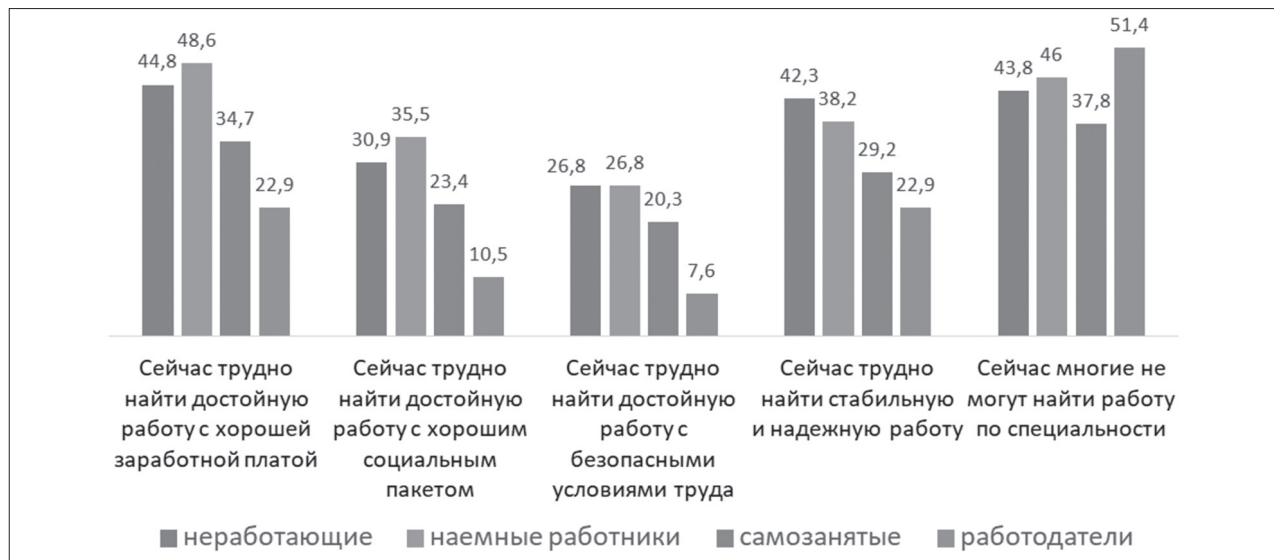

Рис. 1. Суждения различных социальных групп о качестве рабочих мест в регионе, доля полностью согласных с утверждениями в %
 Pic. 1. Opinions of different social groups regarding the region working places, proportion of those who absolutely agree with the statements is provided in %

Наемные работники, неработающее население, самозанятые и работодатели в целом согласны с тем, что современные работодатели мало заботятся о работнике и не особенно заинтересованы в его личностном развитии. Вместе с тем существенные различия в суждениях проявляются по трем остальным вопросам и особенно относительно со-

блюдения прав работающего населения. Так, с тем, что права работающего населения практически нигде не соблюдаются, согласились только 5,7 % работодателей, а среди наемных работников их доля составила почти 25 %. Работодатели также более чем вдвое реже отмечают распространение неформальной занятости (рис. 2).

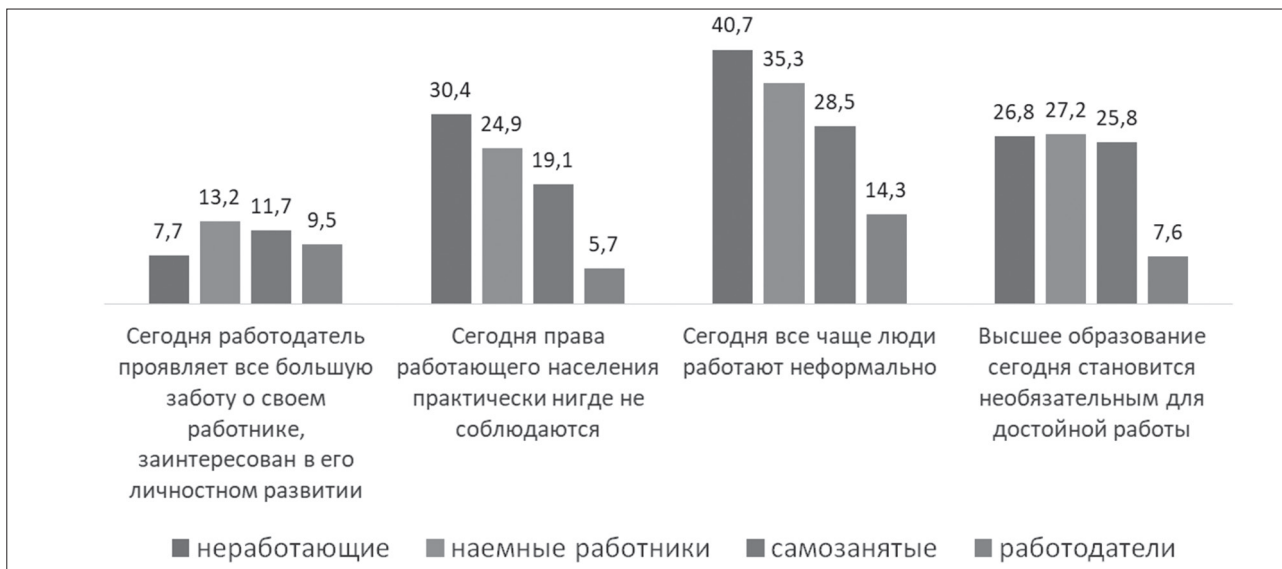

Рис. 2. Суждения различных социальных групп о современной ситуации на рынке труда республики, доля полностью согласных с утверждениями в %
 Pic. 2. Opinions of different social groups regarding the present-day situation at the republic labor market, proportion of those who absolutely agree with the statements is provided in %

Тревожно, что во всех социальных группах, кроме работодателей, довольно распространенным является мнение о снижении ценности высшего образования в обеспечении достойной занятости, хотя, возможно, что респонденты здесь больше отражают мнение о формальном образовании.

Работодатели, в свою очередь, заметно обеспокоены проблемой кадрового обеспечения своих организаций. Полагаем, что, отмечая проблему «дефицита кадров», работодатели подразумевают

сложность подбора персонала, имеющего специальную (профессиональную) подготовку. Так, в списке наиболее острых проблем для организаций, руководимых респондентами, дефицит кадров занимает вторую позицию (17,4 % выбрали этот ответ). Кроме того, на проблемы несоответствия квалификации работников требованиям выполняемой работы и дефицита средств для обучения работников указали еще 10,3 % работодателей (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Какие из перечисленных ниже проблем сейчас являются наиболее острыми для Вашего предприятия / организации?», % выбравших данный вариант ответа

Table 1

Classification of the answers concerning the question “Which of the below-mentioned problems do you consider to be the most vital for your enterprise / organization?”, % of people who have chosen the present variant of an answer

Проблема	% выбравших данный вариант ответа
Высокий уровень налогов и обязательных платежей предприятия/организации	23,1
Дефицит кадров	17,4
Стареющее оборудование, основные фонды, технологии	10,3
Трудности со сбытом продукции/услуг	10
Недостаток оборотных средств	9,6
Низкая зарплата большинства работников	9,3
Несоответствие квалификации работников требованиям выполняемой работы, должностным обязанностям	7,1
Недостаток (отсутствие) средств для социальной поддержки работников, для содержания объектов социальной сферы	4,3
Недостаток средств для финансирования расходов на обучение работников	3,2
Неплатежи по расчетам с поставщиками, с потребителями, неплатежи в бюджет	2,8
Недостаток (отсутствие) средств для содержания объектов социальной сферы	2,5
Неудовлетворительное состояние техники безопасности	0,4
Итого	100

Примечание: вопрос задавался только работодателям.

Дефицит возможностей для получения необходимого образования и своевременного обновления навыков и знаний некоторые авторы справедливо относят к факторам неустойчивой занятости. Развитие систем непрерывного образования является также одним из ключевых направлений работы в обновленной глобальной повестке МОТ, а также в Программе сотрудничества между Российской Федерацией и Международной организацией труда на 2021–2024 гг.

Этот вопрос связан также с проблемами структурного дисбаланса и доступа к достойной занятости в соответствии с выбранным направлением профессионального и карьерного роста. Согласно социологическим оценкам в Башкортостане в 2020 году трудились по полученной или смежной специальности около 55,5 % наемных работников, совсем по другой специальности – 36,8 %, без специального образования – около 6,7 %. Безус-

ловно, эти данные отражают и переходные процессы в гармонизации рынков труда с системами образования, которые вслед за фундаментальными трансформациями в мире технологий и труда нуждаются в обновлении и адаптации к реальным потребностям экономики; и рост многообразия видов трудовой деятельности.

Вместе с тем данные исследования позволяют все же констатировать, что в обществе имеется запрос на развитие непрерывного образования, которое является ключевым фактором поддержания конкурентоспособности и адаптации работающего населения к меняющимся условиям труда. Даже в более зрелой возрастной группе более четверти опрошенных наемных работников считают свой уровень образования недостаточным. Вместе с тем вопреки общему мнению о высоком уровне образования молодежи, именно они чаще заявляют о недостаточном уровне образования (рис.3).

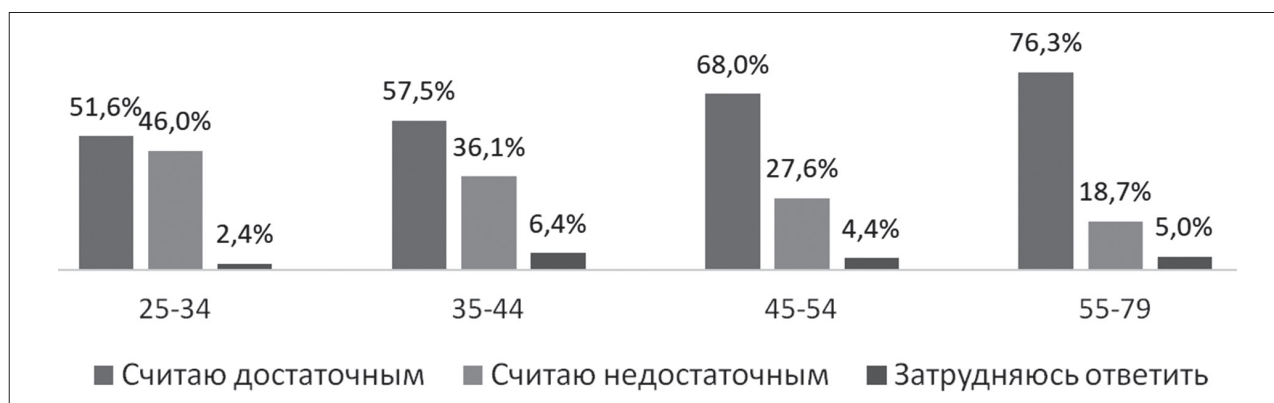

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Вы считаете имеющийся у Вас уровень образования достаточным или недостаточным для себя?» по возрастным группам населения, %

Pic. 3. Classification of the answers concerning the question “Do you consider your educational level to be adequate or inadequate for yourself?” in accordance with the age-groups of the population, %

Данные Комплексного наблюдения условий жизни населения Росстата за 2020 г. (КОУЖ) показали схожие результаты: о потребности в получении знаний в области информационных технологий заявило более трети работающего населения (от 17 % до 52 % в зависимости от региона). При этом более высокий спрос на приобретение цифровых компетенций отмечается у молодых групп, а у лиц старше 55 лет он заметно ниже. Последнее указывает на меньший адаптационный потенциал населения старших возрастных групп, что в условиях повышения пенсионного возраста и сокращения численности населения трудоспособного возраста также является вызовом для рынков труда и социальной политики государства.

В ходе опроса населения респондентов просили оценить их материальное положение по состоянию на период до распространения коронавирусной инфекции в 2020 г. Согласно этим данным, уровень субъективной бедности (сумма долей ответивших, что им «денег не хватает даже на питание»; «де-

нег хватает на питание, но покупка одежды и обуви вызывает затруднения») наемных работников составил 19,2 %. Сравнение субъективных оценок материального благополучия с показателями 2007 г. и 2015 г. показывает положительные тенденции: снижение доли малообеспеченных и рост доли средне- и высокообеспеченных слоев населения. Вместе с тем тревожной является тенденция более быстрых темпов роста благополучия у лиц с невысоким уровнем образования, в то время как удельный вес лиц с высшим уровнем образования среди высокообеспеченных даже снизился (табл. 2).

Это свидетельствует о разрыве связи между уровнем образования и материального достатка. Имеются основания полагать, что на рынке труда региона нарушается принцип справедливости оплаты труда, согласно которому более квалифицированный (сложный) труд должен стоить дороже. Эти выводы подтверждаются также отсутствием связи между уровнем образования респондента и его уверенностью в будущем.

Таблица 2

Субъективная оценка материального положения населением Башкортостана в зависимости от уровня образования в 2007*, 2015, 2020*** гг. (%)**

Table 2

Subjective evaluation of the financial position of Bashkortostan population depending of the educational level in 2007* , 2015 , 2020*** (%)**

Уровень образования	год	Уровень материального достатка			
		Мало-обеспеченные	Средне-обеспеченные	Высоко-обеспеченные	Всего
Среднее полное и ниже	2007	47,6	49,4	3	100
	2015	34,3	54,4	11,3	100
	2020	21,3	53,8	17,2	100
Среднее специальное	2007	28,1	64,7	7,2	100
	2015	32,3	56,7	11	100
	2020	21,2	59,3	16,7	100
Высшее	2007	20,6	63,5	15,9	100
	2015	18,9	62,3	18,8	100
	2020	17,5	66	14	100
Всего	2007	30,2	61,5	8,3	100
	2015	28,8	58	13,2	100
	2020	19,8	60,6	14,3	100

* Социологическое исследование «Развитие человеческого потенциала в Республике Башкортостан». Институт социально-политических и правовых исследований Республики Башкортостан (ИСППИ РБ), 2007 г. Объект исследования – население старше 18 лет. Общий объём выборки – 3000 человек.

** Социологическое исследование «Стратегия социально-экономического развития Республики Башкортостан». Министерство экономического развития Республики Башкортостан, Башкирский филиал Института социологии РАН, Институт социально-политических и правовых исследований Республики Башкортостан, 2015. Объект исследования – население РБ в возрасте от 18 до 75 лет. Общий объём выборки – 6300 человек.

*** Социологическое исследование «Качество занятости и человеческое развитие», см. описание в разделе статьи «Эмпирическая база и методология».

СОЦИОЛОГИЯ

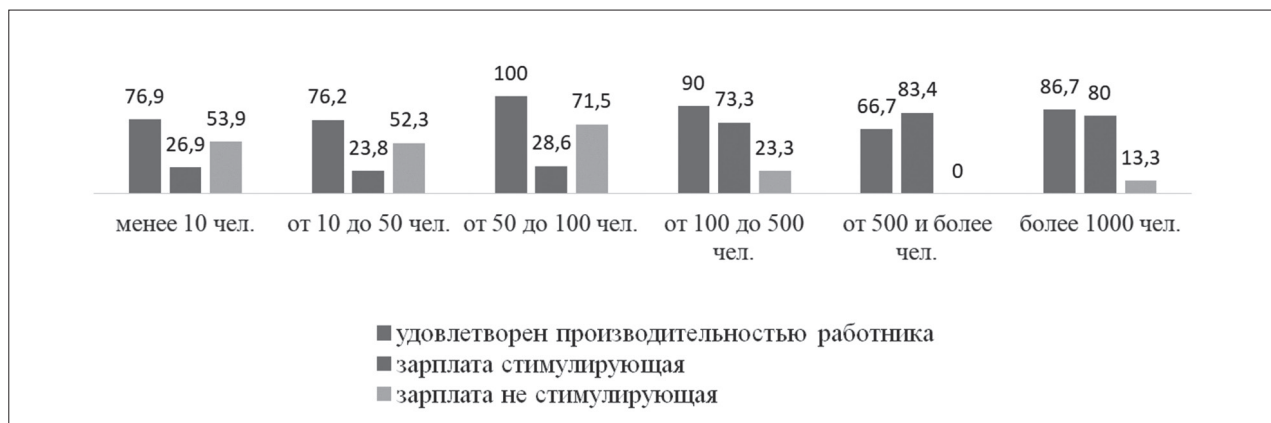

Рис. 4. Удовлетворенность работодателей производительностью труда и мнение о стимулирующем эффекте размера заработной платы на производительность труда работников, % положительных ответов
 Pic. 4. Employers' satisfaction with workforce productivity and the opinion regarding carrying out the stimulating effect of wage rate on the productivity of employees, % of the affirmative answers

Опрос работодателей показал, что в целом, независимо от размера предприятия, они удовлетворены производительностью труда работников. А на вопрос о том, побуждает ли существующий размер оплаты труда на предприятии работать сотрудников эффективно, повышать производительность труда, представители крупного бизнеса от-

ветили иначе, чем средних и малых. По-видимому, малым и средним организациям сложнее обеспечивать оптимальный уровень оплаты труда: более половины работодателей признались в том, что заработная плата на их предприятии не побуждает работников к эффективному труду. И напротив, на крупных предприятиях республики заработная

плата, по мнению работодателей, стимулирует хорошую производительность труда.

Исследование выявило, что к концу первого года пандемии около 8,1 % работников были отправлены в неоплачиваемые отпуска из-за коронавируса, около 7,5 % – были уволены. Примерно 13,6 % наемных работников были полностью переведены на дистанционный режим работы, по необходимости в удаленном режиме трудились 26,7 %, продолжали работать как прежде 44,5 %.

Работодателям были заданы вопросы о негативных для наемных работников фактах на рабочем месте. Очевидно, что большинство руководителей предприятий предпочло не отвечать на вопрос.

Вместе с тем важным является то, что некоторые из них все же зафиксировали наличие нарушений трудовых норм (табл. 3). Из представленных цифр заметно выделяется показатель неоплачиваемой сверхурочной работы, что может быть свидетельством эксплуатации работника в условиях возросшей нестабильности на рынке труда. Большинство работодателей также признало, что их сотрудникам в течение месяца предыдущего опросу приходилось задерживаться на работе (70 % работодателей), выходить на работу в выходные (60 %), брать работу на дом (20 %). В целом, по основной выборке (население в целом) доля работающих более 48 часов в неделю составила 23,5 %.

Таблица 3

Меры, которые приходилось применять работодателям за 12 месяцев, предшествующих опросу, % ответивших

Table 3

Measures that are to applied by the employers for the 12 months prior to the questioning / poll, % of those who have answered

Меры	Да	Нет	Затрудняюсь ответить	Всего
Работники находились в неоплачиваемом отпуске (в том числе из-за простоя предприятия)	14,3	29,5	56,2	100,0
Задерживалась заработная плата	11,4	6,7	81,9	100,0
Работали сверхурочно без оплаты	19,0	7,6	73,3	100,0
Зарплата выплачивалась не полностью	3,8	7,6	88,6	100,0
Зарплата выдавалась товарами, продукцией	7,6	1,9	90,5	100,0
Зарплата или ее часть выдавалась не через кассу или банк, а наличными в руки	10,5	5,7	83,8	100,0

Ответы наемных работников показывают, что эти нарушения заметно усугубились в условиях пандемии коронавируса. Особенно это проявилось в отправлении работников в вынужденные неоплачиваемые отпуска, в задержках или непол-

ной выплате заработных плат. Вместе с тем сверхурочный труд и неформальные практики оплаты труда были довольно распространенными явлениями и до этого периода (табл. 4).

Таблица 4

Ситуации, с которыми приходилось сталкиваться наемным работникам за 12 месяцев, предшествующих опросу, % ответивших

Table 4

Situations the employees are to face for the 12 months prior to the questioning / poll, % of those who have answered

	Не связано с пандемией коронавируса, так было и до нее	Связано с пандемией коронавируса	Не сталкивался (лась)	Затрудняюсь ответить	Всего
Работников отправляли в неоплачиваемый отпуск (в том числе из-за простоя предприятия)	6,9	18,6	65,8	8,7	100,0
Задерживалась заработная плата	8,2	11,0	73,0	7,7	100,0
Работали сверхурочно без оплаты	13,8	7,5	69,6	9,1	100,0
Зарплата выплачивалась не полностью	8,3	11,4	71,4	8,9	100,0
Зарплата или ее часть выдавалась не через кассу или банк, а наличными в руки	11,3	4,6	74,1	10,0	100,0

Нарушение трудовых норм и стандартов является следствием ослабления их регулирующей роли, снижения роли и охвата работников профсоюзным движением, коллективными договорами, отхода от стандартных трудовых отношений и сокращения числа работников организаций. Так, например, согласно данным Росстата за 2005–2019 гг., численность работников организаций снизилась на 9 %, несмотря на рост общей численности занятых в экономике на 6 %. Это, на наш взгляд, свидетельствует о замещении формальных рабочих мест

неформальными (данные о распределении среднегодовой численности работников организаций по формам собственности в стат. сборнике «Регионы России. Социально-экономические показатели». Росстат. 2020. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_14p/Main.htm (дата обращения 30.10.2021)). По данным ВЦИОМ, около 17 % работающего населения по-прежнему целиком или частично получают заработную плату в конверте (Социодиггер 2020). Такие же результаты мы получили и по итогам нашего исследования (таблица 5).

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос «Как Вы думаете, какую часть зарплаты работники Вашей организации получают неофициально, «не через кассу», а наличными, в руки – «в конверте»?»

Table 5

Classification of the answers while answering the question “What’s your opinion, which part of the wages the employees of your organization receive officially, and which part – unofficially, the so-called hidden or backdoor salary?”

	Частота	Проценты	Процент допустимых	Накопленный процент
Полностью	35	3,9	4,0	4,0
Больше половины	53	5,9	6,0	10,0
Меньше половины	67	7,5	7,6	17,7
Не получают «в конверте», вся зарплата «белая»	578	64,4	65,8	83,5
Затрудняюсь ответить	145	16,1	16,5	100,0

На вопрос, испытывал ли работник лично чувство несправедливости и незащищенности на своей основной работе в течение 30 дней, предшествующих опросу, утвердительно ответили 38,1 % респондентов, из них у 7,7 % это чувство проявлялось постоянно, у 30,4 % возникало иногда. Значимая доля опрошенных (28,1 % ответивших) считает, что у работника нет возможности отстоять свои права и интересы в конфликтах с работодателем, и это в основном (на 84 %) люди, постоянно или время от времени испытывающие несправедливость и незащищенность на работе. При этом доля работников, ощущающих незащищенность, одинакова

как среди членов профсоюзных организаций, так и среди не состоящих в них. По данным исследования, в профсоюзах состоят 33,8 % наемных работников региона, 15,7 % отметили, что у них есть профсоюз, но они в нем не состоят, 44,6 % сказали, что у них нет профсоюзной организации, около 5 % затруднились ответить.

На общее социальное самочувствие, на наш взгляд, влияет и то, что человека окружает и как он это воспринимает. Левая сторона шкалы на рис. 5 отражает оценки населения распространенности негативных с точки зрения социального благополучия трудовых практик.

СОЦИОЛОГИЯ

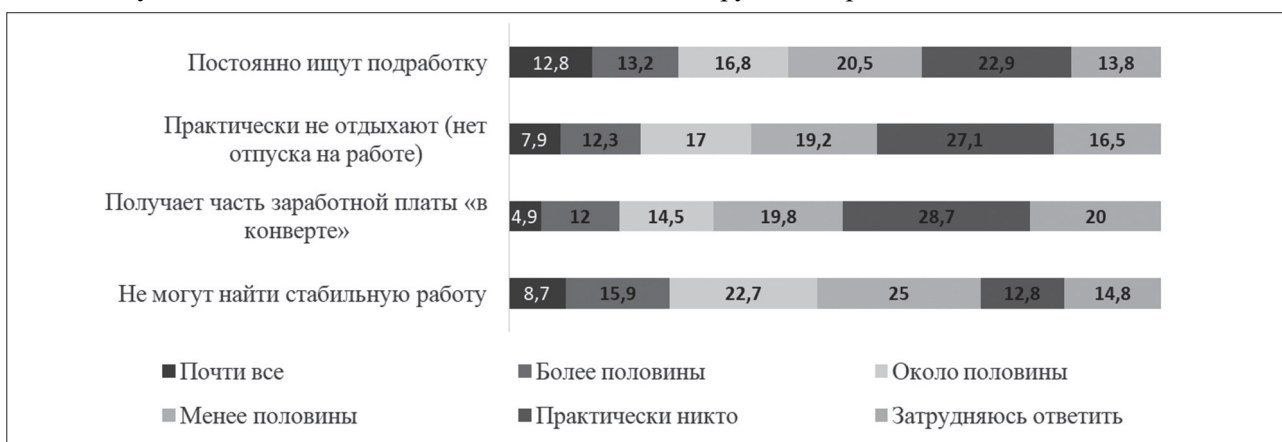

Рис. 5. Признаки precarious занятости в окружении респондента, 2020 год, %

Fig. 5. The characteristics of precarious employment within the communication circle of a respondent, year of 2020, %

Примечание: распределение ответов всех групп населения на вопрос: Как Вы думаете, какая часть Вашего окружения (знакомые, друзья, родственники) отвечает следующим критериям?

Рис. 5 показывает, что отдельные признаки прекарной (некачественной) занятости действительно являются распространенными, что детерминирует не только общественное мнение, но и снижает уровень притязаний при поиске и принятии предложения о работе.

Выводы

Анализ сферы труда и занятости в Республике Башкортостан показал, что для региона характерны многие актуальные проблемы, с которыми сталкиваются и развитые страны, и Россия – расширение неустойчивой занятости и прекарнизация труда и снижение социального благополучия и защищенности, как следствие. Так, восприятие рынка труда и социально-трудовой сферы в регионе не позволяет говорить об их качестве и эффективности.

Как и следовало ожидать, восприятие рынка труда существенно различается у работодателей и других социальных групп, но они часто солидарны с тем, что сейчас трудно найти стабильную / надежную работу с достойной заработной платой, а также с тем, что развитие сотрудника является, прежде всего, его собственной прерогативой.

Подтверждаются и негативные «трудоцентристские» тенденции, когда поиск дополнительной работы (возможности подработать), переработки и работа в ущерб здоровью становятся вариантом нормы и снижают в целом уровень притязаний к качеству рабочих мест. Исследование показало, что в условиях пандемии коронавирусной инфекции положение работающих людей еще более усугубилось: многие работники направлялись в вынужденные неоплачиваемые отпуска; у многих снижалась, задерживалась или неполностью выплачивалась заработная плата (работодатели даже отмечали случаи натуральной формы оплаты труда); выросла доля лиц, посвящающих работе более 48 часов в неделю.

Отмечаются противоположные тенденции сокращения численности крупных организаций, уровень гарантий трудовых прав в которых выше и тенденции роста занятости в микро-, малом и среднем бизнесе, в которых, как отмечают сами работодатели, сложнее выполнять требования трудового законодательства и обеспечивать заработную плату, стимулирующую работника повышать производительность труда.

Прослеживается запрос общества на непрерывное образование, при этом связь между уровнем образования и материальным благополучием становится слабее, что, на наш взгляд, отражает нарушение не только принципа справедливости вознаграждения за труд равной ценности; но и основного принципа социально-экономического прогресса. На наш взгляд, качество занятости и уровень социально-трудовых гарантий являются не только индикаторами благополучия в обществе, но и его ключевыми факторами.

Статья подготовлена по гранту РФФИ № 20-011-00934 «Развитие человеческого потенциала в условиях прекарнизации социально-трудовой сферы».

Библиографический список

Баймурзина Г.Р., Валиахметов Р.М., Колосова Р.П. Реализация принципов концепции Достойного труда в России: региональный аспект (на примере Республики Башкортостан): монография. Уфа: АНРБ, Гилем, 2012. 216 с.

Белехова Г.В., Бабич Л.В., Чекмарева Е.А. Теоретико-методологические аспекты исследования категории «качество трудовой жизни» [Электронный ресурс] // Социальное пространство. 2017. № 3. URL: <http://socialarea-journal.ru/article/2311> (дата обращения: 30.09.2021).

Бобков В.Н., Квачев В.Г., Локтюхина Н.В. Неустойчивая занятость: экономико-социологический генезис понятия // Вестник ВГУ. Серия: Экономика и управление. 2016. № 14. С. 81–86. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28320075> (дата обращения: 30.09.2021).

Декларация столетия МОТ о будущем сферы труда. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---relconf/documents/meetingdocument/wcms_715175.pdf (дата обращения: 30.09.2021).

Здравомыслов А.Г., Ядов В.А. Человек и его работа в СССР и после: учебное пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Аспект Пресс, 2003. 485 с.

Качество занятости и человеческое развитие. Население. / Г.Р. Баймурзина, С.Х. Кадыров, Т.С. Чуйкова [и др.]; Башкирский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, 2020. Свидетельство о регистрации базы данных № 2021620175 от 26.01.2021. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44758538> (дата обращения: 30.09.2021).

Качество занятости и человеческое развитие. Самозанятые и работодатели. / Г.Р. Баймурзина, С.Х. Кадыров, Т.С. Чуйкова [и др.]; Башкирский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, 2020. Свидетельство о регистрации базы данных № 2021620176 от 26.01.2021. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44758539> (дата обращения: 30.09.2021).

Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности. Под ред. Ж.Т. Тощенко. Москва: Издательство «Весь Мир», 2021. 400 с.

Программа сотрудничества между РФ и МОТ на 2021-2024 гг. URL: <https://mintrud.gov.ru/uploads/editor/bc/28/Программа%20сотрудничества%20между%20РФ%20и%20МОТ%202021-2024.%20RUS.%20FINAL.pdf> (дата обращения: 29.09.2021).

Работать ради лучшего будущего – Глобальная комиссия по вопросам будущего сферы труда.

Международное бюро труда. Женева: МБТ, 2019. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---cabinet/documents/publication/wcms_662472.pdf (дата обращения: 29.09.2021).

Санкова Л.В., Павлова Е.А., Есипов А.С. Достойный труд как новое измерение качества трудовой жизни: региональный аспект // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 1. С. 105–110. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18029096> (дата обращения: 29.09.2021).

Сидорина Т.Ю. Цивилизация труда: заметки социального теоретика. Санкт-Петербург: Алетейя, 2020. 400 с.

Социальное пространство российских регионов: [монография] / [З.Т. Голенкова и др.]; отв. ред. З.Т. Голенкова. Институт социологии РАН. Москва: ИС РАН, 2017. 256 с.

Социодиггер. 2020. Август. Том 1. Выпуск 1: Труд и занятость. С. 29. URL: <https://sociodigger.ru/3d-flip-book/2020vol1-1/> (дата обращения 30.09.2021).

Татарова Г.Г., Бессокирная Г.П., Кученкова А.В. Субъективное благополучие на работе: исследовательские практики социологического измерения // Социологические исследования. 2021. № 10. С. 37–49. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250015546-3>.

Тихонова Н.Е. Трансформации социальной структуры российского общества: конец 1980-х – конец 2010-х гг. // Социологические исследования. 2021. Том 47. №8. С. 22–32. DOI: [10.31857/S013216250014308-1](https://doi.org/10.31857/S013216250014308-1).

Токсанбаева, М.С. Особенности воспроизводства трудовых ресурсов и качество рабочих мест // Вопросы статистики. 2014. № 9. С. 32–35. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21971318> (дата обращения 30.10.2021).

Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу: монография. Институт социологии ФНИСЦ РАН, РГГУ. Москва: Наука, 2018. 350 с.

Устинова К.А., Гордиевская А. Н. Удовлетворенность работой и параметры, ее определяющие // Проблемы прогнозирования. 2019. № 1 (172). С. 123–130. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39215464> (дата обращения 30.09.2021).

Ahn, N. and García, J.R. (2004), Job Satisfaction in Europe, *FEDEA Working Paper*, no. 2004–16. Madrid: Fundación de Estudios de Economía Aplicada, [Online], available at: <https://documentos.fedea.net/pubs/dt/2004/dt-2004-16.pdf> (Accessed 29 September 2021).

Bonnet, F., Figueiredo, J. and Standing, G. (2003), A family of decent work indexes, *International Labour Review*, vol. 142, no. 2, pp. 213–218.

Conceptual Framework for Statistics on Work Relationships (2020), *International Labor Organization*, [Online], available at: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---stat/documents/publication/wcms_746768.pdf (Accessed 29 September 2021).

Davoine, L. and Erhel, C. (2006), *Monitoring Employment Quality in Europe: European Employment Strategy Indicators and Beyond*, Centre d'études de l'emploi, Paris, University Paris 1 et CNRS, [Online], available at: <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-00272015/document> (Accessed 29 September 2021).

Draft Resolution concerning Statistics on the Informal Economy (2021), *International Labor Organization*, [Online], available at: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---stat/documents/publication/wcms_826273.pdf (Accessed 29 September 2021).

Europe 2020. A European strategy for smart, sustainable and inclusive growth (2010), [Online], available at: <https://ec.europa.eu/eu2020/pdf/COMPLETE%20EN%20BARROSO%20%20%20007%20-%20Europe%202020%20-%20EN%20version.pdf> (Accessed 30 September 2021).

Ghai, D. (2003), Decent work: Concept and indicators, *International Labor Review*, vol. 142, no. 2, pp. 113–145.

Handbook on Measuring Quality of Employment: A Statistical Framework (2015), United Nations Economic Commission For Europe, New York, Geneva, [Online], available at: https://unece.org/fileadmin/DAM/stats/documents/ece/ces/2015/4_Add.2_Rev1_Guidelines_on_QoEmployment.pdf (Accessed 30 September 2021).

Huneus, F., Landerretche, O. and Puentes, E. (2012), Multidimensional Measure of Job Quality: Persistence and Heterogeneity in a Developing Country, *Serie Documentos de trabajo*, no. 357, Departamento de Economía, Universidad de Chile, [Online], available at: https://www.researchgate.net/publication/265151758_Multidimensional_measure_of_job_quality_Persistence_and_heterogeneity_in_a_developing_country (Accessed 30 September 2021).

Roopali, J. (2005), *Work Values and the Quality of Employment: A Literature Review*, [Online], available at: <https://thehub.swa.govt.nz/assets/documents/Work%20values%20and%20the%20quality%20of%20employment,%20a%20literature%20review.pdf> (Accessed 30 September 2021).

Kalleberg, A.L. (2018), *Precarious lives. Job insecurity and well-being in Rich Democracies*, Cambridge, UK; Medford, MA: Polity Press.

Management Plan 2020. DG Employment, Social Affairs and Inclusion (2020), [Online], available at: https://ec.europa.eu/info/system/files/management-plan-empl-2020_en.pdf (Accessed 30 September 2021).

Standing, G. (2011), *The Precariat: The New Dangerous Class*, London; New York, Bloomsbury Academic.

References

- Baimurzina, G.R., Valiahmetov, R.M., Kolosova, R.P. (2012), *Realization of decent work concept principles in Russia: regional aspect (on the example of the Republic of Bashkortostan): monograph*, ANRB, Gilem, Ufa, Russia, (In Russ.)
- Belehova, G.V., Babich, L.V., Chekmareva, E.A. (2017), Theoretical And Methodological Foundations Of The Study Of The Category «Quality Of Working Life», *Social area*, no 3, [Online], available at: <http://socialarea-journal.ru/article/2311> (Accessed 30 September 2021), (In Russ.)
- Bobkov, V.N., Kvachev, V.G., Loktjuhina, N.V. (2016), Unstable employment: the economic and sociological genesis of the concept, *Proceedings of Voronezh State University. Series: Economics and Management*, no. 14, pp. 81–86, [Online], available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28320075> (Accessed 30 September 2021), (In Russ.)
- Centenary Declaration for the Future of Work*. [Online], available at: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---relconf/documents/meetingdocument/wcms_715175.pdf (Accessed 30 September 2021), (In Russ.)
- Zdravomyslov, A.G. and Jadov, V.A. (2003), *A man and his work in the USSR and after: a textbook for universities*, 2nd ed., corrected and added, Aspect Press, Moscow, Russia, (In Russ.)
- Bajmurzina, G.R., Kadyrov, S.H., Chujkova, T.S. et al. (2020), *Quality of employment and human development. Population*, Bashkir Branch of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Certificate of registration of the database No. 2021620175 dated 26.01.2021, [Online], available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44758538> (Accessed 30 September 2021), (In Russ.)
- Bajmurzina, G.R., Kadyrov, S.H., Chujkova, T.S. [et al.] (2020), *Quality of employment and human development. Self-employed and Employers*, Bashkir Branch of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Certificate of registration of the database No. 2021620176 dated 26.01.2021, [Online], available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44758539> (Accessed 30 September 2021), (In Russ.)
- Precarious Employment: Origins, Criteria, Features* (2021), Ed. by Zh.T. Toshhenko, «Ves' Mir» Publ, Moscow, Russia, (in Russ.)
- The program of cooperation between the Russian Federation and the ILO for 2021-2024*, [Online], available at: <https://mintrud.gov.ru/uploads/editor/bc/28/Программа%20сотрудничества%20между%20РФ%20и%20МОТ%202021-2024.%20RUS.%20FI-NAL.pdf> (Accessed 30 September 2021), (in Russ.)
- Work for a brighter future. Report of the Global Commission on the Future of Work*. International Labour Office (2019), Geneva: ILO, [Online], available at: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---cabinet/documents/publication/wcms_662472.pdf (Accessed 29 September 2021), (in Russ.)
- Sankova, L.V., Pavlova, E.A., Esipov, A.S. (2012), Decent work as a new dimension of quality of working life: regional aspect, *The Caspian region: politics, economics, culture*, no. 1, pp. 105–110, [Online], available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18029096> (Accessed 29 September 2021), (in Russ.)
- Sidorina, T.Ju. (2020), *The civilization of labor: notes of a social theorist*, Aleteya, Saint Petersburg, Russia, (in Russ.)
- Golenkova, Z.T. et al. (2017), *Social space of Russian regions: monograph*, IS RAS, Moscow, Russia, (in Russ.)
- Sociodigger* (2020), August. Vol. 1, Issue 1: Labor and Employment, p. 29, [Online], available at: <https://sociodigger.ru/3d-flip-book/2020vol1-1/> (Accessed 30 September 2021), (in Russ.)
- Tatarova, G.G., Bessokirnaja, G.P., Kuchenkova, A.V. (2021), Subjective well-being at work: research practices of sociological measurement, *Sociologicheskie issledovanija*, no. 10, pp. 37–49, DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250015546-3>, (in Russ.)
- Tihonova, N.E. (2021), Transformations of the social structure of Russian society: the end of the 1980s - the end of the 2010s, *Sociologicheskie issledovanija*, vol. 47, no. 8, pp. 22–32, DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250014308-1>. (in Russ.)
- Toksanbaeva, M.S. (2014), Features of reproduction of labor resources and the quality of workplaces, *Voprosy statistiki*, no. 9, pp. 32–35, [Online], available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21971318> (Accessed 30 September 2021), (in Rus.)
- Toshhenko, Zh.T. (2018), *Precariat: from Proletariat to a New Class, Monograph*, Nauka, Moscow, Russia, (in Russ.)
- Ustinova, K.A. and Gordievskaja, A.N. (2019), Job Satisfaction and Its Decisive Parameters, *Studies On Russian Economic Development*, vol. 30, no. 1, pp. 86–92, DOI: <https://doi.org/10.1134/S1075700719010143>, (in Russ.)
- Ahn, N. and García, J.R. (2004), Job Satisfaction in Europe, *FEDEA Working Paper*, no. 2004–16. Madrid: Fundación de Estudios de Economía Aplicada, [Online], available at: <https://documentos.fedea.net/pubs/dt/2004/dt-2004-16.pdf> (Accessed 29 September 2021).
- Bonnet, F., Figueiredo, J. and Standing, G. (2003), A family of decent work indexes, *International Labour Review*, vol. 142, no. 2, pp. 213–218.
- Conceptual Framework for Statistics on Work Relationships (2020), *International Labor Organization*, [Online], available at: <https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---stat/docu->

ments/publication/wcms_746768.pdf (Accessed 29 September 2021).

Davoine, L. and Erhel, C. (2006), *Monitoring Employment Quality in Europe: European Employment Strategy Indicators and Beyond*, Centre d'études de l'emploi, Paris, University Paris 1 et CNRS, [Online], available at: <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-00272015/document> (Accessed 29 September 2021).

Draft Resolution concerning Statistics on the Informal Economy (2021), International Labor Organization, [Online], available at: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---stat/documents/publication/wcms_826273.pdf (Accessed 29 September 2021).

Europe 2020. A European strategy for smart, sustainable and inclusive growth (2010), [Online], available at: <https://ec.europa.eu/eu2020/pdf/COMPLETE%20EN%20BARROSO%20%20%20007%20-%20Europe%202020%20-%20EN%20version.pdf> (Accessed 30 September 2021).

Ghai, D. (2003), Decent work: Concept and indicators, *International Labor Review*, vol. 142, no. 2, pp. 113–145.

Handbook on Measuring Quality of Employment: A Statistical Framework (2015), United Nations Economic Commission For Europe, New York, Geneva, [Online], available at: https://unece.org/fileadmin/DAM/stats/documents/ece/ces/2015/4_Add.2_Rev1_Guidelines_on_QoEmployment.pdf (Accessed 30 September 2021).

Huneus, F., Landerretche, O. and Puentes, E. (2012), Multidimensional Measure of Job Quality: Persistence and Heterogeneity in a Developing Country, *Serie Documentos de trabajo*, no. 357, Departamento de Economía, Universidad de Chile, [Online], available at: https://www.researchgate.net/publication/265151758_Multidimensional_measure_of_job_quality_Persistence_and_heterogeneity_in_a_developing_country (Accessed 30 September 2021).

Roopali, J. (2005), *Work Values and the Quality of Employment: A Literature Review*, [Online], available at: <https://thehub.swa.govt.nz/assets/documents/Work%20values%20and%20the%20quality%20of%20employment,%20a%20literature%20review.pdf> (Accessed 30 September 2021).

Kalleberg, A.L. (2018), *Precarious lives. Job insecurity and well-being in Rich Democracies*, Cambridge, UK; Medford, MA: Polity Press.

Management Plan 2020. DG Employment, Social Affairs and Inclusion (2020), [Online], available at: https://ec.europa.eu/info/system/files/management-plan-empl-2020_en.pdf (Accessed 30 September 2021).

Standing, G. (2011), *The Precariat: The New Dangerous Class*, London; New York, Bloomsbury Academic.

Submitted: 11.10.2021

Revised: 08.12.2021

Accepted: 21.12.2021

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 316.342.2

DOI: 10.18287/2782-2966-2021-1-4-95-113

Дата: поступления статьи: 19.10.2021
после рецензирования: 10.12.2021
принятия статьи: 21.12.2021

Т.А. Малыхина

Тюменский индустриальный университет,
г. Тюмень, Российская Федерация
E-mail: malihinaTanya@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4087-9024>

В.Ю. Бочаров

Самарский национальный исследовательский
университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: vlad.bocharov@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3915-2189>

Методология и методы социологического мониторинга сообществ рабочей молодежи в социальных сетях

Аннотация: статья посвящена обобщению накопленного нашей исследовательской группой опыта исследований виртуальных сообществ рабочей молодежи (2019–2021 гг.). Цель статьи состоит в необходимости сконструировать комплексную методологию социологического мониторинга социальных сетей рабочей молодежи. Основными исследовательскими задачами являлись: проанализировать современные подходы к проведению мониторинговых исследований, в т. ч. в сети интернет; исходя из методологии дискурс-анализа, рассмотреть применение методов частотного и нечастотного контент-анализа для обработки собранной информации в мониторинговом режиме; представить этапы мониторинга сообществ рабочей молодежи в социальных сетях на примере исследований, проведенных в рамках проекта «Жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса в современной России». В рамках эмпирического анализа данных подробно представлены результаты исследования виртуальных сообществ российской рабочей молодежи сферы клиентского сервиса в социальной сети «ВКонтакте», выполненные в 2021 году (6 виртуальных сообществ, 133 текстовых поста и наиболее популярные мемы). Отмечается устойчивость тематических категорий виртуального группового общения по сравнению с предыдущими исследованиями и наличие групповой идентичности у российской рабочей молодежи сферы сервисных услуг. Делаются выводы о предпочтительности неавтоматизированного подхода к сбору и анализу контента социальных сетей; об обоснованности использования методологии дискурс-анализа и методов контент-анализа для исследований молодежных социальных сетей в режиме социологического мониторинга.

Ключевые слова: мониторинг; социальная сеть; «ВКонтакте»; рабочая молодежь; сфера клиентского сервиса; дискурс-анализ; контент-анализ.

Цитирование: Малыхина Т.А., Бочаров В.Ю. Методология и методы социологического мониторинга сообществ рабочей молодежи в социальных сетях // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2021. Т. 1, № 4. С. 95–113. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-4-95-113>.

Благодарности: статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 17-78-20062 «Жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса в современной России».

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Малыхина Т.А., 2021 – специалист, Центр перспективных исследований и инновационных разработок, Тюменский индустриальный университет, Российская Федерация, 625000, г. Тюмень, ул. Володарского, 38; магистрант направления «Социальная аналитика новых медиа», 2 курс, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

© Бочаров В.Ю., 2021 – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и культурологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34; ассоциированный научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Российская Федерация, 190005, г. Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., 25/14; научный сотрудник, Центр перспективных иссле-

дований и инновационных разработок, Тюменский индустриальный университет, Российская Федерация, 625000, г. Тюмень, ул. Володарского, 38.

SCIENTIFIC ARTICLE

T.A. MalykhinaIndustrial University of Tyumen,
Tyumen, Russian Federation

E-mail: malihinaTanya@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4087-9024>**V.Yu. Bocharov**Samara National Research University,
Samara, Russian Federation

E-mail: vlad.bocharov@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3915-2189>

The methodology and methods of sociological monitoring of communities of working youth in social networks

Abstract: the article is devoted to the generalization of the experience accumulated by our research group in the research of virtual communities of the working youth (2019-2021). The purpose of the article is to construct a comprehensive methodology for the socio-logical monitoring of social networks of the working youth. The main research objectives were: to analyze modern approaches to conducting monitoring research (including on the Internet); based on the methodology of discourse analysis, to consider the use of methods of frequent and infrequent content analysis for processing the collected information in monitoring mode; to present the stages of monitoring communities of the working youth in social networks, using the example of research conducted within the framework of the project “Life strategies of young people referring to the new working class in modern Russia”. As a part of the empirical data analysis, the results of a study of virtual communities and social networks’ groups of the Russian working youth in the field of customer service in the VKontakte social network, carried out in 2021 (6 virtual communities, 133 text posts and the most popular memes) are presented in detail. The stability of thematic categories of virtual group communication in comparison with previous studies and the presence of group identity among Russian working youth referring to the custom service sphere. Conclusions are made regarding the preference of a non-automated approach to the collection and analysis of social network content; about the validity of using the methodology of discourse analysis and content analysis methods for the research of youth social networks in the mode of sociological monitoring.

Key words: monitoring; social network; “VKontakte”; working youth; custom service sphere; discourse analysis; content analysis.

Citation: Malykhina, T.A. and Bocharov, V.Yu. (2021), The methodology and methods of sociological monitoring of communities of working youth in social networks, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 1, no. 4, pp. 95–113, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-4-95-113>.

Acknowledgments: The article has been prepared with the support of the RSF (Russian Science Foundation) grant No. 17-78-20062 “Life strategies of young people of the new working class in modern Russia”.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© **Malykhina T.A., 2021** – specialist, The Center for Advanced Research and Innovation, Industrial University of Tyumen, 38, ul. Volodarskogo, Tyumen, 625000, Russian Federation; undergraduate, Master’s student of the direction “Social analytics of new media”, 2nd year, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

© **Bocharov V.Yu., 2021** – Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Department of Sociology and Cultural studies, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse, Samara, 443086, Russian Federation; associate research fellow, The Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, 25/14, 7-ya Krasnoarmeyskaya ul., St. Petersburg, 190005, Russian Federation; Scientific Researcher, The Center for Advanced Research and Innovation, Industrial University of Tyumen, 38, ul. Volodarskogo, Tyumen, 625000, Russian Federation.

Введение

В настоящее время социологические исследования в режиме мониторинга достаточно популярны и подходы к их осуществлению описаны в отечественной научной литературе. Как правило, под мониторинговым режимом исследования принято понимать постоянное (систематическое) наблюдение за каким-либо социальным процессом или явлением с целью выявления его соответствия желаемому результату или первоначальным характеристикам. Мониторинговые исследования рассматриваются авторами и как технология научного анализа (Халиков, Магомедов 2019), и как важная часть информационно-аналитического сопровождения организационной среды (Воловская, Плюснина 2018).

Сам термин «социологический мониторинг» в основном интерпретируется как форма проведения социологических исследований, обеспечивающая постоянное получение социологической информации о состоянии определенного социального процесса или социальной ситуации. Также обычно определяется несколько наиболее существенных показателей, отражающих состояние социальной среды, а затем методом повторных исследований регулярно (с определенными временными интервалами) проводятся их социологические замеры, что позволяет накапливать и анализировать информацию в динамике (Соколова 2003). Отметим, что именно в таком ключе проводились мониторинговые исследования, в которых принимали участие самарские социологи. Например, самарский мониторинг социально-трудовой сферы промышленности (Тукумцев 2001, с. 41–50), мониторинг социально-трудовой сферы сельского хозяйства (Боковенко и др. 2010), мониторинг наркоситуации (Баева, Бочаров и др. 2011). Лонгитюдный характер таких исследований и систематическая исследовательская работа позволяли говорить об обоснованности выполненного анализа и полученных выводов.

Важно сказать, что в прикладном плане мониторинговые исследования позволяют осуществлять не только систематическое наблюдение за социальными процессами или явлениями, но и оперативно выявлять негативные тенденции, способные привести к формированию и развитию очагов социальной напряженности, а также получать необходимую информацию для прогнозирования развития социальных процессов (Авдошина 2007) и принятию обоснованных управленческих решений (Бойков 2006).

Бурное развитие новых электронных медиа и социальных сетей обусловили внимание научного сообщества к проблеме организации мониторинговых исследований в интернет-пространстве, как новой виртуальной сфере социальных взаимодействий и групповой динамики, как специфическому

явлению организации общества и объекту управления (Винник 2012).

Как правило, до недавнего времени такие исследования сводились к ручному или автоматическому поиску упоминаний по определенной тематике в социальных сетях, блогах, на сайтах новых медиа. Относительно недавно появляются работы, в которых авторы стали концептуализировать исследовательский опыт, пытаться разрабатывать комплексный мониторинговый подход к анализу виртуальной сферы (Ярмак, Страшко, Шкайдерова 2020), в том числе опираясь на имеющийся опыт мониторинговых исследований, проведенных в «оффлайн»-среде.

Цель нашего исследования – описать методологию и методы социологического мониторинга сообществ рабочей молодежи в социальных сетях. Основными исследовательскими задачами являлись: проанализировать современные подходы к проведению мониторинговых исследований, в т. ч. в сети интернет; сформулировать цели и задачи мониторинга сообществ рабочей молодежи в социальных сетях, а также, исходя из методологии дискурс-анализа, обосновать методы, подходящие для анализа собранной информации (частотный и нечастотный контент-анализ); рассмотреть этапы мониторинга сообществ рабочей молодежи в социальных сетях на примере исследований, проведенных в рамках проекта «Жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса в современной России».

Мониторинговые исследования социальных сетей

Социальные сети довольно часто становятся объектами научных исследований, в которых авторы используют мониторинговый подход к анализу виртуального контента. В настоящее время исследователи выделяют как минимум три группы подходов к анализу виртуального пространства интернет: традиционные социологические и социально-антропологические методы, частично адаптированные для исследования интернет-пространства (1); автоматизированные методы и инструменты анализа социальных сетей (2); методы агрегирования разрозненной информации «Data Mining» (3). В то же время признается, что в социологических исследованиях социальных сетей наиболее часто применяется первый подход, опирающийся на методы, не требующие специализированного программного обеспечения. В таких социологических исследованиях, как правило, по заданному принципу отбираются единицы исследования в объеме, достаточном для получения научно-значимых результатов. При этом применение автоматизированных методов и инструментов сбора данных и мониторинга социальных сетей осуществляется чаще не социологами, а маркетологами.

логами и PR-специалистами (Биккулов, Бершадская, Жук 2012).

Довольно часто современные мониторинговые исследования социальных сетей носят прикладной характер и подчинены цели выявления разнообразного «деструктивного контента» (Остапенко, Соколова и др. 2019), «экстремистских группировок» (Кобец 2017) и предупреждения «социальных девиаций» у несовершеннолетних (Новикова, Макарова 2017). Нередко для такого анализа разрабатываются математические модели и алгоритмы автоматизированного инструментария (Титов, Чапурин и др. 2019; Ямщиков, Иванов 2021) для анализа страниц профилей социальных сетей (Подвесовский, Будыльский 2014) и постов участников виртуальных групп (Виткова, Чечулин 2019). А собственно под мониторингом понимается непрерывное во времени отслеживание пользовательских публикаций (текст, изображения, аудио- и видеоматериалы), находящихся в открытом доступе (Подвесовский, Будыльский 2014, с. 146).

И все же наиболее перспективным для социологического анализа виртуальных сообществ, на наш взгляд, является неавтоматизированный подход к сбору и анализу контента социальных сетей. Такая точка зрения опирается на тот факт, что «...ввиду особенностей используемого в постах языка с его незакрепленным порядком слов в предложении, обилием разговорной и ненормативной лексики с самыми неожиданными контекстуальными значениями... на сегодняшний день достаточно адекватной и эффективной автоматизированной системы анализа интернет-контента не существует» (Литвинов, Носко, Конторович 2011, с. 450). Более того, при автоматизированном подходе нивелируется сама роль исследователя, становящегося заложником полученных и отсортированных данных. В то же время многие западные исследователи настаивают, что при анализе социальных сетей гораздо важнее быть «этнографом», изучающим виртуальные сообщества, их культуру (Miller 2017) и практики взаимодействия между участниками (Caliandro 2018), уметь интерпретировать конкурирующие нарративы между членами различных виртуальных сообществ (Vuozis 2021). Наконец, еще один важнейший аргумент состоит в необходимости анализа нетекстовой, а прежде всего, мемной составляющей контента социальных сетей, что невозможно без понимания исследователем смысла интернет-мемов. Именно мемы, являясь одновременно и речевыми актами (Grundlingh 2018), и формами выражения эмоций (Nissenbaum, Shifman 2018), по мнению исследователей, выполняют важные аффективные, социокультурные и политические функции как на индивидуальном, так и на коллективном уровне виртуального общения (Literat 2021), являясь связующими смысловыми блоками для внутреннего

единства – групповой идентичности участников сетевого сообщества (DeCook 2018). А в условиях жесткой внутрисетевой цензуры становятся элементом групповой коммуникации, нередко заменяющим текстовое обсуждение.

Методология и этапы мониторинга сообществ рабочей молодежи в социальных сетях

На наш взгляд, мониторинг сообществ рабочей молодежи в социальных сетях представляет собой систему непрерывного наблюдения за фактическим состоянием их труда и занятости для своевременного выявления и анализа происходящих в социально-трудовой сфере изменений, а также прогнозирования динамики социальных процессов в этой сфере с целью принятия научно обоснованных управленческих решений.

К рабочей молодежи (молодежь нового рабочего класса) мы относим занятых всех сфер экономической деятельности, не участвующих в управлении и не имеющих прав собственности в организации, в которой они трудятся. При этом труд таких работников рутинизирован и разделен на стандартизированные сегменты, а также поддается алгоритмизации и количественному нормированию результатов (Гаврилюк и др. 2019).

В рамках выполнения исследовательского проекта «Жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса в современной России» нами были разработаны принципы дискурс-анализа онлайн-версий традиционных СМИ и материалов социальных сетей. Наш подход опирался на теорию Т. ван Дейка, в частности, его типологию форм, посредством которых происходит реализация власти в рамках дискурса и роль идеологии в контроле, формировании и трансформировании мнений, оценок, а также социальных репрезентаций (ван Дейк 2013, с. 51–54), работы зарубежных (van Leeuwen 2008; Jacobsson, Ekström 2015) и современных российских исследователей (Добросклонская 2015; Хилханова 2012).

На первом этапе (2019 год) объектом выполненного нами эмпирического анализа являлись 8 групп в социальной сети «ВКонтакте», которые тематически представляли собой неформальные сообщества пользователей этой социальной сети, являющихся представителями рабочей молодежи промышленного (3 группы) и сервисного рабочего класса (5 групп). Для анализа отбирались наиболее популярные по количеству просмотров и лайков групповые посты (либо сообщения членов группы) и визуальный контент (мемы), а также комментарии участников групп, которые они оставляли под этим групповым контентом. На этом этапе использовалась стратегия сбора данных «снизу» – от самого эмпирического объекта, без предварительного заданных категорий анализа, тем самым расширяя возможности нашего исследовательского поиска.

Проведенное исследование позволило не только описать основные тематические внутригрупповые дискуссии рабочей молодежи, но и сделать вывод о том, что в виртуальной среде российская рабочая молодежь ощущает себя в качестве единой группы со схожими жизненными траекториями, условиями занятости и образом жизни. Важно, что по результатам этого этапа исследования были выделены семь основных тем, которые обсуждались в рамках профессионального дискурса рабочей молодежи, а именно: 1) проблемы найма и увольнения; 2) заработная плата и уровень жизни; 3) условия труда; 4) режим труда и отдыха; 5) корпоративная политика и социальная сфера; 6) имидж рабочих профессий и профессиональная идентичность; 7) эмоции и профессиональный юмор (Гаврилюк и др. 2020). Эти темы в дальнейшем использовались в качестве заданных категорий анализа на последующих этапах исследования.

Дополнительно на первом этапе исследования, помимо анализа неформальных сообществ, был осуществлен дискурс-анализ содержания профилей молодежи нового рабочего класса. Для этого нами были отобраны 100 профилей социальной сети «ВКонтакте», принадлежащих пользователям до 30 лет обеих гендерных групп: мужчины – 51, женщины – 49; рабочая специальность и место работы в сфере клиентского сервиса – 49, на производственном предприятии – 51. Отобрав нужное количество профилей, мы осуществили частотный контент-анализ содержания разделов с информацией пользователя «о себе» и послед-

них 10 постов на «Стене пользователя» (включая закрепленный пост, если он присутствует) без использования предварительно заданных категорий для анализа. Первоначально такой анализ, включающий выделение всех возможных категорий и их количественный подсчет, был проведен по критериям гендерной и отраслевой (место работы) принадлежности респондентов. Для презентации полученных данных использовалась онлайн-программа «WordItOut» (Worditout – онлайн-программа анализа текстов <https://worditout.com>), позволяющая создавать «облако тегов» в зависимости от частоты упоминания анализируемых категорий. Незначительный объем выборки не позволил сделать корректное процентное распределение, но понять представленность той или иной категории в проанализированных профилях пользователей можно по размеру шрифта и положению в «облаке тегов» – наиболее часто встречающиеся категории находятся ближе к центру и имеют более крупный шрифт (рис. 1–2). Отметим, что тема труда и профессии более всего выражена в мужских профилях рабочей молодежи. Но в целом содержание профилей не содержит достаточной информации, относящейся к социально-трудовой сфере. Это позволило сделать вывод о необходимости акцента на анализ групповых взаимодействий и мониторинговых исследований виртуальных сообществ рабочей молодежи. Анализ же профилей может (а возможно, и должен) выполняться на предварительном этапе знакомства с объектом исследования.

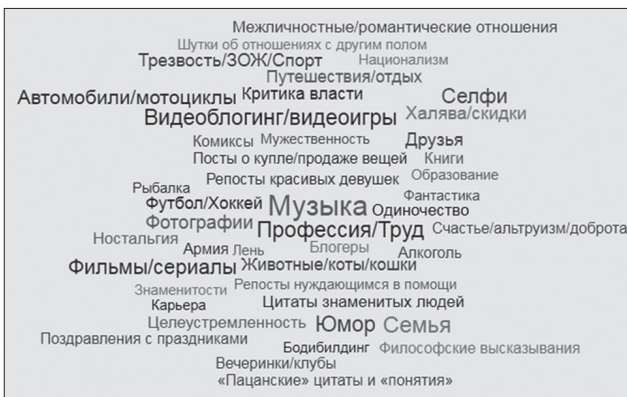

Рис. 1. «Облако тегов» мужских профилей социальной сети «ВКонтакте» молодежи нового рабочего класса

Pic. 1. Male profiles' tag cloud of VKontakte social network, referring to the youth of the new laboring class

На втором этапе (2020 г.) объектом выполненного эмпирического анализа являлись 11 сообществ (subreddits) американской рабочей молодежи в социальной сети «Reddit». Применяя аналогичный теоретический подход и принципы эмпирического отбора и анализа информации, уже апробированные нами, был осуществлен дис-

Рис. 2. «Облако тегов» женских профилей социальной сети «ВКонтакте» молодежи нового рабочего класса

Pic. 2. Female profiles' tag cloud of VKontakte social network, referring to the youth of the new laboring class

курс-анализ этих виртуальных сообществ. Отметим, что в отличие от «ВКонтакте» социальная сеть «Reddit» имеет высокую степень анонимности, что делает ее наиболее подходящей для исследования эмоционального отклика пользователей на существующие проблемы (Choudhury and De 2014). Но, с другой, она не пользуется

популярностью среди российской молодежи и может использоваться только для сравнения межкультурных данных. Так, выполненный анализ позволил утверждать, что основные темы, волнующие американскую молодежь, перекликаются с проблемами, которые обсуждаются в социальных сетях их российскими сверстниками, но существуют и заметные отличия: американской рабочей молодежью не обсуждаются темы относительно социальной сферы, социальной политики и корпоративных мероприятий в организациях, в которых они работают. В целом исследование позволило сделать вывод о том, что в виртуальной среде американская рабочая молодежь (так же, как и российская) уже ощущает себя в качестве единой группы со специфическим языком общения, схожими условиями занятости и уровнем жизни. Ими так же, как и их российскими сверстниками, не используется классовая риторика, однако они четко дистанцируются от правящего класса, а работники сервисных услуг – еще и от массы потребителей товаров и услуг, осознавая себя рабочим классом (Бочаров 2021).

На третьем этапе (2021 г.) объектом выполненного нами эмпирического анализа являлись 7 групп в социальной сети «ВКонтакте», которые тематически представляли собой неформальные сообщества пользователей этой социальной сети, являющихся представителями рабочей молодежи сервисного рабочего класса. Как и на предыдущих этапах исследования, использовались те же теоретические основания и принципы отбора информации, а также методы ее обработки и анализа, а именно: методы нечастотного (основной) и частотного (дополнительный) контент-анализа.

Далее перейдем к описанию хода исследования 2021 года и полученным результатам.

Этапы сбора эмпирической информации

Так же, как и на первом этапе исследования (2019 г.), выбор для анализа сообществ рабочей молодежи в социальной сети «ВКонтакте» в 2021 г. был обусловлен, во-первых, данными нашего эмпирического исследования, согласно которым практически все информанты оказались пользователями этой социальной сети (часто также упоминалась социальная сеть «Instagram»). Во-вторых, социальная сеть «ВКонтакте», согласно данным ежегодного исследования активной аудитории социальных сетей в России за ноябрь 2021 года «Социальные сети в России: цифры и тренды, осень 2021», опубликованном на сайте системы мониторинга и анализа социальных медиа и СМИ «Brand Analytics», является социальной сетью номер один в России по числу сообщений от пользователей, уступая только «Instagram» по количеству активных авторов (Социальные сети в России: цифры и тренды, осень 2021 (дата публикации

18.11.2021) / <https://br-analytics.ru/blog/social-media-russia-2021/> (дата обращения: 02.12.2021)). Однако сеть «Instagram» не позволяет создавать сообщества для группового виртуального общения и не подходит нам для нашего исследования сообществ рабочей молодежи в социальных сетях. Именно онлайн-сообщества (группы) в социальных сетях могут выступать как конструированные вторичные реальные референтные группы, вокруг которых выстраивается социальная идентичность входящих в них участников (Барышникова 2009). И исследователи имеют возможность рассматривать дискурсивные характеристики сообществ, релевантные различным формам субъектности группы и критериям субъектности (взаимосвязанности и направленности на совместную деятельность) (Павлова и др. 2019). В целом, формируемое участниками сетевых интернет-сообществ онлайн-пространство рассматривается нами как дискурсивное пространство со своими специфическими правилами, смысловыми кодами – «мемами», особым языком и символами, присущими этой культурной среде.

Сбор эмпирической информации осуществлялся в следующем порядке:

1. Поиск групп «ВКонтакте», объединяющих российскую рабочую молодежь сервисного рабочего класса. Изначально было отобрано 7 таких групп. Однако из дальнейшего анализа была исключена 1 группа (<https://vk.com/kfcastrahan>) из-за следующих причин: 1) низкой активности аудитории (1-2 лайка у групповых постов); 2) большого количества фейковых подписчиков (около половины аккаунтов с «собачками», т.е. страница удалена из «ВКонтакте»); 3) весь контент представлен постами с промокодами для использования; 4) отсутствуют комментарии и взаимодействие между членами группы. Отметим, что такой отбор объектов исследования целесообразно проводить в неавтоматическом режиме, а опираясь на собственный анализ.

2. Поиск внутри этих групп постов соответствующих социально-трудовой тематике, а именно тем, выделенных нами на первом этапе исследования: 1) проблемы найма и увольнения; 2) заработная плата и уровень жизни; 3) условия труда; 4) режим труда и отдыха; 5) корпоративная политика и социальная сфера; 6) имидж рабочих профессий и профессиональная идентичность; 7) эмоции и профессиональный юмор.

Временной диапазон отбираемых для анализа постов: с января по декабрь 2021 года. В итоге нами было отобрано 133 текстовых поста, содержащих минимально – 10 слов, а также наиболее популярные мемы (23 мема) по интересующей нас тематике в 6 виртуальных сообществах (группах «ВКонтакте») рабочей молодежи организаций клиентского сервиса (табл. 1).

Таблица 1

Характеристики отобранных для анализа сообществ рабочей молодежи организаций клиентского сервиса (социальная сеть «ВКонтакте»)

Table 1

Characteristics of the selected for the analysis network groups, consisting of the laboring class youth, referring to the customer service organizations (VKontakte social network)

Название группы и численность подписчиков (в т.ч. до 30 лет) на 01.12.2021 г.	Информация о группе в закреплённом сообщении (границы дискурса)	Специфика презентации контента и модерации дискурса	Количество отобранных постов пользователей-членов групп
«Повара Официанты Бармены» https://vk.com/shef_waiter_barmen Подписчики: 9 517	«Живи вкусно»	Неанонимная стена (пост предлагает любой подписчик). Видеозаписи – 0. Аудиозаписи – 26. Фотоальбомы – 30 (основная тематика альбомов – фото работников на рабочем месте в разных контекстах – конкурсы, праздники, рабочее время). Обсуждения – 8 тем: «Вакансии для ОФИЦИАНТОВ! Предлагаю работу!», «Вакансии для ПОВАРОВ! Предлагаю работу!», «Вакансии для БАРМЕНОВ! Предлагаю работу!», «Ищу работу поваром только для соискателей!», «Ищу работу официантом только для соискателей!», «Ищу работу барменом только для соискателей!», «Чёрный список! куда ни в коем случае не стоит устраиваться на работу!» Администратор и способы связи с ним указаны.	16 текстов + 5 мемов
Подслушано KFC_AmRest https://vk.com/kfc_amrest Подписчики: 3 348	«Если у тебя есть чем поделиться о KFC или у тебя есть интересная история связанная с KFC, его сотрудниками и т.п., то милости просим в наш круг!». Для того, чтобы разместить свою запись, нажмите кнопку «предложить новость» и пишите свой секретик. Ваша новость будет опубликована в течение дня с сохранением анонимности!»	Смешанный формат стены – и анонимно, и конкретные подписчики (пост предлагает любой подписчик). Видеозаписи – 0. Аудиозаписи – 0. Фотоальбомы – 0. Обсуждения – 1 тема: F.A.Q., то есть «Frequently Asked Questions», или «Часто Задаваемые Вопросы». Обсуждение висит в группе с 2016 года. Закрепленное сообщение в обсуждениях посвящено ответам на часто задаваемые вопросы относительно сроков выплаты и размера заработной платы в формате: «Памятка для когдаавансников/когдазарплатнико». *Тест по Core Values https://pp.vk.me/c630722/v630722396/42273/EuVfeXY_i9U . *Группа, в которой выкладывают фотографии с мероприятий_AmRest Community *Жалобы в amvoice http://m.rabotavamrest.ru/# *Поиск работы http://m.rabotavamrest.ru/tsentr-karery/anketa/test.php Если что-то упустили, предлагайте!» Администратор и способы связи с ним не указаны, связь идет через «предложить новость» и платформу Ask.fm.	13 текстов + 3 мема
БарменFree™ https://vk.com/barmen.free Подписчики: 38 032	«Для всех любителей и профессионалов! Проект посвящен алкогольным напиткам и не рассчитан на посещение лицам моложе 18-ти лет»	Смешанный формат стены – и анонимно, и конкретные подписчики (пост предлагает любой подписчик). Видеозаписи – 20. Аудиозаписи – 0. Фотоальбомы – 8 (основная тематика альбомов – фото работников на рабочем месте в разных контекстах – конкурсы, праздники, рабочее время, также рецепты коктейлей). Статьи – 7 (тема – полезная информация для барменов). Товары – 41 (продажа продукции, которая может быть полезной для бармена). Обсуждения – 7 тем: «Вопрос-Ответ», «Работодатели, свои объявления вы можете разместить здесь», «В этом разделе вы можете оставить свое резюме», «Библиотека», «Кто с какого города?», «Авторский коктейль» Название + рецепт + фото», «Чёрный список сотрудников». Администратор и способы связи с ним указаны.	31 текст + 6 мемов

Продолжение таблицы 1
Continuation of table 1

Название группы и численность подписчиков (в т.ч. до 30 лет) на 01.12.2021 г.	Информация о группе в закреплённом сообщении (границы дискурса)	Специфика презентации контента и модерации дискурса	Количество отобранных постов пользователей-членов групп
Типичный общепит Типичный повар https://vk.com/fuck_hungry Подписчики: 144 446	<i>«Эта страница создана для работников кухни. Поваров, кондитеров, пекарей, пиццмейкеров и т.д. Присоединяйтесь к обсуждениям, предлагайте посты!»</i>	Смешанный формат стены – и анонимно, и конкретные подписчики (пост предлагает любой подписчик). Видеозаписи – 327. Аудиозаписи – 20. Фотоальбомы – 42 (основная тематика альбомов рецепты блюд, мемы). Статьи – 208 (тема – полезная информация для поваров). Товары – 20 (продажа продукции, которая может быть полезной для бармена). Обсуждения – 8 тем: <i>«Вопросы от подписчиков», «Приколы над коллегами», «Пицца», «Знакомства», «технологические карты», «все по полочкам», «все о ножжах», «24 факта, которые нужно знать о работе на ресторанной кухне».</i> Администратор и способы связи с ним указаны.	30 текстов + 5 мемов
Лига бариста России – курсы и обучение бариста. https://vk.com/liga_barista Подписчики: 6 849	<i>«Профессиональные курсы обучения бариста (кофеваров) на базе нашей школы подойдут как для новичков так и для профессионалов кофейной индустрии. Основной целью создания нашего объединения «Лига бариста России» является: развитие кофейной культуры, ресторанной индустрии, объединение работников и развитие сегмента HoReCa. Наша школа бариста была основана в 2002 году»</i>	Контент на стене модерировается администраторами группы. Видеозаписи – 79 (отзывы о курсах, лайфхаки для бариста), Аудиозаписи – 0. Фотоальбомы – 37 (мастер-классы, обучения, корпоративы). Статьи – 32 (полезная информация для бариста). Товары – 8 (продаваемые курсы для бариста). Обсуждения – 8 тем: <i>«Открытые вакансии и актуальные резюме (бариста, бармены, шеф-бариста, менеджеры и управляющие кофейней)», «Лига бариста отзывы! Отзывы выпускников! Курсы, обучение бариста. Как открыть кофейню с нуля», «Как открыть кофейню. Портфолио. Отзывы. Открытые кофейни при поддержке Лиги бариста», «География студентов школы бариста», «Выездное обучение при Лиге бариста России», «Выездной кофе-бар от Лиги бариста России», «Как открыть кофейню с нуля не имея опыта: бизнес план, документация, поставщики, подбор персонала, меню, запуск кофейни, управление кофейней», «Результаты экзаменов».</i> Администратор и способы связи с ним указаны.	23 текста + 4 мема
«Типичный официант» https://vk.com/typical_off Подписчиков: 206 997	<i>«Эта группа для тех чьи руки приросли к подносам, а на ногах мозоли от гонок по трущобам ресторана»</i>	Анонимная стена (контент на стене модерировается администраторами группы). Видеозаписи – 246, Аудиозаписи – 22. Фотоальбомы – 33 (жизнь работников, корпоративные мероприятия). Статьи – 10 (полезная информация для официантов). Товары – 16 (полезная продукция для официантов). Обсуждения – 19 тем: <i>«Вопрос / ответ», «[Типичный официант] Чат для всех», «Работа в Краснодарском крае», «Работа в Краснодарском крае», «Чёрный список! Куда НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ не стоит устраиваться работать!», «7 тысяч за курсы повышения квалификации. Кидалово в Москве!», «Хитрости официантов или Зарабатываем на чай», «Чаевые официантов», «Самые идиотские вопросы гостей», «Руководство публика «Типичный Официант»» и другие.</i> Администратор и способы связи с ним указаны.	20 текстов
Итого:	6 сообществ	156 (в т.ч. 133 текста + 23 мема)	

Дискурс-анализ неформальных сообществ (групп) рабочей молодежи клиентского сервиса в социальной сети «ВКонтакте»

Частотный контент-анализ текстов. Для анализа групповых взаимодействий и общения участников виртуальных сообществ нередко исследователями используется метод частотного контент-анализа. При этом, помимо подсчета слов или словосочетаний, достаточно продуктивно используется дополнительная классификация частоты употребления категорий. Например, Д.П. Каранов в своем мониторинговом исследовании интернет-коммуникаций жителей 5 моногородов на основе данных, собранных в ходе контент-анализа сообществ социальной сети «ВКонтакте», выделяет 3 группы категорий: 1. Оценочные («плохо», «хорошо», «красиво», «ужас», и «кошмар»). 2. Трудовые («деньги», «работа», «раб»). 3. Проблемные («уехать», «против», «беда», «проблема» и «страдать») (Каранов 2019).

Частотный контент-анализ постов пользователей социальной сети «ВКонтакте» нами осуществлялся с помощью бесплатной онлайн-программы WordStat (WordStat – экспресс контент-анализ текста <http://content-analysis.ru/index.php/soft/wordstat-ekspress-kontent-analiz-teksta/>). Для такого анализа нами было отобрано 133 текстовых поста, содержащих минимум 10 слов. Общее количество слов – 12 419. Количественный анализ позволил определить наиболее часто используемые слова (с учетом объединения равных по семантике, но отличных по морфемике слов, а также, исключая междометия, предлоги и союзы), относящиеся к анализируемым текстам и несущие в себе содержание, связанное с задачами исследования. Слова (группы слов), использованные в текстах анализируемых постов с частотой не менее 12 раз (0,1 % от всего количества слов), представлены в табл. 2.

Таблица 2

Наиболее часто используемые слова (группа слов), содержащиеся в проанализированных текстах
(в единицах, ранжировано по мере уменьшения частоты упоминаний, не менее 0,1% от всего количества слов)

Table 2

The most frequently used words (phrases), containing in the analyzed texts

(as per units, organized within the frequency loss of references, not less than 0,1% of the whole words amount)

1	Работа, работу, работы, работе, работаю, работал, работала, работать и т.п. (79)	18	Вода, воды, воде, водой, воду и т.п. (32)
2	Гость, гости, гостей, гостями, гостем, гостью, гостям и т.п. (73)	19	Кофейня, кофейни, кофейню, кофейне и т.п. (30)
3	Ресторан, ресторана, ресторанов, ресторане, ресторанах, рестораны и т.п. (56)	20	День, дней, днем, дни, дня (27)
4	Повар, повара, повару, поваров, поварам и т.п. (49)	21	Напитки, напиток, напитков, напитокку и т.п. (27)
5	Кофе (без учета производных слов) (47)	22	Привет, приветствую, приветствуем, приветствовать и т.п. (26)
6	Делать (сделать, сделает, сделал), дело, дела, делают, делал, делала и т.п. (44)	23	Хочу, хочешь, хочется, хочет, хотят, хотим, хотели, хотелось и т.п. (26)
7	Будет, будем, буду, будут, будете (42)	24	Кухня, кухней, кухне, кухни, кухню (26)
8	Мы (41)	25	Использовать, используют, использует, используются, использовал и т.п. (25)
9	Своё, своему, своего, свой, своими, своих, свою и т.п. (41)	26	Коктейль, коктейли, коктейля, коктейлей и т.п. (24)
10	Заведения, заведение, заведений, заведению и т.п. (40)	27	Опыт, опыта, опытом (23)
11	Наш, нашему, наше, нашего, наши, наших, и т.п. (39)	28	Пожалуйста (23)
12	Время, времени (37)	29	Может (22)
13	Официант, официанты, официанта, официантов, официантом и т.п. (36)	30	Меню (22)
14	Можно (возможно) (35)	31	Хорошо, хороша, хорошие, хороших, хорошую и т.п. (22)
15	Приготовление, приготовления, приготовить, приготовим, приготовленный и т.п. (35)	32	Каждый, каждого, каждому, каждую, каждого и т.п. (21)
16	Вкус, вкуса, вкусу, вкусы, вкусно, вкусовой, вкусный и т.п. (34)	33	Вино, вина, винный, вином, винах и т.п. (21)
17	Смена, смены, смен, сменам, смену, сменный (график) и т.п. (34)	34	Заказа, заказа, заказать, заказов, заказы и т.п. (21)

Продолжение таблицы 2
Continuation of table 2

35	Получат, получают, получили, получить, получу и т.п. (20)	51	Понимание, пониманием, понимания, понять, понятным и т.п. (17)
36	Бар, бары, бара, барам, барах и т.п. (20)	52	Оплата (зарплата, заплату, зарплаты) (16)
37	Друзья, друзей, друг, друга, другу, дружный (20)	53	Город, города, городам, городах, городе (16)
38	Сахар, сахара, сахарную, сахаром (20)	54	Профессии, профессионализм, профи, профессиональный и т.п. (15)
39	Бариста (19)	55	Интересно, интересы, интересные, интересуется, интересуют и т.п. (14)
40	Бармен, барменов, бармена, барменом, бармены и т.п. (19)	56	Ставка, ставке, ставки, ставок (14)
41	Знание, знаниям, знаний, знать, знаем, знает и т.п. (19)	57	Ингредиенты, ингредиентами, ингредиентов (14)
42	Место, мест, места, месту, месте и т.п. (18)	58	Вопрос, вопросы, вопросом, вопросам (14)
43	Важность, важности, важно, важное и т.п. (18)	59	Спирт, спирта, спиртовые (13)
44	Помощь, помогать, помогали, помогите и т.п. (18)	60	Час, часа, часов, часовых (13)
45	Рассказать, расскажет, рассказал и т.п. (18)	61	Месяц, месяцев (13)
46	Совет, советы, советов, советует, советую (18)	62	Обучение, обучим, обучаться, обучаем и т.п. (13)
47	Сок, сока, соки (18)	63	Ребят, ребята, ребятам, ребятки (12)
48	Сироп, сиропа, сиропами, сиропы (17)	64	Шеф, шефов (12)
49	Коллеги, коллег, коллегой (17)	65	Пиво, пива (12)
50	Рублей, руб. (17)	66	Заработки, заработок, зарабатывать, зарабатывает, заработать и т.п. (12)

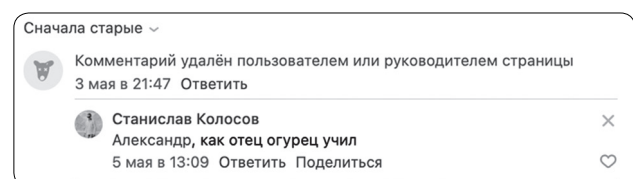
На всех этапах исследований интернет-сообществ рабочей молодежи мы отмечали, что такой частотный анализ имеет серьезные ограничения, не позволяя различать смысловую нагрузку, которая меняется у слова в рамках словосочетания и, как правило, не позволяя объединять отдельные слова в смысловые словосочетания (за редким исключением). Однако даже такой простой количественный подсчет частоты встречаемости слов позволяет отметить некоторые характерные черты межгрупповой коммуникации рабочей молодежи клиентского сервиса:

1. Отсутствие в общении смысловой нагрузки, характерной для классового подхода и классовой борьбы за свои права. Отметим, что такая же ситуация наблюдалась и на предыдущих этапах нашего мониторинга: в исследовании групп «ВКонтакте» российской рабочей молодежи 2019 года и сообществ Reddit американской рабочей молодежи 2020 года.

2. Преимущественно позитивный и благожелательный настрой в общении и позитивные эмоции. Отдельные слова, отражающие эмоциональную сферу и выражающие чувства, довольно редко используются в обсуждениях рабочей молодежи, но в совокупности они составляют достаточно значимую категорию, имеющую частоту 32 раза («веселье» – 1 раз, «эмпатия» – 1 раз, «доверие» – 1 раз, «эмоции» – 2 раза, «гордость» – 2 раза, «любовь» – 2 раза, «мечта» – 3 раза, «счастье» – 4 раза, «шутка» («шутить») – 4 раза, «чувство» – 4 раза, «радость» –

8 раз). Согласно упомянутой выше классификации Д.П. Каранова (Каранов 2019) в анализируемых текстах заметно доминирование позитивных оценочных («хорошо», «интересно», «дружба») и трудовых («работа», «заработок», «зарплата», «ставка», «смена») категорий. А вот слова, которые можно объединить в «проблемную» категорию, имеют очень низкую частоту употребления. Например, по 1 разу во всех текстах встречаются слова: «обидно», «жадность», «жаловаться», «конфликт», «расстраиваются», «ругается», «скандал», «страшный», «уволители», «ужасно» и 3 раза слово «проблема».

3. Отсутствие нецензурной лексики в общении рабочей молодежи. Возможно, что такая лексика отсутствует из-за запрета со стороны самой социальной сети «ВКонтакте» и благодаря политике модерации контента групп. Также не исключено, что по причине модерации и удаления нежелательного, по мнению администрации групп, контента в текстах очень редко можно обнаружить критические, «проблемные» и негативные слова и словосочетания. Нередко мы встречали факт удаления какого-либо контента пользователей, состоящих в проанализированных группах:

4. Учитывая специфику отобранных для анализа профессиональных групп рабочей молодежи сферы клиентского сервиса, а именно организаций общественного питания, очень часто встречаются названия различных напитков, блюд, ингредиентов и приспособлений для их приготовления, а также места, где их готовят («кухня», «бар»).

5. Очень большая частота использования слова «гости» (во всех падежах – 73 раза). Это свидетельствует о важнейшей роли «гостей» в повседневных трудовых взаимодействиях и в целом в трудовых отношениях в организациях клиентского сервиса. Отметим, что, по данным наших интервью с молодыми рабочими клиентского сервиса, они сами подчеркивали, что обращаются к посетителям как к «гостям». Слова «клиенты» и «посетители» употребляются, но звучат гораздо реже (по 4 раза каждое). Стоит сказать, что еще реже речь идет о формальном субъекте трудовых отношений – работодателе (упоминается всего 2 раза) и еще 1 раз используется слово «начальство», а чаще употребляется менее формальное слово «шеф» (12 раз).

5. Сами себя молодые рабочие часто называют «коллегам» (17 раз), «ребятами» (12 раз) («девушка» – не встречается в текстах), реже – «сотрудниками» (10 раз), очень редко – «товарищи» – 2 раза, «студент/студентка» и «ученик/ученица» (по 1 разу). Наиболее часто для своей общей идентифи-

кации используется личное местоимение «Мы» (41 раз), реже используются такие слова, как «команда» (11 раз) и «коллектив» (5 раз).

6. Так же как и в исследовании сообществ Reddit американской рабочей молодежи 2020 года, в сообществах «ВКонтакте» российской рабочей молодежи обсуждается тема пандемии COVID-19. Частота употребления отдельных слов, связанных с болезнями, коронавирусом и последствиями пандемии, невелика, но в целом частота обращения к такой теме достаточно выражена: в совокупности слова «болезнь», «болел», «карантин», «локдаун», «пандемия», «эпидемия» и т.п. употребляются 20 раз.

Нечастотный контент-анализ текстов

При проведении нечастотного контент-анализа на всех этапах наших исследований социальных сетей рабочей молодежи мы опирались на работы отечественных исследователей, полагающих, что такой подход является эффективным способом преодоления противоречий между количественными и качественными методами сбора и анализа данных (Таршис 2002; Семёнова, Корсунская 2010; Семёнова 2011). Ниже в табл. 3 представлены 7 основных тем, которые активно обсуждаются рабочей молодежью клиентского сервиса (по мере уменьшения доли от общего количества отобранных для анализа постов).

Таблица 3

Основные темы, обсуждаемые рабочей молодежью сферы клиентского сервиса, содержащиеся в проанализированных текстах

Table 3

The basic topics discussed by the laboring class youth, referring to the customer service sphere, containing in the analyzed texts

Тематика постов	Количество постов	Доля от общего количества отобранных постов	Основные обсуждаемые проблемы
Корпоративная политика и социальная сфера	33	24,8 %	Проведение корпоративных мероприятий: конкурсы, соревнования. Льготы
Проблемы найма и увольнения	31	23,2 %	Вопросы о трудоустройстве в конкретную организацию. Вопросы о работе по конкретной профессии. Вопросы о целесообразности профессионального образования. Вопросы о смене трудовой карьеры. Предложения по работе
Имидж рабочих профессий и профессиональная идентичность	23	17,3 %	Отзывы о внутренней кухне в своих заведениях. Рецепты кулинарных блюд и напитков
Эмоции и профессиональный юмор	23	17,3 %	Смешные и забавные истории. Яркие эмоции от подписчика
Условия труда	9	6,8 %	Неудобный график работы. Отсутствие отпуска. Тяжелые условия труда. Влияние пандемии COVID-19 на условия работы
Заработная плата и уровень жизни	7	5,3 %	Отношение к размеру заработка. Низкий размер зарплаты. Работа только ради зарплаты
Режим труда и отдыха	7	5,3 %	Переработки. Совместное времяпрепровождение
Итого:	133	100 %	

Нечастотный контент-анализ визуального контента (мемов)

Анализ визуальной, в том числе мемной части контента виртуальных сообществ невозможен в автоматизированном режиме и крайне проблематичен без понимания исследователем смысла интернет-мемов, что возможно лишь при условии длительного включенного наблюдения за виртуальными группами (MacDonald 2021) либо проведения предварительных неформальных бесед с представителями данных групп. В нашем случае при анализе мемов рабочей молодежи сферы кли-

ентского сервиса мы опирались на оба этих условия, используя данные предыдущих этапов наших исследований 2019–2020 гг., а также данные неформализованных биографических интервью, взятых у молодежи, занятой на рабочих позициях в организациях клиентского сервиса (Малыхина, Бочаров 2021). При группировке мемной части контента нами использовались те же смысловые категории, что и при анализе текстов. Сгруппированные таким образом наиболее популярные по количеству просмотров и лайков мемы представлены в табл. 4.

Таблица 4

Наиболее популярные мемы в обсуждениях рабочей молодежью сферы клиентского сервиса

Table 4

The most popular memes discussed by the laboring class youth

Тематика постов и смысл обсуждения	Популярные мемы	
<p>1. Проблемы найма и увольнения Проблемы официального трудоустройства в сфере общепита, а также постоянное желание уволиться с работы, которое не достигает своей цели.</p>	<p>До конца месяца поработаю и точно уволюсь:</p> <p>https://vk.com/shef_waiter_barmen?w=wall-7041418_20951</p>	<p>КОГДА ВСЕ ТВОИ ДРУЗЬЯ ПЕРЕЖИВАЮТ ИЗ-ЗА ПЕНСИИ, А ТЫ ПОВАР И НИ РАЗУ НЕ РАБОТАЛ ОФИЦИАЛЬНО</p> <p>https://vk.com/shef_waiter_barmen?w=wall-7041418_21095</p>
<p>2. Заработная плата и уровень жизни Основной доход в сфере общепита – «чаевые», Скрудж Макдак (персонаж известного мультфильма, характеризующийся как чрезвычайно жадный и скупой), пересчитывая свои золотые, очень похож на официантов, барменов в конце смены.</p>	<p>ТОТ МОМЕНТ, КОГДА ПЕРЕСЧИТЫВАЕШЬ СВОЮ ЧАЮХУ</p> <p>https://vk.com/barmen.free?w=wall-123811144_89838</p>	<p>Если бы мне платили по 10 рублей каждый раз, когда гость пытается смешно шутить</p> <p>https://vk.com/typical_off?w=wall-36418955_975738</p>
<p>3. Условия труда Когда в заведения приходится очень много детей, у всех работников смены начинается реальный «ад» из-за необходимости одновременного обслуживания большого количества гостей. В период пандемии 2020–2021 гг., когда рестораны и бары подверглись ограничениям и были вынуждены закрываться, многие нашли выход из ситуации – стали продавать товары первой необходимости и т.д.</p>	<p>КАЖДЫЙ РАЗ КАК ПРИХОДЯТ ТОЛЬКО ДЕТЕЙ ЧУВСТВУЕШЬ СЕБЯ КАК НА ВОЙНЕ</p> <p>https://vk.com/kfc_amrest?w=wall-73271325_34190</p>	<p>Всё по правилам</p> <p>Ваш бар работает?</p> <p>Это теперь не бар, а ветеринарная аптека. А что ты хотел, котик?</p> <p>https://vk.com/barmen.free?w=wall-123811144_90259</p>

Тематика постов и смысл обсуждения	Популярные мемы	
<p>4. Режим труда и отдыха В данной рабочей сфере нет как таковых перерывов на обед, прием пищи зачастую происходит, когда в зале мало посетителей. А также строгое руководство, которое настроено в первую очередь на экономию средств, чем на поощрение.</p>	<p>Никто не заметит, как ты отработал лишних пару часов, зато выпишут штраф за пять минут опоздания. Ведь это, мать его, общепит.</p> <p>https://vk.com/shef_waiter_barmen?w=wall-7041418_21098</p>	<p>ХОЧЕШЬ ПОЙТИ ПОЕСТЬ ГОСТИ:</p> <p>12 МОХИТО 7 Б-62 4 МАРГАРИТЫ 8 КАПУЧИНО И МИЛКШЕЙК</p> <p>https://vk.com/barmen.free?z=photo-123811144_457267845%2Falbum-123811144_00%2Frev</p>
<p>5. Корпоративная политика и социальная сфера Именно такой девиз, как на картинке, у многих заведений общепита. Но зачастую работа в кампаниях больше похожа на «рабский труд».</p>	 <p>Стабильная работа в развивающейся компании в дружном коллективе</p> <p>https://vk.com/fuck_hungry?w=wall-45351882_486063</p>	
<p>6. Имидж рабочих профессий и профессиональная идентичность Работник не может получить уважения от всех посетителей («гостей»), так как они все разные, и это просто невозможно. Но они уважают свой труд и считают его достойным. В целом у работников клиентского сервиса формируется очень сильная профессиональная идентичность, которая проявляется в мемах достаточно ярко.</p>	 <p>ТЫ ЗАКАЗЫВАЕШЬ У МЕНЯ КОФЕ НО ДЕЛАЕШЬ ЭТО БЕЗ УВАЖЕНИЯ</p> <p>https://vk.com/liga_barista?w=wall-17960036_3510</p>	<p>Только 3 вида людей скажут вам правду:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Дети 2. Пьяные 3. Бармен в запаре. <p>https://vk.com/barmen.free?w=wall-123811144_89602</p>

шепот стен @НУТРО
 где лучшие тусовки? НА КУХНЕ
 где лучшие вкусняшки? НА КУХНЕ
 где люди живут счастливо? НА КУХНЕ
 если я нужен тебе, ищи меня на кухне.

https://vk.com/fuck_hungry?w=wall-45351882_490681

Тематика постов и смысл обсуждения	Популярные мемы	
<p>7. Эмоции и профессиональный юмор Работники общепита практически постоянно работают «в запаре», и их эмоциональное состояние вынуждено защищаться, хотя бы своим юмором, иногда жестким, так как вымещать свои эмоции на посетителей запрещено.</p>	 <p>https://vk.com/barmen.free?w=wall-123811144_87488</p>	 <p>https://vk.com/fuckhungry?w=wall-45351882_491554</p>
	 <p>https://vk.com/liga_barista?w=wall-17960036_3215</p>	

СОЦИОЛОГИЯ

Сравнивая результаты контент-анализа виртуальных групп рабочей молодежи клиентского сервиса с данными, полученными на предыдущем этапе мониторинга при анализе в целом профессиональных сообществ рабочей молодежи, можно отметить сохраняющуюся четкую категоризацию «мы» – «они», позволяющую дистанцироваться от руководства, менеджеров и работодателей.

В то же время спецификой именно для рабочей молодежи клиентского сервиса является еще и дистанцирование от «гостей» – посетителей и клиентов, пользующихся услугами сервисных организаций и фактически включающихся в качестве третьего элемента в диаду отношений работник – работодатель (Гаврилюк 2021) (табл. 5).

Таблица 5

Метафоры категоризации «мы» – «они» в лексике молодежи нового рабочего класса (социальная сеть «ВКонтакте»)

Table 5

Metaphors of the “we” – “they” categories within the lexis usage of the new laboring class youth (VKontakte social network)

«Мы» (новый рабочий класс)		«Они» (менеджмент и руководство организаций, представители элиты)	
2019 г. (в целом рабочая молодежь)	2021 (работники клиентского сервиса)	2019 г. (в целом рабочая молодежь)	2021 г. (работники клиентского сервиса)
<p>«Работяги», «Народ», «Русские умельцы», «Настоящие / натуральные мужжики», «Вася-сварщик», Люди с «золотыми руками», «Зомби» («зомбаки»), «Рабы/не рабы»</p>	<p>«Мы», «Команда», «Коллеги», «Ребята», «Работники», «Бармены», «Баристы», «Повара», «Официанты»</p>	<p>«Начальники», «Господа», «Белые каски», «Владельцы вилл и бентли», «Депутаты», «Спортсмены», «Артисты»</p>	<p>«Шефы», «Работодатели», «Менеджеры», «Начальство», «Гости», «Клиенты», «Посетители»</p>

Полученные результаты и выводы

В рамках всех последовательно осуществленных нами исследований интернет-групп рабочей молодежи 2019–2021 гг. совершенствовался и был концептуально выработан подход, который может быть использован для постоянных исследований в режиме социологического мониторинга. Основная методология такого подхода – критический дискурс-анализ, а методы – частотный и нечастотный контент-анализ.

Мониторинг сообществ рабочей молодежи в социальных сетях представляет собой систему непрерывного наблюдения за фактическим состоянием их труда и занятости для своевременного выявления и анализа, происходящих в социально-трудовой сфере изменений, а также прогнозирования динамики социальных процессов в этой сфере с целью принятия научно обоснованных управленческих решений.

Основные задачи мониторинга:

1) непрерывное наблюдение за содержанием и основными темами онлайн-общения рабочей молодежи и своевременное выявление изменений, происходящих в профессиональных виртуальных сообществах рабочей молодежи, а также факторов, вызвавших их;

2) осуществление краткосрочного прогнозирования динамики процессов среди молодежи нового рабочего класса, прежде всего, ведущих к формированию и развитию очагов социальной напряженности.

Объектами мониторинга являются специально отобранные виртуальные сообщества (группы) в социальных сетях, в которые объединена рабочая молодежь по профессиональному признаку.

Основные направления мониторинга социальных сетей рабочей молодежи:

- 1) проблемы найма и увольнения;
- 2) заработная плата и уровень жизни;
- 3) условия труда;
- 4) режим труда и отдыха;
- 5) оценка молодыми рабочими состояния корпоративной политики и социальной сферы организаций, в которых они работают;
- 6) восприятие молодыми рабочими имиджа своей профессии и их профессиональная идентичность;
- 7) состояние эмоциональной сферы, общая тональность общения, объекты профессиональных шуток и критики.

На наш взгляд, целесообразно использовать неавтоматический сбор информации о контенте сообществ рабочей молодежи в социальных сетях. Безусловно, обращение к автоматическим системам мониторинга для анализа новых медиа и социальных сетей (например, системе «Медialogия») дает возможность получать «большие социологические данные» в режиме реального времени, но

с другой – возникают вопросы достоверности персональных параметров данных аудитории и масса технических проблем прозрачности построения механизма работы алгоритма формирования и выгрузки данных. Поэтому мы согласны с мнением, что «для комплексного решения исследовательской задачи данные анализа социальных медиа должны сопровождаться традиционными социологическими методами» (Ярмак, Страшко, Шкайдерова 2020, с. 125).

Используемый нами неавтоматический подход к сбору данных позволяет корректно отбирать и анализировать текстовую и визуальную (мемную) информацию о специфике виртуального группового общения. Важно, что при таком ручном отборе информации исследователь может своевременно дифференцировать и решить в зависимости от задач своего исследования необходимость включения тех или иных материалов в анализ. Так, только осуществляя отбор в «ручном режиме», можно определить:

1) статус субъекта информации (рядовой пользователь, модератор группы, администратор группы);

2) силу охвата поста (по просмотрам, количеству комментариев, перепостам и лайкам);

3) носит ли пост «рекламный характер» («промо»), т. е. размещен за деньги. Машина же отберет все такие посты единым текстовым массивом и не позволит получить корректную информацию. Не говоря уже о невозможности автоматического сбора и обработки мемов.

Стаж нашего мониторинга невелик (всего 3 года), но даже за такое короткое время нам удалось получить представление о специфике языка и коммуникации рабочей молодежи, об основных проблемах, волнующих молодых рабочих на рынке труда, об устойчивости тематических категорий виртуального группового общения, о существовании профессиональной и классовой идентичности и перспективах рабочей солидарности не только в виртуальной среде, но и «оффлайн». Наконец, наши исследования позволили обоснованно говорить о специфике трудовых отношений и различиях/сходстве между рабочей молодежью, занятой в промышленности, и теми, кто трудится в организациях сферы клиентского сервиса. И те и другие являются представителями нового рабочего класса, но имеют, помимо общих, особенные черты, связанные с профессиональной сферой деятельности.

Источники фактического материала

«ВКонтакте» – российская социальная сеть.
URL: <https://www.vk.com/> (дата обращения: 02.10.2021).

WordStat – экспресс контент-анализ текста.
URL: <http://content-analysis.ru/index.php/soft/word->

stat-ekspres-kontent-analiz-teksta/ (дата обращения: 02.10.2021).

Worditout – онлайн-программа, трансформирующая текст в «облако слов». URL: <https://worditout.com/>

Социальные сети в России: цифры и тренды, осень 2021 (дата публикации 18.11.2021). URL: <https://br-analytics.ru/blog/social-media-russia-2021/> (дата обращения: 02.10.2021).

Библиографический список

Авдошина Н.В. Социально-трудовая сфера как объект социологического анализа // Проблемы труда, трудовых отношений и качества жизни: сб. науч. материалов Всероссийской научно-практической конференции, Самара, 11-12 октября 2007 г. Самара: Изд-во «Универс групп», 2007. С. 144–156.

Барышникова И.В. Понятие идентичности в социологическом дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер.7 «Философия». 2009. № 2 (10). С. 166–171.

Биккулов А.С., Бершадская Л.А., Жук Д.В. Сервисы мониторинга социальных медиа в сети Интернет и анализ частотности поисковых запросов как инструменты исследования социальных проблем // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6. С. 735–735.

Бойков В.Э. Социологический мониторинг в социальном управлении // Социология власти. № 4. 2006. С. 5–16.

Бочаров В.Ю. Дискурс-анализ сообществ американской рабочей молодежи в социальной сети Reddit // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2021. Т. 1. № 1. С. 100–113. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-1-100-113>.

Винник Д.В. Социальные сети как феномен организации общества: сущность и подходы к использованию и мониторингу // Философия науки. 2012. №. 4. С. 110–126.

Виткова Л.А., Чечулин А.А. Архитектура распределенного сбора и обработки данных в системах мониторинга социальных сетей // Перспективные направления развития отечественных информационных технологий. 2019. С. 321–323.

Воловская Н.М, Плюснина Л.К. Социологический мониторинг в системе информационно-аналитического сопровождения формирования имиджа вуза // Общество: социология, психология, педагогика. № 5. 2018. С. 11–14. DOI: <https://doi.org/10.24158/spp.2018.5.1>.

Гаврилюк Т.В. Рабочий класс в сервисной сфере: постановка проблемы и актуальный социологический дискурс // Социологический журнал. 2021. Т. 27. № 3. С. 78–96. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2021.27.3.8425>.

Добросклонская Т.Г. Массмедийный дискурс в системе медиалингвистики // «Медиа-лингвисти-

ка» международный научный журнал. 2015. № 1 (6). С. 45–57.

Жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса. Под ред. Т.В. Гаврилюк. Москва: Флинта; 2020. 408 с.

Каранов Д.П. Мониторинг социальных сетей в целях выявления конфликтных тенденций в моногородах России // Социально-трудовые конфликты в России и в мире: V Международная научно-практическая конференция, 5 апреля 2019 года. Москва: Издательство Перо, 2019. 196 с. С. 115–118.

Кобец П.Н. Выявление и мониторинг социальных сетей, используемых экстремистскими группировками, – важнейшая основа противодействия их преступной деятельности // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2017. № 2. С. 13–19.

Литвинов С.В., Носко В.И., Конторович С.Д. Методика мониторинга и моделирования структуры политически активного сегмента социальных сетей // Инженерный вестник Дона. 2011. № 18 (4). С. 448–456.

Малыхина Т.А., Бочаров В.Ю. Влияние пандемии Covid-19 на рабочую молодежь, занятую в сфере клиентского сервиса // Сборник материалов научно-практической международной конференции, посвящённой 60-летию полёта в космос Ю.А. Гагарина. Самара: Изд-во: Самарский национальный исследовательский университет им. ак. С.П. Королева, 2021. С. 120–123.

Молодежь нового рабочего класса современной России: коллективная монография. Под ред. Т.В. Гаврилюк. Москва: Флинта, 2019. 392 с.

Мониторинг наркоситуации в Самарской области: основные тенденции, оценка результативности деятельности институтов власти по противодействию наркомании: коллективная монография. Под ред. Е.С. Басовой, В.Ю. Бочарова. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2011. 256 с.

Новиков С.В., Макарова Л.Н. Мониторинг социальных сетей как средство трансформации методов воспитания подростков // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2017. Т. 22. №. 5 (169). С. 45–51.

Остапенко А.Г., Соколова Е.С., Ещенко А.В., Остапенко А.А., Чапурина Т.Ю. Основы метрологии контентов для мониторинга социальных сетей на предмет обеспечения информационной безопасности (часть 1) // Информация и безопасность. 2019. Т. 22. № 2. С. 170–180.

Павлова Н.Д., Воронин А.Н., Гребенщикова Т.А., Кубрак Т.А. Разработка подхода к типологии сетевых сообществ на основе дискурсивных признаков коллективной субъектности // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Психология и педагогика. 2019. Т. 16. № 3. С. 341–358.

- Подвесовский А.Г., Будыльский Д.В. Проблемы и особенности автоматизации мониторинга социальных сетей и интеллектуальной обработки пользовательских сообщений // Вестник Брянского государственного технического университета. 2014. № 4 (44). С. 146–152.
- Семёнова А.В. Контент-анализ в социологии: методологические новации // Вестник ВятГУ. 2011. № 3–1. С. 11–15.
- Семёнова А.В., Корсунская М.В. Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения / под ред. В.А. Мансурова. Москва: Институт социологии РАН, 2010. 324 с.
- Соколова Г.Н. Мониторинг социологический / Социология: Энциклопедия / сост.: А.А. Грицанов и др. Минск: Книжный дом, 2003. 1311 с. (Мир энциклопедий). URL: https://sociology_encyclopedia.academic.ru/639/МОНИТОРИНГ_СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ (дата обращения: 22.09.2021).
- Социально-трудовая сфера сельского хозяйства Самарской области: состояние, тенденции, перспективы: монография / под ред. А.Ф. Боковенко, В.Ю. Бочарова, Е.Ф. Молевича. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2010. 528 с.
- Таршис Е.Я. Перспективы развития метода контент-анализа // Социология: 4М. 2002. № 15. С. 71–92.
- Тён А. ван Дейк. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. Москва: Книжный дом «Либроком», 2013. 344 с.
- Титов Н.Г., Чапурин Е.Ю. Москалева Е.А., Бочаров М.И., Борисов В.И. Методы мониторинга социальных сетей, их развитие и применение в контексте обеспечения их информационной безопасности // Информация и безопасность. 2019. Т. 22. № 3. С. 305–324.
- Тукумцев Б.Г. Самарский мониторинг социально-трудовой сферы // Социологические исследования. 2001. № 7. С. 41–50.
- Халиков М.С., Магомедов К.О. Социологический мониторинг как технология научного анализа и способ коммуникативного взаимодействия (по материалам социологических исследований) // Коммуникология: электронный научный журнал. 2019. Т. 4, № 4, С. 62–75.
- Хилханова Э.В. Исследование СМИ с позиций критического анализа дискурса // Вестник ЧитГУ. 2012. № 3 (82). С. 72–75.
- Ямщиков С.В., Иванов Э.С. Системы мониторинга интернет-медиа как инструмент социологического исследования виртуальных социальных сетей // СОЦИОСФЕРА. 2021. № 1. С. 104–108.
- Ярмак О.В., Страшко Е.В., Шкайдерова Т.В. Реакция на пандемию Covid-19 интернет-аудиторий Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя (по материалам медиа-аналитического исследования) // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 3. С. 121–142. DOI: <http://doi.org/10.19181/vis.2020.11.3.666>.
- Buoziis, M. (2021), Reddit's cops and cop-watchers: Resisting and insisting on change in online interpretive communities, *Convergence*, DOI: <http://doi.org/10.1177/13548565211056798>.
- Caliandro, A. (2018), Digital Methods for Ethnography: Analytical Concepts for Ethnographers Exploring Social Media Environments, *Journal of Contemporary Ethnography*, no. 47 (5), pp. 551–578, DOI: <http://doi.org/10.1177/0891241617702960>.
- Choudhury, M.D. and De, S. (2014), Mental health discourse on reddit: Self-disclosure, social support, and anonymity, *AAAI Publications, Eighth International AAAI Conference on Weblogs and Social Media*, Michigan, USA, from June 1–4, [Online], available at: <http://www.aaai.org/ocs/index.php/ICWSM/ICWSM14/paper/download/8075/8107> (Accessed 22 September 2021).
- DeCook, J.R. (2018), Memes and symbolic violence: #proudboys and the use of memes for propaganda and the construction of collective identity, *Learning, Media and Technology*, no. 43 (4), pp. 485–504, DOI: <http://doi.org/10.1080/17439884.2018.1544149>.
- Grundlingh, L. (2018), Memes as speech acts, *Social Semiotics*, no. 28 (2), pp. 147–168, DOI: <http://doi.org/10.1080/10350330.2017.1303020>.
- Jacobsson, D. and Ekström, M. (2015), Dismantling discourses: compassion, coping and consumption in journalistic representations of the working class, *Critical Discourse Studies*, pp. 1–18.
- Literat, I. (2021), Memes in the time of corona: an autoethnographic visual essay on memes as relational resources during the COVID-19 pandemic, *Visual Studies*, no. 36 (2), pp. 116–123, DOI: <http://doi.org/10.1080/1472586X.2021.1911678>.
- MacDonald, S. (2021), What Do You (Really) Meme? Pandemic Memes as Social Political Repositories, *Leisure Sciences*, no. 43 (1-2), pp. 143–151, DOI: <http://doi.org/10.1080/01490400.2020.1773995>.
- Miller, V. (2017), Phatic culture and the status quo: Reconsidering the purpose of social media activism, *Convergence*, no. 23 (3), pp. 251–269, DOI: <http://doi.org/10.1177/1354856515592512>.
- Nissenbaum, A. and Shifman, L. (2018), Meme Templates as Expressive Repertoires in a Globalizing World: A Cross-Linguistic Study, *Journal of Computer-Mediated Communication*, no. 23 (5), pp. 294–310, DOI: <http://doi.org/10.1093/jcmc/zmy016>.
- Van Leeuwen, T. (2008), *Discourse and practice. New tools for critical discourse analysis*, Oxford University Press, Oxford, UK.

References

Avdoshina, N.V. (2007), Social and labor sphere as an object of sociological analysis, *Problems of labor, labor relations and quality of life, collected articles*

of the Scientific and Practical Conf., Samara, October 11-12, 2007, «Univers grupp», pp. 144–156.

Baryshnikova, I.V. (2009), The concept of identity in the sociological discourse, *Vestnik Volgo-gradskogo gosudarstvennogo universiteta*, Ser. 7 «Philosophy», no. 2 (10), pp. 166–171.

Bikkulov, A.S., Bershadskaya, L.A. and Zhuk, D.V. (2012), Social media monitoring services on the Internet and analysis of the frequency of search queries as tools for the study of social problems, *Modern problems of science and education*, no. 6, pp. 735–735.

Boikov, V.E. (2006), Sociological monitoring in social management, *Sotsiologiya vlasti = Sociology of Power*, no. 4, pp. 5–16.

Bocharov, V.Yu. (2021), Discourse analysis of the American working youth communities on the social network Reddit, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 1, no. 1, pp. 100–113, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-1-100-113>.

Vinnik, D.V. (2012), Social networks as a phenomenon of society organization: essence and approaches to use and monitoring, *Filosofiya nauki = Philosophy of Science*, no. 4, pp. 110–126.

Vitkova, L.A. and Chechulin, A.A. (2019), Architecture of distributed data collection and processing in social network monitoring systems, *Promising directions of development of domestic information technologies*, pp. 321–323.

Volovskaya, N.M. and Plyusnina, L.K. (2018), Sociological monitoring in the system of information and analytical support for the formation of image of higher education institution, *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika = Society: sociology, psychology, pedagogy*, no. 5, pp. 11–14, DOI: <https://doi.org/10.24158/spp.2018.5.1>.

Gavriljuk, T.V. (2021), The working class in the service sector: outlining the issue and re-viewing current sociological discourse, *Sociologicheskij zhurnal*, vol. 27, no. 3, pp. 78–96, DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2021.27.3.8425>.

Dobrosklonskaja, T.G. (2015), Mass Media discourse in the system of medialinguistics, «Medialingvistika» *mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal*, no. 1 (6), pp. 45–57.

Life strategies of new working-class youth (2020), T.V. Gavriljuk (ed.), Flinta, Moscow, Russia.

Karanov, D.P. (2019), Monitoring of social networks in order to identify conflict trends in single-industry towns of Russia, Social and labor conflicts in Russia and in the world, *V International Scientific and Practical Conf.*, April 5, Moscow, Izdatel'stvo Pero, pp. 115–118.

Kobets, P.N. (2017), Identification and monitoring of social networks used by extremist groups is the most important basis for countering their criminal activities, *Vestnik Vserossiiskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov Ministerstva vnutrennikh*

del Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, no. 2, pp. 13–19.

Litvinov, S.V., Nosko, V.I. and Kontorovich, S.D. (2011), Methodology for monitoring and modeling the structure of a politically active segment of social networks, *Inzhenernyi vestnik Dona = Engineering Bulletin of the Don*, no. 18 (4), pp. 448–456.

Malykhina, T.A. and Bocharov, V.Yu. (2021), Impact of the COVID-19 pandemic on work-ing youth engaged in customer service, A human in the Information Society, *Collection of materials of the Scientific and Practical international Conf. dedicated to the 60th anniversary of Yuri Gagarin's space flight*, Samarskii natsional'nyi issledovatel'skii universitet im. ak. S.P. Koroleva, Samara, Russia, pp. 120–123.

New working-class youth in modern Russia (2019), T.V. Gavriljuk (ed.), Flinta, Moscow, Russia.

Monitoring of the drug situation in the Samara region: main trends, evaluation of the effectiveness of the activities of government institutions to combat drug addiction: a collective monograph (2011), Ed. by E.S. Baeva and V.Yu. Bocharov, «Samarskii universitet», Samara, Russia.

Novikov, S.V., Makarova, L.N. (2017), Monitoring of social networks as a means of transformation of methods of education of adolescents, *Vestnik Tambovskogo universiteta = Bulletin of the Tambov University*, Ser.: «Humanities», vol. 22, no. 5 (169), pp. 45–51.

Ostapenko, A.G., Sokolova, E.S., Eshchenko, A.V., Ostapenko, A.A. and Chapurina, T.Y. (2019), Fundamentals of content metrology for monitoring social networks for information security (part 1), *Informatsiya i bezopasnost' = Information and Security*, vol. 22, no. 2, pp. 170–180.

Pavlova, N.D., Voronin, A.N., Grebenshchikova, T.A. and Kubrak, T.A. (2019), Development of an approach to the typology of network communities based on discursive signs of collective subjectivity, *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia*, Ser.: «Psychology and Pedagogy», vol. 16, no. 3, pp. 341–358.

Podvesovskii, A.G. and Budyl'skii, D.V. (2014), Problems and features of automation of social network monitoring and intelligent processing of user messages, *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta = Bulletin of the Bryansk State Technical University*, no. 4 (44), pp. 146–152.

Semjonova, A.V. (2011), Content analysis in sociology: methodological innovations, *Vestnik VjatskGU*, no. 3–1, pp. 11–15.

Semjonova, A.V. and Korsunskaja, M.V. (2010), *Content analysis of mass media: problems and experience of application*, ed. by V.A. Mansurov, Institute

of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Sokolova, G.N. (2003), Sociological monitoring, *Sociology: Encyclopedia*, Comp.: A.A. Gritsanov et al., Knizhnyi dom, Minsk, (Mir entsiklopedii), [Online], available at: https://sociology_encyclopedia.academic.ru/639/МОНИТОРИНГ_СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ (Accessed 22 October 2021).

Social and labor sphere of agriculture of the Samara region: state, trends, prospects (2010), ed. by A.F. Bokovenko, V.Yu. Bocharov and E.F. Molevich, «Samarskii universitet», Samara, Russia.

Tarshis, E.Ya. (2002), Prospects for the development of the content analysis method, *Sociologija*: 4M, no. 15, pp. 71–92.

Tjon, A. van Dejk (2013), *Discourse and power: Representation of dominance in language and communication*, Knizhnyj dom «Librokom», Moscow, Russia.

Titov, N.G., Chapurin, E.Y. Moskaleva, E.A., Bocharov, M.I. and Borisov, V.I. (2019), Methods of monitoring social networks, their development and application in the context of en-suring their information security, *Informatsiya i bezopasnost' = Information and security*, vol. 22, no. 3, pp. 305–324.

Tukumtsev, B.G. (2001), Samara monitoring of the social and labor sphere, *Sotsiologicheskie is-sledovaniya = Sociological studies*, no. 7, pp. 41–50.

Khalikov, M.S. and Magomedov, K.O. (2019), Sociological monitoring as a technology of scientific analysis and a method of communicative interaction (based on the materials of socio-logical research), *Kommunikologiya: elektronnyi nauchnyi zhurnal = Communicology: electronic scientific journal*, vol. 4, no. 4, pp. 62–75.

Khilkhanova, E.V. (2012), Media research from the standpoint of critical analysis of discourse, *Vestnik ChitGU*, no. 3 (82), pp. 72–75.

Yamshchikov, S.V. and Ivanov, E.S. (2021), Monitoring systems of Internet media as a tool of sociological research of virtual social networks, *SOCIO-SPHERE*, no.1, pp. 104–108.

Yarmak, O.V., Strashko, E.V. and Shkayderova, T.V. (2020), How internet users in Moscow, Saint Petersburg and Sevastopol reacted to the Covid-19 pandemic (based on material from a media-analysis study), *Vestnik institute sotziologii*, vol. 11, no. 3, pp. 121–142, DOI: <http://doi.org/10.19181/vis.2020.11.3.666>.

Buozis, M. (2021), Reddit's cops and cop-watchers: Resisting and insisting on change in online interpretive communities, *Convergence*, DOI: <http://doi.org/10.1177/13548565211056798>.

Caliandro, A. (2018), Digital Methods for Ethnography: Analytical Concepts for Ethnographers Exploring Social Media Environments, *Journal of Contemporary Ethnography*, no. 47 (5), pp. 551–578. DOI: <http://doi.org/10.1177/0891241617702960>.

Choudhury, M.D. and De, S. (2014), Mental health discourse on reddit: Self-disclosure, social support, and anonymity, *AAAI Publications, Eighth International AAAI Conference on Weblogs and Social Media*, Michigan, USA, from June 1–4, [Online], available at: <http://www.aaai.org/ocs/index.php/ICWSM/ICWSM14/paper/download/8075/8107> (Accessed 22 September 2021).

DeCook, J.R. (2018), Memes and symbolic violence: #proudboys and the use of memes for propaganda and the construction of collective identity, *Learning, Media and Technology*, no. 43 (4), pp. 485–504, DOI: <http://doi.org/10.1080/17439884.2018.1544149>.

Grundlingh, L. (2018), Memes as speech acts, *Social Semiotics*, no. 28 (2), pp. 147–168, DOI: <http://doi.org/10.1080/10350330.2017.1303020>.

Jacobsson, D. and Ekström, M. (2015), Dismantling discourses: compassion, coping and consumption in journalistic representations of the working class, *Critical Discourse Studies*, pp. 1–18.

Literat, I. (2021), Memes in the time of corona: an autoethnographic visual essay on memes as relational resources during the COVID-19 pandemic, *Visual Studies*, no. 36 (2), pp. 116–123, DOI: <http://doi.org/10.1080/1472586X.2021.1911678>.

MacDonald, S. (2021), What Do You (Really) Meme? Pandemic Memes as Social Political Repositories, *Leisure Sciences*, no. 43 (1-2), pp. 143–151, DOI: <http://doi.org/10.1080/01490400.2020.1773995>.

Miller, V. (2017), Phatic culture and the status quo: Reconsidering the purpose of social media activism, *Convergence*, no. 23 (3), pp. 251–269, DOI: <http://doi.org/10.1177/1354856515592512>.

Nissenbaum, A. and Shifman, L. (2018), Meme Templates as Expressive Repertoires in a Globalizing World: A Cross-Linguistic Study, *Journal of Computer-Mediated Communication*, no. 23 (5), pp. 294–310. DOI: <http://doi.org/10.1093/jcmc/zmy016>.

Van Leeuwen, T. (2008), *Discourse and practice. New tools for critical discourse analysis*, Oxford University Press, Oxford, UK.

Submitted: 19.10.2021

Revised: 10.12.2021

Accepted: 21.12.2021

НАУЧНАЯ РЕЦЕНЗИЯ
УДК 81

DOI: 10.18287/2782-2966-2021-1-4-114-116

Дата: поступления статьи: 22.10.2021
после рецензирования: 06.12.2021
принятия статьи: 20.12.2021

Л.Г. Тютелова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: largenn@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1378-2676>

**Поэтика балагана как основа целостности художественного мира
М.А. Булгакова (рецензия на монографию Головчинер В.Е., Веснина Т.Л.
«Комическое в пьесах М. Булгакова 1920-х годов»)**

Аннотация: рецензия посвящена монографии В.Е. Головчинер и Т.Л. Весниной «Комическое в пьесах М. Булгакова 1920-х годов». Автор приходит к выводу, что книга открывает роль балаганной поэтики в художественном мире М.А. Булгакова и доказывает эффективность работы с балаганной поэтикой при исследованиях российской драмы 1920-х годов.

Ключевые слова: поэтика; фельетон; драма; балаган; драматургия М. Булгакова.

Цитирование: Тютелова Л.Г. Поэтика балагана как основа целостности художественного мира М.А. Булгакова (рецензия на монографию Головчинер В.Е., Веснина Т.Л. «Комическое в пьесах М. Булгакова 1920-х годов») // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. 2021. Т. 1, № 4. С. 114–116. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-4-114-116>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Тютелова Л.Г., 2021 – доктор филологических наук, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы и связей с общественностью Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева. 443086, Российская федерация, Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC REVIEW

L.G. Tyutelova

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: largenn@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1378-2676>

**The poetics of the farce as the basis of the integrity of the artistic world
of M.A. Bulgakov (review of the monograph Golovchiner V.E., Vesnina T.L.
“The comic in M. Bulgakov’s plays of the 1920s.”)**

Abstract: the review is devoted to the monograph by V.E. Golovchiner and T.L. Vesnina “Comic in M. Bulgakov’s plays of the 1920s”. The author comes to the conclusion that the book reveals the role of farcical poetics in the artistic world of M.A. Bulgakov and proves the effectiveness of working with farcical poetics in the studies of Russian drama of the 1920s.

Key words: poetics; feuilleton; drama; farce; dramaturgy of M. Bulgakov.

Citation: Tyutelova, L.G. (2021), The Poetics of the farce as the basis of the integrity of the artistic world of M.A. Bulgakov (review of the monograph Golovchiner V.E., Vesnina T.L. “The comic in M. Bulgakov’s plays of the 1920s.”), *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 1, no. 4, pp. 114–116, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-4-114-116>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Tyutelova L.G., 2021 – Doctor of Philology, Head of the Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations of Samara National Research University, 34, Moskovskoye Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Творческий мир М.А. Булгакова достаточно давно привлекает исследователей. Проведены серьезные текстологические исследования, написаны комментарии к его работам (см. работы М.О. Чудаковой (Чудакова 1988), Л.М. Яновской (Яновская 1983), А.М. Смелянского (Смелянский 1990), и др.), определены особенности жанровой природы произведений М.А. Булгакова (см. работы Ю.В. Бабичевой (Бабичева 1982)), много сделано для определения особенностей поэтики его драмы и прозы (см. статьи Н.Н. Киселева (Киселев 1991), В.В. Гудковой (Гудкова 2008), Л.Д. Уикс (Weeks 1996), Э. Проффер (Proffer 1996) и др.). Много работ написано в рамках актуальных методологий: компаративистики, рецептивной эстетики, исторической поэтики и др. (например, Ортега Г. Рамирес (Ортега Р. Рамирес 2019)). Тем не менее, монография восполняет своеобразные пробелы в современном булгаковедении. Авторы для своего исследования выбирают материал, мало интересовавший их предшественников – фельетоны (ранние работы Булгакова – «Грядущие перемены», «В кафе», «Неделя просвещения»), которые в монографии рассматриваются в их взаимосвязи с драматургией. В частности, важными оказываются «системные проявления поэтики произведений одного рода литературы в произведениях другого рода, в том числе на уровне комической выразительности». Введение монографии будет чрезвычайно полезным тем, кому важен путь выбора теоретических оснований исследования, и тем, кто занимается изучением основных этапов освоения творчества Булгакова отечественной наукой.

Основная часть

Работа томских исследователей В.Е. Головчинер и Т.Л. Весниной (Головчинер, Веснина 2021) открывается подробной историей изучения творчества М. Булгакова. В ней названы не только имена ученых, в разные годы обращавшихся к наследию писателя, но и их подходы к его изучению. Этот экскурс в прошлое позволяет авторам монографии четко обозначить особенности своей работы уже в ее первой части.

В.Е. Головчинер и Т.Л. Веснина дистанцируются от подхода, когда ученые останавливаются исключительно только на прозе или только драматургии Булгакова и, по мнению авторов, не рассматривают «вопрос о природе, тенденциях художественных поисков писателя, о его месте в творческих исканиях эпохи» (Головчинер, Веснина 2021, с.6).

Прежде чем приступить к работе с булгаковскими текстами, авторам приходится вступить в спор о природе фельетона. Они определяют его не как канонический жанр, а как жанр, подобный

роману, имеющий только некую внутреннюю меру, в том числе – связанную с его происхождением в пору индивидуального авторства. В.Е. Головчинер и Т.Л. Весниной важным представляется и тот факт, что фельетону близка смеховая культура Античности и Средневековья. По сути, пародическое использование уже существующих форм – важная черта не только романа, как его определяет М.М. Бахтин, но и фельетона, ставящая его в ряд жанров романной природы. Это отправная точка исследования томских ученых. Она открывает им возможности зафиксировать факт авторской непроясненности жанра: одни и те же тексты Булгаковым могут называться и рассказами, и фельетонами.

В работе В.Е. Головчинер и Т.Л. Весниной возникает целостный булгаковский мир в динамике своего развития: в жанровом – от фельетона к пьесе, образном – от Дома к Антидому и т.п. При этом интересен вывод исследователей, который объясняет это развитие. Они утверждают, что Булгаков не приспосабливается ко времени, он живет, стараясь понять его и дать ему собственные оценки. В поэтике Булгакова об этом говорит тот факт, что знаки времени в авторском художественном мире утрачивают положительные коннотации. «Нарастают знаки inferнальности», которые порождают центральные мотивы и булгаковской драмы, и булгаковского эпоса.

Представляются интересными и наблюдения авторов монографии за развитием языка Булгакова. В.Е. Головчинер и Т.Л. Веснина показывают, как фельетонные описания пространства трансформируются в ремарки: «пьеса вырастает из фельетона», сохраняя «преимущественно фельетонную выразительность».

Утверждая, что для поэтики фельетона важна поэтика балаганного представления, авторы книги доказывают родство романских, фельетонных и драматических героев Булгакова (в частности – Аметистова, Кири-Куки и Воланда) и утверждают, что сочетание балаганных и inferнальных черт героев Булгакова необходимо для того, чтобы они выступили в его мире организаторами «дьявольского балагана». И именно так видит свое время писатель.

Но у Булгакова, очевидно, нет однозначной оценки России 20-х годов. Недаром, работая с комическим модусом, В.Е. Головчинер и Т.Л. Веснина замечают, что для драматурга важно чередование комического и трагического.

Заключение

Работа с поэтикой балагана позволяет авторам монографии и обнаружить основания целостности драматического мира Булгакова, и дать оценку его героям, а также определить особенности их комической природы. Интересен, в частно-

сти, вывод о том, что поэтика балагана позволяет драматургу создать не только осмеянные образы властителей, но и близкий автору образ генерала Чарноты в «Беге». При этом важно, что балаганный герой не теряет лица, что и помогает булгаковскому персонажу не только обнаружить это самое «лицо», но и сохранить его, несмотря на сложные перипетии пьесы.

Наблюдения и выводы, сделанные В.Е. Головчинер и Т.Л. Весниной, доказывают, что работа с балаганной поэтикой становится продуктивной методикой анализа российских пьес 20-х–30-х годов, поскольку их объединяет общая тенденция – ориентация на народный театр. Этот театр позволяет обновить и театральную практику, приблизив сцену к зрителям, и литературную практику постреволюционной России.

Материалы исследования

Головчинер В.Е., Веснина Т.Л. Комическое в пьесах М. Булгакова 1920-х годов. Томск: Изд-во. Том. ун-та, 2021. 140 с.

Библиографический список

Бабичева Ю.В. Эволюция жанров русской драмы XIX – начала XX века. Вологда: ВГПИ, 1982. 128 с.

Гудкова В.В. Когда отшумели споры: булгаковедение последнего десятилетия // Новое литературное обозрение. 2008. № 3. С. 363–378. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2008/3/kogda-otshumeli-spory-bulgakovedenie-poslednego-desyatiletia.html> (дата обращения: 20.10.2021).

Киселев Н.Н. М. Булгаков и В. Маяковский («Багровый остров» и «Баня») // Творчество Михаила Булгакова. Томск: Издательство Томского университета, 1991. С. 139–156.

Ортега Г. Рамирес Рецепция романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» в ибероамериканском культурной пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2019. Т. 24. № 3. С. 578–584. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2019-24-3-578-584>.

Смелянский А.И. Драммы и театр Михаила Булгакова // Булгаков М. А. Собрание сочинений в 5 тт. Москва: Художественная литература, 1990. Т. 3. С. 573–609.

Чудакова М.О. Жизнеописание Михаила Булгакова. 2-е издание. Москва: Наука, 1988. 672 с.

Яновская Л.М. Творческий путь М. Булгакова. Москва: Просвещение, 1983. 320 с.

Proffer, E. (1996), *Bulgakov's The Master and Margarita: Genre and Moti. The Master and Margarita: A Critical Companion*, Ed. by Laura D. Weeks. Evanston (Ill.), p. 99–112.

Weeks, L.D. (1996), *Houses, Homes, and the Rhetoric of Inner Space in Mikhail Bulgakov. The Master and Margarita: A Critical Companion*, Ed. by Laura D. Weeks. Evanston (Ill.), p. 143–163.

References

Babicheva, Yu.V. (1982), *The evolution of genres of Russian drama of the XIX – early XX century*, VGPI, Vologda, (In Russ.).

Gudkova, V.V. (2008), When the disputes were noisy: Bulgakov studies of the last decade, *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 3, pp. 363–378, [Online], available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2008/3/kogda-otshumeli-spory-bulgakovedenie-poslednego-desyatiletia.html> (Accessed 20 October 2021) (In Russ.).

Kiselev, N.N. (1991), *M. Bulgakov and V. Mayakovsky ("Crimson Island" and "Bath"). Creativity of Mikhail Bulgakov*, Tomsk University Press, Tomsk, Russia (In Russ.).

Ortega, G. Ramirez (2019), Reception of M. Bulgakov's novel "The Master and Margarita" in the Ibero-American cultural space, *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Literary Studies. Journalism*, vol. 24, no. 3, pp. 578–584, DOI: <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2019-24-3-578-584> (In Russ.).

Smelyansky, A.I. (1990), Dramas and Mikhail Bulgakov's theater, *Bulgakov M. A. Collected works in 5 volumes. Fiction, Moskva*, vol. 3, pp. 573–609 (In Russ.).

Chudakova, M.O. (1988), *The Life of Mikhail Bulgakov*, 2-nd edition, Nauka, Moscow, Russia (In Russ.).

Yanovskaya, L.M. (1983), *The creative path of M. Bulgakov*, Prosveshchenie, Moscow, Russia (In Russ.).

Proffer, E. (1996), *Bulgakov's The Master and Margarita: Genre and Moti. The Master and Margarita: A Critical Companion*, Ed. by Laura D. Weeks. Evanston (Ill.), p. 99–112.

Weeks, L.D. (1996), *Houses, Homes, and the Rhetoric of Inner Space in Mikhail Bulgakov. The Master and Margarita: A Critical Companion*, Ed. by Laura D. Weeks. Evanston (Ill.), p. 143–163.

Submitted: 22.10.2021

Revised: 06.12.2021

Accepted: 20.12.2021

НАУЧНАЯ РЕЦЕНЗИЯ
УДК 81

DOI: 10.18287/2782-2966-2021-1-4-117-119

Дата: поступления статьи: 19.10.2021
после рецензирования: 08.12.2021
принятия статьи: 21.12.2021

С.П. Лавлинский
Российский государственный гуманитарный университет
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: slavlinsky@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6592-1431>

**В поисках современного
(рецензия на коллективную монографию Журчевой Т.В., Саморуковой И.В.,
Сундуковой К.А., Тютеловой Л.Г. «Современное как проблема
в истории литературы и культуры: слова и границы понятий “модерн”,
“модернизм”, “постмодерн”, “постмодернизм”»)**

Аннотация: рецензия посвящена коллективной монографии Журчевой Т.В., Саморуковой И.В., Сундуковой К.А., Тютеловой Л.Г. «Современное как проблема в истории литературы и культуры: слова и границы понятий “модерн”, “модернизм”, “постмодерн”, “постмодернизм”». Автор приходит к выводу, что книга вносит существенную ясность в разграничение теоретических понятий, в частности – «модернизм» и «постмодернизм», и обладает не только научным, но и методическим потенциалом.

Ключевые слова: современное; модерн; модернизм; постмодерн; постмодернизм.

Цитирование: Лавлинский С.П. В поисках современного (рецензия на коллективную монографию Журчевой Т.В., Саморуковой И.В., Сундуковой К.А., Тютеловой Л.Г. «Современное как проблема в истории литературы и культуры: слова и границы понятий “модерн”, “модернизм”, “постмодерн”, “постмодернизм”») // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2021. Т. 1, № 4. С. 117–119. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-4-117-119>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Лавлинский С.П., 2021 – кандидат педагогических наук, профессор кафедры теоретической и исторической поэтики, Российский государственный гуманитарный университет, 125047, Российская Федерация, ЦФО, г. Москва, Миусская площадь, д.6.

SCIENTIFIC REVIEW

S.P. Lavlinsky
Russian State University for the Humanities
Moscow, Russian Federation
E-mail: slavlinsky@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6592-1431>

**In search of “the modern”
(review of the collective monograph Zhurcheva T.V., Samorukova I.V.,
Sundukova K.A., Tyutelova L.G. «Modern as a problem in the history of
literature and culture: words and boundaries of the concepts “modern”,
“modernism”, “postmodern”, “postmodernism”»)**

Abstract: the review is devoted to the collective monograph Zhurcheva T.V., Samorukova I.V., Sundukova K.A., Tyutelova L.G. «Modern as a problem in the history of literature and culture: words and boundaries of the concepts “modern”, “modernism”, “postmodern”, “postmodernism”». The author comes to the conclusion that the book brings significant clarity to the differentiation of theoretical concepts, in particular, “modernism” and “postmodernism”, and has not only scientific, but also methodological potential.

Key words: modern; modern; modernism; postmodernism; postmodernism.

Citation: Lavlinsky, S.P. (2021), In search of “the modern” (review of the collective monograph Zhurcheva T.V., Samorukova I.V., Sundukova K.A., Tyutelova L.G. «Modern as a problem in the history

of literature and culture: words and boundaries of the concepts “modern”, “modernism”, “postmodern”, “postmodernism”»), *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 1, no. 4, pp. 117–119, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-4-117-119>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© **Lavlinsky S.P., 2021** – Candidate of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Theoretical and Historical Poetics, Russian State University for the Humanities, 6, Miusskaya Square, Central Federal District, Moscow, 125047, Russian Federation.

Несмотря на свою широкую употребимость в литературоведении, термин «современное» представляется достаточно дискуссионным и не имеет четко очерченного значения. «Современность» может иметь хронологическое значение (например, «современная литература» – «литература, написанная нашими современниками»), а может заключать в себе оценочный смысл («современная литература» – «литература, отвечающая вызовам времени, отличающаяся уникальностью художественного языка»). Кроме того, понятие «современного» актуализируется в названии целой художественной эпохи – эпохи «модерна», а затем в понятии «постмодернизм».

В рассматриваемой монографии, издание которой приурочено к юбилею профессора кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью Самарского университета Николая Тимофеевича Рымаря, предпринимается попытка придать названным понятиям терминологическую четкость, сформулировать, в чем, собственно, заключается специфика современного нам художественного языка, какие его особенности считались «современными» в XX веке и какая литература может быть названа «современной» сегодня.

Теоретическим центром монографии может быть признана первая глава «Проблема аутентичности художественного языка в эпоху модерна» (Н.Т. Рымарь). Здесь сформулированы основные постулаты, позволяющие анализировать художественные феномены XX–XXI веков с позиций эстетики: проблема кризиса языка и мимезиса, проблема соотношения личного и сверхличного, проблема аутентичности художественного высказывания и различные способы ее решения в современных художественных практиках. Данная глава представляет собой обобщение и теоретическое осмысление многолетних исследований, которые нашли отражение также в авторском курсе «Художественный язык XX века», который Н.Т. Рымарь читает в Самарском университете и продолжает исследования проблем аутентичности художественного высказывания и границы в художественном языке (Рымарь 2016).

Вторая глава монографии «Модерн и постмодернизм: проблема границы понятий и художественных языков в современном гуманитарном сознании» также носит теоретический характер и посвящена чрезвычайно актуальной проблеме

разграничения понятий «модерн», «авангард», «постмодернизм» и «метамодернизм», поиску философских оснований этих явлений, анализу существующих научных теорий (Лейдерман 2005, Липовецкий 2008, Хабермас 1992, Ханзен-Леве 2016, Hutcheon 2002 и др.).

В третьей главе «Понятия “современное” и “современный язык” в истории русской литературы» рассматривается эволюция понятия «современное», а в четвертой «Модернизм и постмодернизм в русской и зарубежной литературе» и пятой «Современные литературные практики: проблема описания» в русле намеченного в первых главах теоретического подхода рассматриваются конкретные литературные произведения и практики. В приложении предложенный авторами монографии подход распространяется на явления других форм культуры (архитектура, кинематограф, особенности языка интернет-общения).

К числу достоинств монографии можно отнести тесную связь теоретических положений с анализом конкретных феноменов культуры, детальный анализ широкого круга литературных произведений XX–XXI веков в едином теоретическом ключе, что стало возможным благодаря участию в качестве соавторов исследователей разных научных школ.

Книга, несомненно, полезна и интересна не только специалистам-филологам, но также и широкому кругу ученых-гуманитариев. Первые главы монографии могут служить также прекрасным пособием для студентов и магистрантов филологических и философских факультетов. Книга также позволит внести существенную ясность в разграничение понятий «модерн» и «постмодернизм».

Материалы исследования

Современное как проблема в истории литературы и культуры: слова и границы понятий «модерн», «модернизм», «постмодерн», «постмодернизм»: коллективная монография / науч.ред: Т.В. Журчева, И.В. Саморукова, К.А. Сундукова, Л.Г. Тютелова. Самара: ООО «Слово», 2021. 344 с.

Библиографический список

Лейдерман Н.Л. Постреализм: теоретический очерк. Екатеринбург, 2005. 244 с.

Липовецкий М.Н. Модернизм и авангард: родство и различие // Филологический класс. № 2 (20). 2008. С. 24–31.

Рымарь Н.Т. Поэтика границы в литературе: эстетические и поэтологические аспекты проблемы границы как феномена художественного языка. Седльце: Издательство Естественно-гуманитарного университета в Седльце, 2016. 334 с.

Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 40–52.

Ханзен-Леве О.А. Интермедиальность в русской культуре. От символизма к авангарду. Москва: РГГУ, 2016. 450 с.

Hutcheon, L. (2002), «Postmodern Afterthoughts», *Wascana Review of Contemporary Poetry and Short Fiction*, vol. 37, no. 1, pp. 5–12.

References

Habermas, J. (1992), Modernity - An Incomplete Project, *Questions of Philosophy*, no. 4. pp. 40–52.

Hanzen-Löve, O.A. (2016), *Intermediality in Russian Culture. From Symbolism to the Avant-Garde*, RGGU, Moscow, Russian Federation.

Hutcheon, L. (2002), «Postmodern Afterthoughts», *Wascana Review of Contemporary Poetry and Short Fiction*, vol. 37, no. 1, pp. 5–12.

Leiderman, N.L. (2005), *Post-realism: a theoretical essay*. Yekaterinburg, Russian Federation.

Lipoveckij, M.N. (2008), Modernism and avant-garde: kinship and difference, *Philological class*, no. 2 (20), pp. 24–31.

Rymar, N.T. (2016), *Poetics of the border in literature: aesthetic and poetological aspects of the problem of the border as a phenomenon of artistic language*, Publishing House of the University of Natural Sciences and Humanities in Siedlce, Siedlce, Poland.

Submitted: 19.10.2021

Revised: 08.12.2021

Accepted: 21.12.2021

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Для публикации научных работ в журнале «Семиотические исследования» принимаются статьи, раскрывающие вопросы общей семиотики и смежных дисциплин, ориентированные на междисциплинарный синтез знания в рамках философии, литературоведения и социологии.

Предлагаемый в статье материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написанным в контексте современной научной литературы, а также содержать очевидный элемент создания нового знания.

Все представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и направляются на независимое рецензирование. Срок рецензирования – 1–2 месяца. Решение об опубликовании принимается редколлегией на основании рецензии.

Периодичность: 4 выпуска в год.

Подготовка статьи

Статья может быть предоставлена на русском, английском, немецком, французском, польском, китайском языках в электронном виде в формате .doc (semiotic@ssau.ru).

В статье должны содержаться следующие сведения:

1. УДК (<http://teacode.com/online/udc/>).
2. Сведения об авторе (авторах) (на русском и английском языках): ФИО, место работы, страна, электронная почта, ORCID (регистрация <https://orcid.org/>), по желанию другие идентификаторы в Scopus, WoS и т.д.).
3. Название статьи (на русском и английском языках, не более трех строк).
4. Аннотация (на русском и английском языках). Объем – 150–200 слов (на русском языке), 200–250 (на английском языке). Аннотация должна включать характеристику основной темы, проблемы (задачи) научной статьи, цели работы, методологию (методы исследования), эмпирический материал (источники), научные результаты и их новизну по сравнению с результатами, уже имеющимися в науке, выводы. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации.
5. Ключевые слова (на русском и английском языках 7–10 слов).
6. Цитирование (см. приложение «Образец оформления статьи»).
7. Благодарности (см. приложение «Образец оформления статьи»).
8. Информация о конфликте интересов (авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов).
9. Информация об авторах (ФИО полностью, ученая степень, звание, должность, место работы (кафедра, вуз, организация, предприятие), почтовый адрес места работы с указанием страны и почтового индекса).
10. Библиографический список на русском языке, на английском языке References.

Структура основного текста статьи зависит от поставленных целей, задач и исследуемых проблем, но обязательно выделять в ее композиции: введение, постановку задач (проблем), методологию, ход исследования, полученные результаты и выводы.

Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Объем статьи – 20000–40000 печатных знаков с пробелами. Шрифт Times New Roman, размер шрифта – 12, межстрочный интервал – 1. При использовании в тексте статьи дополнительных шрифтов они должны быть предоставлены отдельно. Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т. п.) дополнительно предоставляются в отдельных файлах в форматах .jpg или .png.

Правила оформления ссылок

В журнале «Семиотические исследования» для оформления ссылок в тексте принят гарвардский стиль (Harvard style).

Пример оформления ссылок в тексте публикации в соответствии с гарвардским стилем:

1 автор: Текст ... (Богатова 2015), (Richardson 2015).

2 автора: Текст (Смирнова, Федорова 2013), (Cengel and Boles 2015).

3 автора: (Смирнова, Федорова, Иванов 2013), (Cengel, Rogers and Boles 2015).

Больше 3 авторов: (Смирнова и др. 2013), (Cengel et al. 2015).

Если в списке присутствуют однофамильцы, ставятся инициалы: (Иванов И.И. 2013).

Если нет авторов: (Название год).

Несколько работ одного автора: (Петров 2014, 2016), (Richardson 2015, 2018).

Несколько работ одного автора, опубликованных в один год: (Петров 2014a, 2014b), (Richardson 2015a, 2015b).

Если используется прямое цитирование: (Петров 2014, с. 25), (Richardson 2015, p. 98).

Если цитируемая статья написана на латинице (на английском, немецком, испанском, итальянском, финском, датском и других языках, использующих романский алфавит), ссылку на неё следует привести на оригинальном языке опубликования.

Правила оформления библиографического списка и References

Библиографический список должен содержать 15–30 источников.

У всех источников в библиографическом списке необходимо проверить присвоение DOI или URL (электронная ссылка на размещение статьи в РИНЦ, например) и указать его в библиографическом описании при наличии. Иностранные источники даются на языке оригинала.

Библиографический список

Библиографический список оформляется по ГОСТ Р 7.05–2008 в алфавитном порядке, не нумеруется.

Примеры оформления библиографического списка*Законодательные материалы*

Закон Российской Федерации «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ // Российская газета. 2012 г. № Федеральный выпуск № 5976.

Стандарты

ГОСТ Р 7.0.100-2018 СИБИД. Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления // Электронный фонд: [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200161674> (дата обращения: 27.01.2021).

Архивные документы

Материалы об организации Техникума печати при НИИ книговедения // ЦГАЛИ. СПб. Ф. 306. Оп. 1. Ед. хр. 381. Розанов И.Н. Как создавалась библиотека Исторического музея: докл. на заседании Ученого совета Гос. публ. ист. б-ки ФСР 30 июня 1939 г. // ГАРФ. Ф. А-513. Оп. 1. Д. 12. Л. 14.

Книга одного автора

Рубальская Л.А. Такая карта мне легла: стихи, проза. Москва: Эксмо, 2008. 445 с. : ил.

Улицкая Л.Е. Люди нашего царя: сборник. Москва: Эксмо, 2008. 365 с.

Книга двух–трех авторов

Чиркова Ю.В., Колосова Т.А. Проективные методы в диагностике нарушений развития личности в детском возрасте : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по гуманитар. направлениям. Москва: Юрайт, 2019. 216 с.

Чернышев А.С., Сарычев С.В., Гребеньков Н.Н. Методика преподавания психологии. Современные технологии: учеб. пособие для вузов. Москва: Юрайт, 2019. 222 с.

Книга четырех авторов

При наличии четырех авторов, книга описывается под заглавием, все четыре автора указываются за косой чертой.

Разнообразие микроорганизмов источников Байкальского региона: учебное пособие / Е.В. Лаврентьева, Д.Д. Бархутова, Б.Б. Буянтуева, Б.Б. Намсараев. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госуниверситета, 2009. 148 с.

Книга пяти авторов

При наличии пяти авторов и более, книга описывается под заглавием. За косой чертой (сведения об ответственности) перечислить первых 3-х авторов с обозначением [и др.].

Рекреационный потенциал Баргузинского Прибайкалья и Селенгинской Даурии: проблемы освоения / К.Ш. Шагжиев, В.А. Бабинов, А.В. Мантатова [и др.]; Федер. агентство по образованию, Бурят. гос. ун-т. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та.

Многотомные издания

Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений с приложениями. В 11 т. Т. 7. Письма, 1905–1926. Москва: Слово, 2005. 823 с.

Гиппиус З.Н. Соч.: в 2 т. / вступит. ст., подгот. текста и коммент. Т.Г. Юрченко. Т. 1. Без талисмана; Победители; Сумерки духа. Москва: Лаком-книга: Габестро, 2001. 367 с.

Статья из журнала

Никольская А.В. Влияние цифровизации на психологическое состояние студентов с ограниченными возможностями здоровья // Вопросы психологии. 2019. № 3. С. 107–118.

Епифанцев Т.Н., Крюков А.В. Трансформация культурных кодов // Вопросы лексикографии. 2017. № 1. С. 80–86.

Статья из книги или другого разового издания

Коломак Е.А., Трубехина И.Е. Анализ пространственной концентрации экономической активности в Новосибирской области // Экономико-математические исследования: математические модели и информационные технологии. Отв. ред. Л.А. Руховец. Санкт-Петербург: Нестор-История. С. 132–150.

Электронные ресурсы

РУКОНТ: национальный цифровой ресурс: межотраслевая электронная библиотека. URL: <https://rucont.ru> (дата обращения: 14.10.2019).

Конституция Российской Федерации. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=2875> (дата обращения: 27.01.2021).

Электронный Архив В.И. Вернадского. URL: <http://vernadsky.lib.ru> (дата обращения: 27.01.2021).

Статьи с сайтов журналов и газет

Журавлева И. В. Социальная обусловленность здоровья подростков во временном аспекте // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7, № 2. С. 132–152. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2384&id=6414&l=&j=4 (дата обращения: 27.01.2021).

References

Библиографический список на латинице (References) оформляется по стандарту Harvard.

- Библиографические источники не нумеруются и располагаются в порядке, указанном в библиографическом списке.
- Для разделения элементов записи используют запятые.
- Запись всегда начинается с фамилии автора, затем инициалы, за которыми следует дата в скобках. Фамилии и инициалы авторов приводят в транслитерации (иностранных авторов – в оригинале).
- Если более чем одна запись одного и того же автора, сортировать по датам.
- Название книги и периодического издания всегда выделяется курсивом.
- Имя издателя показывается перед местом издания (как это было бы в адресе). Место издания – город, страна. Сокращения для штатов США должны быть с большой буквы и добавлены по мере необходимости.
- Ссылки на электронные ресурсы следуют тем же правилам, а затем «по адресу:» и URL-адрес.

Правила для русскоязычной литературы:

- ФИО автора (авторов) приводится в транслитерации.
- Название статьи переводят на английский язык.
- Название книги переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных книг приводят оригинальное английское название.
- Название периодического издания приводят в транслитерации. Если издательство (предприятие, учреждение, организация и т.п.) имеет официальное англоязычное название, то нужно приводить это название.
- Название издательств и организаций СНГ приводят в транслитерации.
- Название города, названия конференций, пояснительные слова, словосочетания переводят на английский язык. Для международных конференций, имеющих второе англоязычное название, приводят это название.
- Сокращения заменяют англоязычными аналогами:

part 2; volume 3; Vol. 3; pp. 10-19; 323 p.; no. 1; issue; Abstract of the dissertation; International conference proceedings (Int. Conf. Proc.); Scientific-and-technical (Sci.-Tech.) collected articles; dated 19 December 2013; monograph; Annals – Ann.; Annual – Annu.; Colloquium – Colloq.; Conference – Conf.; Congress – Congr.; Technical Paper– Tech. Paper; First; Second; Third; Fourth/nth... – 1st; 2nd; 3rd; 4th/nth...; Convention – Conv.; Digest – Dig. ; Exposition – Expo.; International – Int.; National – Nat.; Proceedings – Proc.; Record – Rec.; Symposium – Symp.; Technical Digest – Tech. Dig.

Базовая структура

Фамилия, инициалы (год издания), название, издатель, место издания, журнал и т.д., точные ссылки.

Пунктуация должна быть следующей: для двух авторов отделяются «and» и без запятой; для нескольких авторов разделяются запятыми, но последняя фамилия должна быть связана с предыдущей «and» без запятой.

Книги

Англоязычные книги

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), *Название курсив*, № издания, издательство, город, страна.

Русскоязычные книги

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), *Название in English курсив*, № издания, издательство, город, страна.

Примеры оформления в References

Книги с одним автором

Adair, J. (2018), *Effective management: How to save time and spend it wisely*, Pan Books, London, UK.

Книги с двумя и более авторами

Turchaninov, I.A., Joseph, M.A. and Kasparyan, E.V. (1989), *Fundamentals of Rock Mechanics*, Nedra, St. Petersburg, Russia.

Книги того же автора в том же году

Napier, A. (1993a), *Fatal storm*, Allen and Unwin, Sydney, NSW.

Napier, A. (1993b), *Survival at sea*, Allen and Unwin, Sydney, NSW.

Книги с анонимными или неизвестными авторами

The University Encyclopedia (1985), Roydon, London, UK.

Книги под редакцией

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), *Оригинальное название книги курсив*, № издания, in Фамилии, И.О. редакторов (ed.), издательство, город, страна.

Примеры оформления в References

Sjostrand, S. (1993), *Institutional change: theory and empirical findings*, M.E. Sharpe (ed.), Armonk, N.Y.

Статьи в журналах и периодических изданиях

Англоязычные статьи

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), Название статьи, *Название издания курсив*, vol. номер тома, no. номер выпуска (если он существует), pp. номера страниц статьи.

Русскоязычные статьи

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), Перевод названия статьи на английский язык, *Название издания транслитерация или английское зарегистрированное курсив*, vol. номер тома, no. номер выпуска (если он существует), pp. номера страниц статьи.

*Примеры оформления в References**журнальная статья*

Bessant, J. (2001), The question of public trust and the schooling system, *Australian Journal of Education*, vol. 45, August, pp. 207–226.

Khomenko, O.Ye, (2010), Control of the energy of rocks in underground ore mining, *Mining Journal. Ferrous metals*, Special Issue, pp. 41–43.

Huffman, L.M. (1996), Processing whey protein for use as a food ingredient, *Food Technology*, vol. 50, no. 2, pp. 49–52.

журнальная статья с номером тома и/или выпуском

Bessant, J. and Webber, R. (2001), Policy and the youth sector: youth peaks and why we need them, *Youth Studies Australia*, vol. 20, no. 1, pp. 43–47.

Guthrie, J. and Parker, L. (1997), Editorial: Celebration, reflection and a future: a decade of AAAJ, *Auditing & Accountability Journal*, vol. 10, no. 1, pp. 3–8.

Daniel, T. (2009), Learning from simpler times, *Risk Management*, no. 1, pp. 40–44.

Karas T.H., Moore J.H. and Parrott L.K. (2008), Metaphors for cyber security, *SANDIA report*, vol. SAND 2008–5381, pp. 3–42, DOI: <http://doi.org/10.2172/947345>.

Электронные ресурсы

Необходимо следовать той же конвенции ссылок, как для печатных источников, но включать элементы, уникальные для Web:

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), *Название курсив*, available at: полный URL, (Accessed дата обращения).

Пример оформления в References

Young, C. (2001), English Heritage position statement on the Valletta Convention, [Online], available at: <http://www.archaeol.freeuk.com/EHPositionStatement.htm> (Accessed 4 Aug 2011).

Стандарт транслитерации

При транслитерации рекомендуется использовать стандарт BSI (British Standard Institute, UK). Для транслитерации текста в соответствии со стандартом BSI можно воспользоваться ссылкой <http://translit.ru/?account=bsi>

Рукопись может быть возвращена авторам, если она не соответствует вышеприведённым требованиям.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 330

Дата: поступления статьи:
после рецензирования:
принятия статьи:

П.С. Петров

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: Petrov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0000-0560-005x>

И.В. Иванов

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: Ivanov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0347-0900-084x>

Когнитивно-семиотические аспекты моделирования в гуманитарной сфере**Аннотация:****Ключевые слова:**

Цитирование: Петров П.С., Иванов И.В. Когнитивно-семиотические аспекты моделирования в гуманитарной сфере // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. 2021. Т. 1, № 1. С. 15–25. DOI

Благодарности: авторы выражают благодарность (...) за оказанную помощь в проведенном исследовании.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© **Петров П.С., 2021** – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории журналистики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

© **Иванов И.В., 2021** – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

P.S. Petrov

Samara National Research University, Samara,
Russian Federation
E-mail: Petrov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0000-0560-005x>

I.V. Ivanov

Samara National Research University, Samara,
Russian Federation
E-mail: Ivanov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0347-0900-084x>

Cognitive-semiotic aspects of modelling in the sphere of humanities**Abstract:****Key words:**

Citation: Petrov, P.S. and Ivanov, I.V. (2021), Cognitive-semiotic aspects of modelling in the sphere of humanity, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 1, no. 1, pp. 15–25, DOI

Acknowledgments: the authors express their gratitude (...) for the assistance provided in the study.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© **Petrov P.C., 2021** – doctor of philology, assistant professor, professor of the Department of Theory and History of Journalism, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

© **Ivanov I.V., 2021** – doctor of philosophical science, professor, professor of the Department of Philosophy, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Ход исследования

Полученные результаты и выводы (Заключение)

Источники фактического материала

Чернышев А.С., Сарычев С.В., Гребеньков Н.Н. Методика преподавания психологии. Современные технологии: учеб. пособие для вузов. Москва: Юрайт, 2019. 222 с.

Библиографический список

Bessant, J. (2001), The question of public trust and the schooling system, *Australian Journal of Education*, vol. 45, August, pp. 207–226.

Guthrie, J. and Parker, L. (1997), Editorial: Celebration, reflection and a future: a decade of AAAJ, *Auditing & Accountability Journal*, vol. 10, no. 1, pp. 3–8.

Епифанцев Т.Н., Крюков А.В. Трансформация культурных кодов // Вопросы лексикографии. 2017. № 1. С. 80–86.

Журавлёва И.В., Лакомова Н.В. Региональные особенности отношения подростков к здоровью и окружающей среде // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8 № 4. С. 88–104. DOI: 10.19181/snsp.2020.8.4.7658.

References

Bessant, J. (2001), The question of public trust and the schooling system, *Australian Journal of Education*, vol. 45, August, pp. 207–226.

Guthrie, J. and Parker, L. (1997), Editorial: Celebration, reflection and a future: a decade of AAAJ, *Auditing & Accountability Journal*, vol. 10, no. 1, pp. 3–8.

Epifancev, T.N. and Krjukov, A.V. (2017), Transformation of cultural codes, *Russian Journal of Lexicography*, no. 5, pp. 80–86.

Zhuravleva, I.V. and Lakomova, N.V. (2020), Regional Features of the Attitude of Adolescents to Health and the Environment, *Sociologicheskaja nauka I social'naja praktika = Sociological Science and Social Practice*, vol. 8, no 4, pp. 88–104, DOI: 10.19181/snsp.2020.8.4.7658.

Submitted: _____

Revised: _____

Accepted: _____

